

Повесть моей жизни

главы из книги Йохевед Зив

«ЭТО СНОВА Я»

2009 г.

перевод с иврита Наталии Винниковецкой

2011-2012 гг.

Вступление переводчика

Наша семья репатрировалась из Украины в Израиль феврале 1995 года. Мы поселилась в Кфар Сабе, уютном зеленом городке, расположенном недалеко от Тель Авива.

Примерно год спустя мой муж Илья, как обычно, в пятницу утром отправился на рынок за овощами. (Овощи мы покупали раз в неделю – большой картонный ящик). Стоя в очереди к прилавку, Илья обернулся и увидел позади себя пожилую, по-европейски элегантную женщину с единственным пучком петрушки (или укропа) в руках. Естественно, он пропустил ее вперед. Женщина ответила ему: «Благодарю! Сразу видно истинного джентльмена!». И тут к ним подошел ее муж, свободно говоривший по-русски. Он представился как доктор Мордехай Зив (или по-русски Матвей Исаакович).

Так началось наше знакомство с супругами Зив-Либерзон¹...

«Поляки» - то есть, польские евреи, выходцы из Польши... Интеллигентность, душевное благородство, уникальный заряд активной доброжелательности, любовь к жизни, мягкий юмор...

До конца июня 1941 года Мордехай Либерзон жил со своей семьей в Ковеле, откуда бежал на восток. Его семья осталась и погибла. А он добрался до Средней Азии, поступил в Самарканде на медицинский факультет, окончил три курса, был призван в Красную Армию, вместе с советскими войсками вошел в Польшу. Там он познакомился со своей будущей женой Ядвигой, которую тогда еще называли Ядзей. Ее семье удалось бежать из Варшавского гетто, спрятаться и выжить... Обо всем этом вы прочтете в ее книге.

В 1949 году Ядвига с Мордехаем репатрировались в Израиль, где родилась их единственная дочь Кеня. Доктор Мордехай стал известным гинекологом. Выходя на пенсию, он подарил все оборудование своего частного кабинета «русскому» врачу-репатрианту. Тот был очень взволнован, не знал, как благодарить: «У меня просто не хватит денег, чтобы с вами за все расплатиться!» «Не нужны мне твои деньги! – ответил старый доктор, - вместо этого обещаю, что если придет к тебе на прием бедная репатриантка, то ты возьмешь с нее столько, сколько она сможет заплатить, а если ей вообще нечем будет платить – лечи ее даром! И это будет твоей мне платой!»

В том же самом 1996 году мы провели свой первый настоящий Седер-Песах в доме у Ядвиги и Мордехая. Широкий стол в просторной, ярко освещенной гостиной был накрыт белоснежной, безупречно отглаженной скатертью и торжественно сервирован. Горели свечи в серебряных подсвечниках. Доктор Мордехай, сидя во главе стола, читал Пасхальную Агаду, переводил и объяснял ее содержание нам и другим гостям, таким же «русским» репатриантам. В тот вечер он казался мне щедрым и величественным, как настоящий царь. Угощение, которое приготовила на Седер-Песах Ядвига - традиционно ашкеназийское, обильное и великолепно украшенное - было выше всяческих похвал. Ядвига, несомненно, была душой этого прекрасного дома и этого прекрасного праздника. Когда вечером все гости вместе с хозяевами вышли на улицу, то взглянув на небо, увидели полную луну в тускловатой красно-бурой дымке. Начиналась военная операция в Ливане...

А через три года мы снова получили от семейства Зив приглашение на Седер-Песах. Но на этот раз не к ним, а к их дочери Кене, которая жила со своим мужем и детьми в одном из близлежащих поселков. Никогда прежде мы не были в ее доме и нам там очень понравилось: основательно и в то же самое время уютно – большой рояль в гостиной, пасхальные свечи, старинный комод, отлично написанные маслом портреты родителей, другие не менее «качественные» картины. Повсюду цветы. Угощение, естественно, приготовила Ядвига:

¹ Репатрировавшись в Израиль, он сменил свою ашкеназийскую фамилию Либерзон на ивритскую Зив.

«гефилте фиш», какие-то фаршированные куры, бульон с «кнедлах», различные виды мяса, салаты и т.д. и т.п. Кроме всего прочего, Ядвига украсила стол композициями из живых цветов.

- Ах, что за прелесть! – восклицали гости. – Кто же это сделал?

- Я сделала, - отвечала Ядвига.

- Сами? Да нет! Разве такое возможно?

- Возможно...

В тот вечер компания за столом собралась довольно пестрая. Кроме детей и внуков нашей почтенной пары, было еще несколько приглашенных семейств. В большинстве своем опять «русские» репатрианты - подопечные Ядвиги и Мордехая. Не все были между собой знакомы и потому общая беседа сама собою склеиться не могла. Эту беседу создавала, поддерживала, украшала и расцветчивала своим юмором Ядвига. Гости уселись вокруг нее кружком, отзываясь смехом на ее шутки или отвечая на ее вопросы. Мало-помалу мы начали проявлять и собственную активность.

- Скажите, а тогда, при немцах, когда вы жили в гетто, когда вы прятались, вы тоже шутили? - спросила я.

- Конечно! – ответила Ядвига.

- Но как такое может быть?

- Ну, на улице, естественно, мы не шутили и не смеялись. Только, когда оставались одни, когда никто нас не слышал. Мы смеялись над собой, над своим положением. Только этим и спасались. Иначе бы мы погибли...

Разговор зашел о кино. В то время был очень популярен фильм «Жизнь прекрасна»: об итальянских евреях во время Второй мировой войны. Сама я этот фильм тогда еще не видела, но те, кто видел, расхваливали его на все лады. Ядвига слушала без улыбки и наконец, отрицательно качнув головой, произнесла:

- Там неправда!

- Что неправда?

- Там все неправда.

- Ну что вы, Ядзя! Почему неправда?

- Вы знаете, я, вообще, не могу читать о Катастрофе... не читаю эти книги. Не могу смотреть фильмы... Как будто все переживаю заново. Не могу... А этот знаменитый фильм я все-таки решила посмотреть. И знаете, что я вам скажу! То, что там показано - неправда. Так быть не могло!

- Ну почему же? Мне кажется, все выглядит вполне достоверным.

- О нет! После всех тех гееномов², через которые мне довелось пройти, я могу вам сказать: из подобных вещей нельзя сделать шутку. Не-воз-мо-жно. Не дано. Вы понимаете?

- Но это же не шутка... это смех сквозь слезы! Когда выходишь из зала, знаете, вот тут - в горле - стоит ком.

- Послушайте меня: когда людей отправляют в газовые камеры... из этого нельзя сделать игру... это невозможно. У меня ведь тоже был маленький братик. Когда началась война, ему было четыре года. Мы прошли через три разных гетто, потом прятались - я вам рассказывала — прятались два с половиной года! Представляете, мы сидели запертые, возле свинарника, выглядывали наружу только через узенькую щелочку. А брат был совсем еще маленький мальчик, совсем маленький, и нам тоже хотелось доставить ему хоть какую-то радость... хоть какую-то радость! А там, на улице, знаете, снег, мальчики играют: бросают снежки, бабу лепят. Братик просит: «Ну, пожалуйста, мне бы хоть одним пальчиком снежок потрогать! Только одним только пальчиком!»... И что вы думаете! – он ведь уже все понимал. Когда он заболел тяжелой скарлатиной... маленький ребенок, высокая температура, - но он знал, что нельзя ни кашлять ни плакать... ни кашлять ни плакать! Когда на День Катастрофы меня приглашают в школы, я рассказываю обо всем этом. Дети внимательно меня слушают. Но самое большое впечатление всегда производит история про Мушку.

- Кто такая Мушка?

² «гееном» – Геенна Огненная

- А разве я вам о ней еще не рассказывала?
- Нет, нет. Расскажите!
- Расскажите, Ядвига! Пожалуйста!
- Ну хорошо, слушайте...

В 2009 году Ядвига (Ойхевед) Зив-Либерзон-Кучинска выпустила книгу своих воспоминаний, которую назвала: «Это снова я». В этой книге она рассказала обо всей своей жизни, а я перевела на русский язык лишь первые десять глав - о детстве и юности Ядвиги, о Катастрофе, о том, что произошло с ней и ее близкими в Польше, до их репатриации в Израиль.

В этих главах вы также сможете прочесть также историю собачки Мушки...

Наталья Виниковецкая. 1999 - 2012 гг.

Кто безумен?

- По гетто сломя голову бежит еврей. За ним гонится немецкий офицер. Еврей, едва дыша, добегают до кабинки уборной и запирается изнутри. «Открывай!» - кричит ему немец. Еврей молчит...

Мы сидим вокруг небольшого стола, занимающего середину тесной комнаты. Мы - это наша семья: папа и мама, шестилетний братишка Фишеле, бабушка Кайла из Лодзи и мой возлюбленный Моник. Бабушка сварила на ужин картошку и кашу. Ничего другого у нас нет. Количество тоже весьма скромное, однако по меркам Варшавского гетто, это просто королевское угощение. Мы измучены месяцами голода, страха и смерти, от которых здесь негде скрыться. Но что же делать! - нужно держаться, нужно продолжать жить.

Несколько минут мы едим молча, затем взгляды всех присутствующих обращаются ко мне. Запах вареной капусты и человеческого пота насквозь пропитали тесную каморку, до отказа набитую нашими вещами: кроватями, разным собранным на растопку хламом и скудными запасами еды. Все наше немалое имущество нам пришлось оставить дома, в городке моего детства Скерневиче, откуда в мае 1941 нас заставили переехать в Варшавское гетто.

За считанные месяцы мой братишка Фишеле разительно изменился. Он резко похудел и повзрослел. Но несмотря на постоянный голод, в его глубоких глазах по-прежнему искрится улыбка. Я всматриваюсь в бледное лицо моей мамы. Она у нас - как могучая скала. Ее дух нестибаем.

- Ну, Ядзинька. Еврей не отвечает эсэсовцу, и что же дальше? - подстегивает она меня.

Ободренная ее взглядом и возгласами окружающих, я продолжаю свой рассказ:

- Немец злится и кричит: «Юде, Вермахт!»

Еврей чувствует себя неловко (на идиш «вер» означает «кто», а «махт» - «делает»).

- Вероятно, - думает он, - офицер задает вопрос: «Кто делает?»

После некоторых колебаний еврей отвечает ему громким голосом: «Это я, Янкель... делаю то, что обычно люди делают в уборной...»

Немец кричит ему: «Эс-Эс!» (на идиш - «ешь!»)

Еврей отвечает: «Сам ешь!»

Взрослые горько усмеваются. Личико Фишеле расцветает улыбкой. Рядом со мной на диване сидит мой возлюбленный Моник. Ощущение его близости согревает мне сердце. А снаружи, за стенами дома все сковано холодом смерти.

- Где это видано, чтобы на кладбище рассказывали анекдоты? - ворчит кто-то из присутствующих.

- Но нельзя же все время плакать, - благозвучный тенор моего папы заполняет все пространство комнаты. Его мягкий и в то же время убедительный голос не однажды спасал нам жизнь.

- Здесь люди умирают от голода, страх и ужас царят повсюду, каждый день из гетто уходят эшелоны смерти, нацисты над нами издеваются - а ты смеешься! Это, по-твоему, нормально?

- Я уже перестал понимать, что в этом мире нормально, а что нет, - отвечает папа.

Я внимательно на него смотрю: мой отец - Азриэль Кучински, человек высокой культуры, талантливый предприниматель, приятный собеседник, желанный гость в лучших домах нашего города и близкий друг мэра - до чего же он постарел с тех пор, как нас отправили в гетто! Его лицо осунулось, волосы поседели, душа поникла.

В противовес этой жуткой реальности я хочу заставить всех улыбнуться:

- Геббельс заходит в кафе и заказывает себе кофе. «Не просто кофе,- требует он, - а хороший кофе».

«Да, сударь» - отвечает ему официант и спешит на кухню.

«Минутку, минутку!» - кричит ему вслед Геббельс. - «Принеси мне кофе в сосуде, которого никогда не касались губы еврея!»

После жестокой внутренней борьбы официант приносит ему кофе в ночном горшке.

Евреи в гетто старались хоть чем-то себя ободрить, хоть как-то облегчить свои страдания. Рассказы о местном городском сумасшедшем были одним из способов обрести подобие утешения, по крайней мере, они вызывали горькую усмешку:

- Сумасшедший нашего гетто в последнее время завел привычку кричать на мертвецов, которых здесь собирают целыми штабелями, оборачивают в газетную бумагу и грузят на телеги. Он кричит: «Эй ты, ложись-ка на бок, дай место другим и перед тем как уезжать, не забудь оставить мне свою продуктовую карточку...»

Рассказывали, будто однажды он подошел к солдату, охранявшему ворота, и потребовал, чтобы тот выпустил его наружу: «Мне срочно нужно на кладбище, у меня там очень важное дело». Придя на кладбище, которое находилось за пределами гетто, он закричал: «Евреи, а ну-ка выходите отсюда! Освобождайте места для немцев!»

- Нет, моя Ядзя, он не сумасшедший, - произносит папа, ласково глядя меня по голове.

Восемь с половиной лет я была в семье единственным ребенком и росла, словно принцесса, как будто внутри защитной капсулы, наполненной любовью. Не было такой вещи, которую мои родители сочли бы для меня слишком дорогой. Я получала все, чего хотела, прежде чем успевала об этом попросить. Мне ни о чем не приходилось мечтать.

- И даже те душевно больные люди, с которыми мы вместе сюда ехали, - продолжает папа, - даже они не настоящие сумасшедшие. Но вот кто действительно безумен - так это немцы. Их безумие ввергнет всех нас в геенну огненную.

Возможно, именно эти минуты теплого человеческого общения в самом сердце ада научили меня целительной силе смеха. Позже я узнала, что уныние ослабляет иммунную систему, поэтому независимо от состояния больного всегда нужно дать ему нечто такое, что может его развеселить. Смех помогает нам оставаться людьми.

Я родилась в Скерневиче, маленьком городке, который находится между Лодзью и Варшавой. Наш городок насчитывал тридцать тысяч жителей, пять тысяч из которых были евреями. Благодаря центральному расположению Скерневича, в нем сходились железнодорожные ветки со всех концов Польши, и не только одной Польши, но также и Европы.

Я принадлежала к шестому поколению, родившемуся в нашем семейном доме. Это был богатый просторный дом в хорошем районе города. В нем было три отдельных входа и 15 квартир. Вместе с нами жили папины родители: дедушка Элизер и бабушка Фейга, и кроме того, мы держали постоянную прислугу - горничную и служанку. А незадолго до моего рождения к нам переехала еще и папина сестра, тетя Ханеля. Мой папа был видным общественным деятелем и членом городского экономического совета - честный, прямодушный человек, имевший много друзей, в частности, и среди поляков. Образованный, успешный,

великодушный, он щедро делился своей удачей с окружающими. Кроме всего прочего папа на добровольной основе исполнял в нашем городе обязанности общественного казначея.

Моя мама Двора, красивая женщина с сильным независимым характером, занималась активной общественной деятельностью, возглавляла еврейскую организацию «Эзра», была пламенной сионисткой. Она заботилась о молодежи, о кашеровании пищи в городе, о рабочих местах и собирала деньги на приобретение сертификатов для репатриации в Палестину.

В нашем доме царила атмосфера тепла и взаимной любви. Мою бабушку Фейгу (что на идиш означает «птица») дедушка называл не иначе как голубкой, а папа неизменно обращался к маме нежно и ласково: «моя красавица» («майне шейне»).

Из воспоминаний раннего детства самыми яркими для меня остались картины моего утреннего пробуждения. В холодную зимнюю пору я любила, завернувшись в толстое пуховое одеяло, досматривать свои сладкие детские сны. Идти по морозу в детский сад мне совершенно не хотелось.

И вот благозвучный тенор моего папы с милой песенкой на идиш начинал просачиваться в мой сон: «Вставай, поднимайся, ленивица-соня, кукушка уже поднялась...». Тетя Ханеля тоже отличалась исключительной музыкальностью. Она обладала сильным голосом и отзывалась из дальней комнаты: «ку-ку, ку-ку...», а папа и бабушка вторили ей дуэтом из другого конца дома. Так продолжалось до тех пор, пока я, наконец, не вылезала из своей постельки и не выпивала стакан горячего сладкого молока, приготовленного для меня моей мамой.

Мой любимый братик Фишеле родился в 1934 году незадолго до праздника Песах. Должна вам признаться, что поначалу мне было нелегко смириться с потерей привычного статуса единственной принцессы, и я встретила маленького брата с довольно кислой миной. Тот факт, что мама уделяет ему так много внимания, что он постоянно находится возле ее груди, вызывал во мне острое чувство ревности.

Однако увидев малыша, я не смогла устоять перед его очарованием. Он показался мне таким красивым - чудесная маленькая куколка! Я сердилась на маму за то, что она не позволяла мне в свое отсутствие кормить и нянчить братишку. Однажды, улучшив минутку, я сунула ему в ротик кусочек шоколада. Его польская няня, пани Унгер, заметив, что у ребенка изо рта вытекает струйка коричневой жидкости, подняла крик: «Пани Кучинска, срочно вызывайте доктора, с ребенком творится что-то неладное!» Она подхватила малыша на руки, чтобы отнести его к маме, и тут к ее великому удивлению у него изо рта вывалился кусочек шоколада.

Когда волнение немного улеглось, все домашние устремили на меня гневные взоры. Несколько месяцев мне не разрешали приближаться к Фишеле, что вызывало у меня чувство обиды и возмущения. Но когда он немного подрос, между нами возникла большая любовь. Мы были очень сильно привязаны друг к другу, прекрасно ладили и вместе могли играть часами. В 1937 году в нашем доме начался ремонт. Сорвали деревянный пол, чтобы сменить подстилающий слой из песка, и тут перед нашими глазами предстала удивительная картина: маленькие деревянные бочонки с сотнями медных монет, на которых были выгравированы инициалы: «AR» - заглавные буквы имени и фамилии: «Алтер Рабицки».

- Кто это - Алтер Рабицки? - спросила я маму.

- Это твой прадед со стороны бабушки. Он был одним из основателей нашего города и очень богатым человеком. Настолько богатым, что мог чеканить медные монеты с собственным именем. Я часто слышала легенду о том, будто бы он прятал свои деньги в «барлоки» - бочонки для вина или пива. Поэтому в городе нас считали богачами и называли: «потомками барлоков». Всю свою жизнь я была уверена, что это сказки, но вот теперь они оказались реальностью, которую невозможно было себе вообразить. Но знаешь, моя девочка, вы с Фишеле можете играть этими монетами, потому что в наше время они уже не представляют никакой ценности.

Нам с братишкой очень понравилась новая игра. Мы основали свой маленький банк и играли в куплю-продажу ценных бумаг.

Как резко отличались приходившие мне на память картины прошлого от жалкого вида нищей каморки в гетто! «Насколько же мы далеки от нашего теплого уютного дома, от милой

рутины той привычной жизни, - думала я, - всего лишь несколько часов езды, а кажется, будто нас разделяют тысячелетия».

Мы были одной из последних еврейских семей, покинувших Скерневич. Не зная, что принесет нам завтрашний день, мы собрали свои вещи и погрузили их на старенький грузовичок. После того как нацисты закрыли в городе еврейскую больницу, осталось несколько психиатрических больных, которым некуда было деваться. Мы взяли их собой и вместе поехали в направлении Варшавы. Мои страхи перед неведомым будущим поблекли на фоне того страха, который внушали мне своим непредсказуемым поведением наши необычные спутники. Испуганный Фишеле всю дорогу сидел, крепко прижавшись ко мне. Он боялся женщины, по имени Фрива, которая во время одного из своих приступов безумия вылила ему на голову горшок с нечистотами - только лишь за то, что он играл под ее окном. Рассказывали, будто находясь в больнице, она захотела вернуть себе ребенка, которого у нее забрали из-за ее невменяемости, боясь, как бы она не причинила ему вреда. Когда же ей все-таки дали ребенка в руки, она к ужасу всех присутствующих выбросила его из окна.

Однажды, когда моя мама в рамках деятельности одной из многочисленных благотворительных организаций пришла посетить ее на дому, Фрива, не долго думая, отвесила ей пощечину и заявила: «Это для того, чтобы вы поняли, почему меня называют сумасшедшей. Я действительно такая».

Во время нашей поездки, которая длилась около часа, я следила за каждым ее движением. Она сильно исхудала и выглядела очень слабой, казалось, у нее нет шансов выжить. К моей радости, в пути не произошло ничего из ряда вон выходящего.

Тот кошмар, который мы увидели на улицах гетто, мгновенно стер из моего сознания все прежние мысли и страхи. Это выглядело ужаснее, чем все, что я была способна себе вообразить. Смерть смотрела из каждого угла. Запах смерти наполнял воздух. Мы видели горы трупов: частью - обернутых газетами, частью - нагих, полностью открытых взглядам.

«Это то, что ожидает нас всех, - подумала я, - такой будет и наша участь. Скоро мы тоже потеряем человеческий облик».

Но мою маму беспокоило лишь одно: смогу ли я здесь продолжить прерванную войной учебу. Она обратилась с вопросом к некоему созданию, похожему скорее на человеческую тень: «Где здесь можно учиться?» Тень, оказавшаяся женщиной, бросила на маму испуганный взгляд. Ведь учеба в гетто являлась тяжким преступлением. Потом, внимательней приглядевшись к маме, она как будто немного осмелела и ответила: «Существуют комплеты, подпольные школы».

Нам с детства внушали мысль о необходимости и важности образования. Мои папа и мама учились, мой дедушка Элиезер был большим знатоком Торы. В 17 лет он получил степень раввина. Дедушка продолжал учиться всю свою жизнь, просиживая ночи над книгами Гемары, и когда он своим прекрасным голосом читал нараспев ее тексты, это звучало, как музыка. Дедушка любил заниматься вместе со своим хорошим другом, католическим священником (или ксендзом). Ксендз был невысоким, худощавым, очень приятным в общении человеком. Ко мне он относился с огромной симпатией и однажды пообещал привезти мне в подарок из большого города Варшавы какой-то необыкновенный мяч.

У ворот гетто какие-то истощенные люди предлагали свои услуги в качестве рикш. Это было душераздирающее зрелище. Мы погрузили на одного из них свое имущество, не имея представления, куда нам идти.

- Мы не пропадем, - сказала моя мама, - потому что у нас с собой есть еда. Нас найдут. Беспокоиться не о чем.

Так оно и вышло. Через считанные минуты к нам подошла женщина и предложила поселиться у нее - в обмен на продукты.

Вот так мы оказались в маленькой комнатке на улице Тварда в самом центре Варшавского гетто, недалеко от улицы Мила, где жил мой любимый Моник. Он приехал на несколько недель раньше нас, вслед за своей семьей, которая к тому времени уже поселилась в

гетто. Мои дедушка, бабушка и тетя Ханеля нашли себе пристанище возле известной тюрьмы Павьяк, тоже достаточно близко. За квартиру мы расплачивались рисом или гречкой, спасая тем самым жизнь нашим хозяевам.

Однажды они спросили: «Откуда у вас столько продуктов?»

Конечно, мы ни за что на свете не выдали бы тех, кто нам помогал. В то время было непросто найти людей, которым можно доверять, кто был способен устоять перед соблазном предательства. Поэтому в ответ мы лишь молча улыбнулись.

Для того чтобы понять, почему польский торговец Симон Ковальчик, рискуя собственной жизнью, спасал нас от голодной смерти, нужно было знать о нашем прошлом: о нашем доме в Скерневиче, о том положении, которое занимал в городе мой отец, об уме и решительности моей мамы. Но тоска по прошлому, по родному дому являлась для Варшавского гетто излишней роскошью. Кого здесь могла заинтересовать наша история? Ведь мы были не единственными, кому пришлось отказаться от своего прошлого.

Избалованный ребенок

Один их субботних вечеров незадолго до начала войны. Мы сидим вокруг праздничного стола и смотрим на румяного солдата, которого папа пригласил к нам в гости. Очевидно, этот парень выпил больше, чем собирался. Настроение у всех приподнятое, мы нарядно одеты, а широкий стол ломится от обильных угощений. Я, как обычно, развлекаю гостей единственным известным мне способом:

- Еврея призвали в Польскую армию, и сразу же начались его несчастья. Солдаты издевались над ним, дразнили Йоной и Мойше, по утрам заставляли готовить для них кофе, и наливали ему воду в ботинки. А что еврей? - Еврей... молчал. Изо дня в день терпел их издевательства, каждое утро в своих мокрых ботинках подавал им кофе, и ни на что не жаловался...

Все окружающие переводят глаза на меня.

- И так продолжалось несколько недель. Солдаты глумились над евреем, а тот в своих мокрых ботинках продолжал подавать им кофе и ни на что не жаловался. Но вот однажды они сказали ему: «Знаешь, Мойше, мы убедились, что ты хороший парень. Ты доказал свою преданность Польской армии. Мы все здесь за равенство и поэтому с сегодняшнего дня прекращаем мочить тебе ботинки». «Большое спасибо, уважаемые господа, - ответил еврей. - Я тоже за равенство, и с сегодняшнего дня прекращаю мочиться вам в кофе».

Оглушительный смех заполняет обширное пространство комнаты. На белоснежной скатерти, на блюдах из дорогого фарфора красуются приготовленные бабушкой деликатесы. В нашем доме соблюдались еврейские обычаи, еврейский календарь и кашрут, но в то же время это был либеральный, открытый дом, в котором высоко ценили культуру, ценили книги. И хотя мой дедушка Элизер был раввином, моя бабушка со стороны матери соблюдала традиции еще строже, чем он.

Дедушка всегда возвращался из синагоги с мелодией на устах. Я была уверена, что это какие-то известные произведения, и лишь много лет спустя узнала, что он сам сочинял музыку. А как он пел кидуш! Человек, который хоть однажды слышал его прекрасный голос, никогда в жизни этого не забудет.

Часто к нашим праздничным трапезам присоединялся какой-нибудь бедный студент йешивы, или приезжий, которому негде было встретить субботу, или кто-то из наших многочисленных друзей и знакомых. У моих родителей был широкий круг общения. В основном, этот круг составляли евреи, но были среди их друзей также и поляки. Например, мэр нашего города и главный врач района считались в нашем доме своими людьми.

В Скренчиве было расквартировано три армейских подразделения: офицерская школа, кавалерийский полк, и восемнадцатый пехотный полк Польской армии, в котором проходило службу много еврейских солдат. Командовал этим полком полковник Ковальски, который был известен как «филосемит». Ходили слухи, будто он усыновил ребенка из еврейского приюта.

Однажды, в качестве представителя газеты «Идише Гемайне», мой папа обратился к полковнику с просьбой отпустить на праздники еврейских солдат, пообещав, что наша городская община о них позаботится. На Ковальского это произвело такое сильное впечатление, что с тех пор они с моим папой стали друзьями. Те еврейские солдаты, которые жили недалеко от города, могли проводить праздники со своими семьями, а о тех, кому добраться до дома было сложно, заботилась наша местная община. Мы часто приглашали солдат к себе в дом, давая им возможность насладиться нашим семейным теплом и щедрым искренним гостеприимством.

Во время войны связь полковника с евреями не оборвалась. Он не испугался нацистов и не сбежал в Англию, как большинство польских офицеров. Ковальски вместе со своей семьей переселился в Варшаву и, зарабатывая на хлеб тяжелым физическим трудом, он прятал в своем доме десятки евреев, спасая им жизни.

Много лет спустя, уже в Израиле, когда я работала в институте физиотерапии в Яффо, к нам пришел на процедуры высокий пожилой мужчина. Достав его папку, я прочитала на ней фамилию - Ковальски.

- У вас интересная фамилия, не характерная для еврея. Звучит скорее, как польская, - ласково говорила я ему, занимаясь его больной спиной. - Знаете, у меня ведь тоже подобная фамилия - Кучинска...

К моему великому удивлению он оказался тем самым полковником Ковальским из моего детства.

Мы с ним узнали друг друга. Как много нам с тех пор довелось пережить! Я сумела построить свою жизнь в Израиле, у меня была профессия, дом, положение, а он выглядел беженцем - худым и никому не нужным. Он рассказал мне, что после смерти его супруги одна из спасенных им женщин убедила его поехать с ней в Израиль, но через какое-то время выставила его из маленькой квартирки, полученной ими в Яффо, и поэтому он был вынужден жить в католической церкви.

«Евреи не отплатили ему добром за свои спасенные жизни», - подумала я про себя и в дальнейшем старалась помочь ему всем, чем только могла. Впоследствии он был похоронен на католическом кладбище в Яффо.

- Евреи должны уметь смеяться над своим бедами, - говорит мой папа.

Я воспринимаю это, как поощрение к новой шутке, и пока он разливает вино по сверкающим хрустальным бокалам, начинаю рассказывать следующий анекдот:

- Один еврей служил в кавалерии, но не умел ездить верхом. Как-то раз к нему подходит офицер и говорит: «Солдат! Садись на лошадь!». Смущенный еврей безуспешно пытается взобраться на лошадь, но она все время уворачивается и отходит в сторону, солдаты вокруг хохочут. В конце концов еврей все-таки удаётся сесть в седло, но только задом наперед - лицом к хвосту.

«Вот глупый еврей!» - бурчит офицер. - Два года в кавалерии, и до сих пор не знает как правильно сидеть на лошади!»

После нескольких минут напряженного молчания еврей отвечает: «Господин офицер, откуда вы знаете, с какой стороны у меня лицо?»

Раздается оглушительный смех - смех, который помогает нам справляться с нашей скрытой болью. Ведь все мы отлично сознаем, что сколько бы евреи ни сделали для Польши, все равно мы останемся здесь неполноценными гражданами, отверженными и презируемыми, предметом постоянных насмешек.

На исходе субботы в нашем доме всегда совершали церемонию «авдалы»³. Меня, малышку, ставили на большой стул. Дедушка брал в руки серебряный сосуд в форме граната, наполненный благовониями, и передавал его бабушке. По всему дому распространялся прекрасный сильный аромат. Дедушка отпивал вино из бокала и наливал бабушке. Меня завораживал свет, касавшийся его лица, и вообще вся торжественная атмосфера этой церемонии. «Я тоже хочу попробовать вина!» - просила я. «Детям нельзя», - отвечала мама ласковым голосом, а бабушка добавляла с улыбкой: «Тем более таким красивым девочкам, как ты. Ты ведь не хочешь, чтобы у тебя выросла борода?»

³ «Авдала» («разделение») - церемония отделения субботы от других дней недели.

От этих слов мое любопытство разгоралось еще сильнее, и однажды, улучшив минутку, я все-таки слизнула капельку вина. Совершив это преступление, охваченная паническим страхом, я со всех ног помчалась к большому зеркалу в родительской спальне.

Я так долго и напряженно изучала свое лицо, что на спине у меня выступил холодный пот. Как я объясню маме, почему у меня вдруг появилась борода? Что скажут мои школьные подружки?

Дедушка остановился на пороге и заглянул в комнату.

- С тобой все в порядке, моя милая?

- Конечно, - прошептала я, но при этом в горле у меня стояли слезы. Я знала, что если он задаст мне еще хоть один вопрос, то они хлынут у меня из глаз.

Дедушка хорошо знал человеческую душу, и поэтому он осторожно спросил:

- У тебя что-то болит?

В ответ я долго отрицательно качала головой. Однако, не выдержав его испытующего взгляда, разревелась.

- Дедушка! Я жду, когда у меня начнет расти борода... Я не пойду в школу, я останусь дома, потому что все ребята будут надо мной смеяться!

- О чем ты говоришь? - улыбнулся он широкой улыбкой.

- Я попробовала вина, хоть бабушка и говорила мне, что нельзя...

Дедушка привлек меня к себе.

- Бабушка пошутила. Действительно, детям вредно пить вино, но бороды растут у только дедушек, а у детей не растут.

Увидев, что меня это не успокоило, он добавил: «А кроме того, ты же сама видела, что бабушка тоже пьет вино, но бороды у нее нет. Правильно? Борода есть только у дедушки».

Мой дед был человеком огромной веры, и вообще, исключительной личностью. Все называли его реб Лейзер. И только два человека обращались к нему иначе: его близкий друг ксендз, называвший его Аврам-Лейзер, и еще один его друг, пан Биндер, поляк из богатой аристократической семьи. Его супруга, пани Биндерова, тоже была необыкновенной женщиной, известной во всем городе акушеркой. Она принимала меня и моего брата и много помогала моей маме в после родов. У себя в доме она соблюдала кашрут, потому что считала кашерную пищу более вкусной.

На дощатом полу возле своей широкой, мягкой и удобной кровати мой дедушка расстелил коврик и спал на нем - специально для того, чтобы создать себе неудобства. «Ведь не всем людям выпала такая счастливая судьба. Я должен чувствовать себя так же, как они», - объяснял он.

Но его собственная жизнь тоже не всегда была легкой. Еще в юности дедушка был известен своими выдающимися успехами в изучении Торы, и когда он занимался в йешиве Котнера, один из местных богачей предложил ему в жены свою дочь. Дедушке было тогда 17 лет. Богач показал ему одну из трех своих дочерей - юную красавицу, и дедушка ответил согласием. Но в первую брачную ночь он обнаружил, что его жена - калека, и потребовал расторжения брака.

- Не гнушайся ею, - ответил богач, - сначала исполни заповедь: «Плодитесь и размножайтесь», а потом мы тебя отпустим на свободу, еще и денег дадим в придачу.

Дедушка провел со своей женой-калекой всего лишь одну неделю. От этого брака родился мальчик, которому дали имя Мелех Кучински, и все последующие годы он жил со своей матерью. А праздники неизменно проводил с отцом, - даже после того, как дедушка женился на моей бабушке и родились мой папа и тетя Ханеля. Отношения отца со старшим сыном всегда оставались добрыми, и даже его мать нередко приезжала, чтобы посоветоваться с дедушкой.

И вот однажды она написала ему, что собирается вместе с Мелехом эмигрировать в Америку. Мальчику к тому времени исполнилось 15 лет. Дедушка их благословил. В Америке они очень преуспели. Мелех открыл в Детройте конфекционный бизнес, приносящий ему немалые доходы. На каждом костюме, который продавался в его магазине, висела бирка с

надписью «Качин» - сокращенный вариант непроизносимой для американцев фамилии Кучински. Пока его мать была жива, они поддерживали с нами постоянную переписку.

Дедушка очень любил мою бабушку - красивую, педантичную женщину. Он нежно о ней заботился и постоянно оказывал ей разные мелкие услуги.

Помню, у бабушки были черные лакированные туфли-лодочки со специальными колодками, которые она вкладывала в них для сохранения формы. Как-то раз в субботу дедушка и бабушка взяли меня с собой на прогулку по широкому городскому бульвару. Бабушка слегка прихрамывала и то и дело опиралась на дедушку.

- Майне шейне (моя красавица), что с тобой случилось? - озабоченно спросил он.

- Ничего страшного. Вероятно, мозоль, - ответила бабушка и взяла его под руку.

Ближе к вечеру, когда мы вернулись домой, бабушка, вставляя колодки в свои «лодочки», вдруг обнаружила на каждой из них по дыре, вырезанной бритвенным лезвием.

- Что ты наделал, Лейзер? Что ты наделал! - закричала она.

- Теперь тебе будет удобно, туфель не будет давить на твой мозоль, - ответил дедушка. - А на другом туфле я прорезал дыру для симметрии. Люди подумают, что если так ходит пани Кучинска, значит, это последняя парижская мода, и станут тебе подражать.

- Лейзер, Лейзер! - вздохнула бабушка и обняла его.

В нашем классе было две Ядвиги, две задушевные подружки. Семья Ядзи Вейв держала продуктовую лавку.

История, которую я хочу здесь рассказать, произошла незадолго до праздника Шавуот, дождливой и слякотной польской весной. Мама Ядзи взяла нас обеих в пекарню, чтобы наглядно продемонстрировать процесс изготовления праздничного творожного пирога. С огромным интересом мы наблюдали, как своими ловкими сильными руками она смешивает ингредиенты, месит тесто, чем-то его посыпает, пробует на вкус, что-то добавляет, выкладывает в специальную форму и сажает в печь.

Через несколько минут чудесный запах сдобы заполнил всю пекарню. После этого Ядзина мама взяла свою дочку за руку и направилась к выходу. «Мне срочно нужно к мяснику, пока у него еще открыто, - обратилась она ко мне. - Ты сможешь принести ко мне в лавку готовый пирог?»

Воспитание, полученное мной в семье, не позволяло ответить отказом, и я осталась ждать окончания выпечки.

Вынутый из печи пирог выглядел необыкновенно пышным, сдобным и аппетитным! Пекарь помог мне взять горячую форму, предварительно подложив под нее два кухонных полотенца, чтобы я не обожгла себе руки. После чего я отправилась в путь - десять минут по немощеной дорожке, через вязкую грязь. Прохожие удивлялись, глядя на маленькую девочку, которая тащит ношу, размером большую, чем она сама. Мне было тогда около семи лет, но ростом я была ниже своих сверстников. Форма заслоняла мне дорогу, я не видела, куда ступаю, и в результате поскользнулась. Тяжелый груз вывалился у меня из рук и упал на землю. Я чувствовала себя бесконечно несчастной. Собрав обломки пирога вместе с налипшей на них грязью, я бросила все обратно в форму и, дрожа от страха, снова пустилась в путь. Добравшись до места, я быстро поставила свою ношу на прилавок и бросилась к выходу, спеша покинуть лавку прежде, чем обнаружится происшедшая катастрофа.

- Вот умница! Хорошая девочка! Спасибо тебе большое, иди сюда, я дам тебе конфетку, - позвала меня пани Вейв, но я уже со всех ног неслась домой.

- Что с тобой, моя лапонька? - спросила тетя Ханеля. - Тебя кто-то обидел?

Она любила меня, как родную дочь. К тому времени ближайшие соседи уже успели доложить ей о случившемся.

- Погодите, - добавили соседи, - скоро эта пани сама явится к вам и устроит большой скандал.

- Пусть только попробует! Получит от меня вдвойне! - пообещала моя тетья не в меру активным доброжелателям. - Где это видано, чтобы маленькому ребенку поручали таскать такие тяжести! Что она себе думала?

Сдавленным голосом я рассказала тете Ханеле о своей беде. Она погладила меня по головке:

- Не беспокойся, моя красавица, с этой проблемой мы быстро разберемся. Пойди умойся. Все будет в порядке.

- Вы знаете, что наделала ваша Ядзя! - истошные вопли пани Вейв разносились по всему кварталу. - Она испортила мне праздник!

- А в чем, собственно, дело? Что она натворила? - спросила тетья Ханеля, разыгрывая полную неосведомленность.

С пылающими щеками и пересохшим горлом пани Вейв изложила ей всю волнующую историю с начала и до конца.

- Как?! Вы велели маленькой девочке тащить такой тяжелый груз? Да что вы при этом думали? Почему вы сами не отнесли свой пирог домой? Или не поручили своей Ядзе? Такая работа не для ребенка! Это могло повредить ее позвоночнику! Как вам не стыдно являться сюда с подобными жалобами?

Пани Вейв потеряла дар речи.

- Пойдите и испеките себе новый пирог, а я желаю - и вам и нам - веселых праздников! - сказала Ханеля с улыбкой и закрыла за ней дверь.

**

Мы с Фишеле, как полагается мальчикам и девочкам нашего круга, были хорошими воспитанными детьми, однако при этом достаточно избалованными и шаловливыми.

Одно из моих ранних воспоминаний. Мне три года, я сосредоточенно шагаю между высокими снежными сугробами, неся в руках плетеный стульчик.

Сионистские деятели нашего города решили открыть у нас детский сад с преподаванием на иврите. В качестве воспитательницы пригласили выпускницу специализированных курсов из Вильно. Моя мама участвовала как в финансировании этого предприятия, так и в сборе средств на его организацию. И хотя садик был платным, записать в него своих детей смогли далеко не все желающие, потому что в нем было всего лишь 30 мест. И вот наступил день торжественного открытия. Естественно, мою маму пригласили на эту церемонию и она взяла меня с собой. На улице стояла зима, день выдался особенно морозным, поэтому мама надела на меня самые красивые из моих теплых вещей - меховую шубку и сапожки. В нашем городе обычно бывало холоднее, чем в Варшаве и Лодзи, вероятно, из-за преобладания северных ветров.

Церемония получилась впечатляющей, в помещении было тесно от счастливых, смеющихся детей. Бат-Шева - так звали воспитательницу - улыбалась сияющей улыбкой, пела и играла с ними на иврите, атмосфера в садике была замечательная.

- Я хочу здесь остаться! - сказала я маме капризным тоном. - Дома мне скучно!

- Ты не можешь здесь остаться, моя милая, - ответила мама и многозначительно посмотрела на воспитательницу.

Та подошла ко мне и объяснила, что садик переполнен, что в нем просто нет больше мест. Игры и занятия проходили в двух небольших комнатах. «Ты видишь, - терпеливо объясняла мне воспитательница, - тут нет места для еще одного ребенка. Может быть, в следующем году...»

Я была разочарована. В продолжение всей праздничной церемонии я стояла рядом с мамой, сгорая от нетерпения. Сионисты из Варшавы и Вильно, приехавшие нас поздравить, выступали с речами, которые казались мне бесконечными. Церемония явно затягивалась. А меня так манили игрушки в этом садике, так завораживали игры и песни, что я решила любой ценой сюда вернуться. Воспользовавшись моментом, когда моя мама была чем-то занята, я отпустила

ее руку и помчалась домой. Меня скрывали снежные сугробы, мои щеки горели от мороза и возбуждения, я бежала, не останавливаясь.

Через считанные минуты мама обнаружила мое отсутствие. Радость праздника обратилась в тревогу. Друзья и соседи в паническом состоянии бросились меня искать. К поискам подключилась полиция, но все было напрасно: я как-будто сквозь землю провалилась. Даже не могу себе представить, о чем думали в эти страшные минуты мои родители.

После полудня я вернулась домой, сияя о счастья.

- Где ты была? - воскликнула мама и, заключив меня в свои объятия, с облегчением вздохнула.

- Куда ты пропала? Тебе кто-то что-то сделал? - спрашивал папа, пытаясь скрыть свою тревогу.

- Я была в садике, - ответила я без колебаний. - Играла, пела, училась. Завтра пойду туда опять.

Под их изумленными взглядами я продолжила свой рассказ:

- Воспитательница сказала, что в садике для меня нет места. Поэтому я пошла домой, взяла свое креслице и принесла его в садик. «Я принесла себе место», - сказала я воспитательнице, и она разрешила мне остаться.

Через несколько десятков лет на одной из встреч нашего городского землячества незнакомая мне с виду женщина представилась следующим образом: «Я работала в Скерневиче воспитательницей».

- Меня зовут Ядвига, - отозвалась я, - а мою воспитательницу звали Бат-Шева.

Мы бросились друг дружке в объятия.

- Так ты та самая девочка? Все годы, что я работала с детьми, я рассказывала им про маленькую девочку, которая принесла себе место.

Через год после описанных событий я начала посещать садик в качестве обычной воспитанницы, я очень любила игры и представления, песни и сказки.

Обычно воспитательница ставила посередине комнаты таз, в котором мы, дети, вернувшись со двора, отмывали грязь от своих рук и лиц. Затем, уже чистые, усаживались на скамейке у стены и меняли обувь. Однажды я решила перепрыгнуть через этот таз, и ко мне тут же присоединились мои товарищи. По прошествии нескольких минут мы все уже были по грудь мокрыми. Это происходило зимой, в садике хорошо топили, но сменной одежды ни у кого не было. Не видя другого выхода, воспитательница завернула нас в теплые одеяла и вызвала мою маму. Та быстро приехала на запряженных лошадьми санях и привезла сухую одежду. Она обняла меня и прижала к себе с любовью и нежностью.

Мой братик тоже рос шалуном. Однажды ему пришла в голову мысль сделать себе скрипку.

- Из чего делают скрипки? - спросил он дедушку.

Дедушка, который всегда нам все терпеливо и подробно объяснял, ответил ему:

- Ингеле (мальчик) мой, сначала нужно сделать смычок.

- А из чего делают смычки? - настаивал Фишеле, который был умным любознательным ребенком.

- Из конского волоса.

Несколько дней Фишеле ходил сам не свой, с нетерпением ожидая базарного дня. И как только этот день наступил, он выскочил из дому, побежал на базарную площадь и, ухватив за хвост одну из крестьянских лошадей, принялся выдергивать из него волосы. Лошадь взвилась от боли, начала брыкаться и кидаться во все стороны. Прилавки со сливочным маслом, творогом, яйцами, фруктами и овощами повалились на землю, товар рассыпался. Началась всеобщая паника.

- Кто этот мальчик? Что он сделал с лошадей?

- Ах ты проказник! Из-за тебя пропал весь мой товар!

Крестьяне погнались за Фишеле, а он бросился со всех ног домой и, затаив дыхание, спрятался под столом. Убиравший в нашем доме поляк был чрезвычайно нам предан, и не даром: он занимал у нас две комнаты и получал приличное жалование. Успокоив испуганного ребенка, он вышел на улицу к разгневанным крестьянам и грозно крикнул: «А-ну уходите отсюда! Я своего молодого хозяина никому и пальцем не дам тронуть!»

Один день следовал за другим, и это были мирные, спокойные дни. Никто тогда и вообразить себе не мог, что ожидает нас в недалеком будущем, и какие силы, способности или человеческие качества послужат впоследствии к спасению нашей жизни.

В Лодзи у нас была многочисленная и очень богатая родня. У папиной бабушки там жили братья и сестры, и у папиной мамы тоже. Мой дядя Моше был очень богатым и в то же время чрезвычайно скупым человеком. Я всегда радовалась, когда он приезжал к нам в гости, но еще больше я радовалась его отъезду, потому что он всегда дарил мне на прощание небольшую сумму денег, которая в моих глазах выглядела целым состоянием. Однажды, не успев войти в дом, как я спросила: «Дядя Моше, а когда ты уедешь?» Он обиделся и выговорил моим родителям за то, что они плохо нас воспитывают, что мы с братом - грубые, избалованные дети. Папа и мама предпочли смолчать, но дедушка ответил: «Послушай, Моше, если ты сразу же по приезде будешь ей что-нибудь дарить, она не станет с таким нетерпением ожидать твоего отъезда». На что дядя сердито возразил: «Я не намерен из-за детских капризов изменять своим правилам».

В то время моей заветной мечтой были домашние качели, которые крепились к раме двери, и дедушка попросил тетю Ханелю купить такие качели и сказать, будто их прислал мне в подарок дядя Моше. Естественно, я очень обрадовалась, и когда он приехал к нам в следующий раз, бросилась к нему на шею с благодарностями за чудесный подарок, который он мне прислал.

- Я ничего тебе не посылал, - холодно ответил дядя. И снова выговорил дедушке за мое неправильное воспитание: «Мало того, что вы ее балуете, так вы еще к тому же говорите ей неправду!»

Но не подумайте, будто мы не имели понятия о границах дозволенного или о моральных ценностях. В нашем доме строго соблюдались традиции и четкие правила, относительно того, как следует себя вести, а как не следует, что достойно уважения, а что нет.

Вот основное правило, которого мы придерживались: «Никогда не отзываться плохо ни об одном человеке, ни о ком плохо не думать и не сплетничать. В каждом человеке есть нечто хорошее, и нужно стараться это хорошее найти».

Однажды дедушка обнаружил, что я стою перед зеркалом с высунутым языком и напряженно всматриваюсь в свое отражение.

- Милая моя, - спросил он, - что случилось на этот раз?

- Ты же сказал, что если я о ком-нибудь плохо подумаю, то у меня распухнет язык. А я поссорилась с подружкой, - ответила я, рыдая, но увидев улыбку на его лице, быстро успокоилась.

К образованию в нашей семье относились, как к высшей ценности. В первый класс я пошла на год раньше своих сверстников, потому что была способным, развитым ребенком. Я начала учиться в еврейской школе «Тарбут» у двух замечательных педагогов - Жименко и Каане, окончивших педагогическое училище в Вильно. Моя учеба в этой школе продолжалась три года, пока ее не закрыли из-за финансовых проблем.

Моя мама, принимавшая в нашей семье все важные решения вместо папы, слишком занятого своими делами, - записала меня в общеобразовательную польскую школу, которая находилась недалеко от нашего дома. При этом я еще четыре раза в неделю посещала уроки иврита в одном из кружков организованной мамой сети.

В школе у меня появились новые друзья. Особенно крепко я подружилась со своей соседкой по парте Галой. По ее одежде было видно, что экономическое положение в их семье не из легких. Отец работал на фанерной фабрике и получал мизерную зарплату. Гала приносила в школу бутерброды из самого дешевого хлеба, намазанные прогорклым маслом. Она

постоянно ходила голодной. А мои бутерброды всегда были полны всего самого вкусного и масло на них было свежайшим.

Когда я откусывала от своего бутерброда и видела, как у нее при этом открывается рот, я говорила ей: «Послушай, твой бутерброд выглядит таким аппетитным! А твой хлеб так вкусно пахнет! Давай меняться!» Естественно, она с радостью соглашалась и проглатывала мой бутерброд в мгновение ока. А я не могла есть ее бутербродов и потихоньку клала их в птичью кормушку на заднем дворе школы.

Многие из моих одноклассников жили в нужде, и моя мама предложила, чтобы дети из благополучных семей приносили в школу по два бутерброда и делились с товарищами.

Однажды я попросила еще и третий бутерброд, объяснив, что моя подружка предпочитает мои завтраки тем, которые ее мама кладет ей в школьную сумку. Я приносила Гале свежие булочки и радовалась, видя, какое она получает от них удовольствие.

В польской школе меня тоже считали очень способной ученицей. А однажды - это было еще в начальных классах - я удостоилась наивысшего отличия. Наш город готовился к приезду главы правительства, Юзефа Пилсудского, и для выступления на праздничной церемонии из всех учащихся нашего города выбрали меня. Мне поручили декламировать стихи знаменитой польской поэтессы - Марии Конопницкой. Я отказалась читать это стихотворение так, как хотела моя учительница. «Я буду выступать перед публикой, как я сама это понимаю», - заупрямилась я. В свои шесть лет я уже была в душе актрисой. Разумеется, я тогда и не догадывалась о том, что мой дар перевоплощения в будущем поможет мне выжить.

В балетной пачке, украшенной птичьими перьями, я громко и с выражением прочитала стихотворение о птице, сидящей в золотой клетке.

«О чем ты грустишь? - спрашивают птицу. - Ведь у тебя все есть: пища, вода и богатство».

Прижав руки к туловищу и печально склонив голову, я произнесла трагическим тоном:

*«Вам не понять тоски
Плененной птицы,
Я одинока, нет родной души,
Чтоб перед ней излиться,
И рассказать
Про все мои невзгоды.
О, лучше б у меня забрали жизнь,
Но не свободу!»*

Через несколько секунд, сложив руки на груди, я под гром аплодисментов кланялась публике.

На Пилсудского моя декламация произвела настолько сильное впечатление, что он поднял меня на руки и расцеловал. На следующий день к радости и гордости всех горожан в местной газете появилась наша великолепная фотография.

В двенадцать лет я окончила народную школу и перешла в среднюю. Туда не слишком охотно принимали еврейских детей, но поскольку мой папа был известным и уважаемым в городе человеком, меня согласились зачислить при условии сдачи вступительного экзамена. Экзамен оказался трудным, но я успешно его выдержала.

В сентябре 1939 года⁴ началась война и вместе с ней - гонения на евреев. Моя мечта о школе стала неосуществимой, но тем не менее я не бросила учебу. Один из наших школьных преподавателей, профессор Скжичак занимался со мной дома, пока это еще было возможным - даже после того, как нас заперли в гетто. Я любила учебу и продолжала учиться, невзирая на то, что это стало представлять смертельную опасность.

⁴ см. главу «Историческая справка»

Победители на час

Папа разлил по бокалам вино и обнял мою маму. Его глаза светятся гордостью. На столе сверкает хрусталь, красуются шелковые салфетки - все это говорит о том, что изысканные блюда, поданные в этот вечер моей мамой, предназначены для почетных гостей.

С противоположной стены на меня пронзительным взглядом смотрит красавица-цыганка с гадальными картами в руках. Картина, написанная маслом, изображает ее в натуральную величину и настолько достоверно, что кажется, будто цыганка готова сию минуту пуститься в пляс. Я чувствую себя на вершине блаженства: ведь несмотря на позднее время, мама и папа разрешили мне остаться за столом с их гостями.

Мои родители принадлежали к элите Скерневича. Папа получил от польского правительства лицензию на лотерейный бизнес, что свидетельствовало том особом положении, которое он занимал в нашем городе. Ведь только человек, обладавший значительным капиталом и безупречной репутацией, мог получить подобное право. Для продажи лотерейных билетов папа нанимал субподрядчиков-поляков.

У родителей были теплые отношения с многими поляками, и все они любили бывать у нас в доме. Среди самых близких друзей нашей семьи были супруги Жужински, которых мы принимали у себя, как родных. Муж служил в Польской армии в чине капитана, военная служба давала ему устойчивое положение, высокое жалование, комфортабельную квартиру, и когда он проезжал по улицам верхом на своей лошади, то казалось, будто весь город находится в его власти. О его темноволосой супруге говорили, что она красива, как еврейка. Их чудесный сынок Янушек был моим ровесником. А поскольку я была хорошей воспитанной девочкой, его мама хотела, чтобы он со мной дружил, и часто присылала его к нам в сопровождении ординарца своего мужа. Зимой, не спросив разрешения родителей, мы убежали с ним в парк кататься на санках.

Родители не разрешали мне одной гулять в парке, потому что в то время на улицах нашего города уже начал проявляться антисемитизм, ненависть к евреям приобретала легитимность, ее декларировали открыто. Но когда рядом со мной был Янушек, я ничего не боялась. В те веселые беззаботные дни он учил меня кататься по льду и я была совершенно счастлива.

Мы понимали, что впереди нас ожидают тяжелые времена, но наше крепкое семейное единство, юмор и смех помогали нам справляться с ситуацией.

Папа поддерживал деловые связи с местным банком, которым управлял пан Олчаковски. Иногда папа даже занимал ему деньги, но тайно, чтобы не повредить репутации банка и не разрушить имидж его надежности. Однажды папа пришел в банк, чтобы снять со своего счета небольшую сумму. Кассир, привыкший работать с крупными вкладами, выдал ему в десять раз больше.

- Вы ошиблись, - вежливо обратился к нему папа.

Но прежде чем он успел объяснить кассиру, о какой ошибке идет речь, тот закрыл свое окошко и очень громко, чтобы слышали все присутствующие, ответил:

- Эти евреи всегда создают проблемы!

Папа вернулся домой с тяжелым сердцем и рассказал обо всем дедушке.

- Да, недобрые ветры дуют сейчас в Польше, - согласился отец и сын. - Евреи стали козлами отпущения для всех партий.

Смерть Юзефа Пилсудского в 1935 году стала поворотным пунктом, определившим негативную перемену в политике польских властей по отношению к еврейскому населению, что повергло всех нас в состояние ступора.

Я вспоминала доброго «дядю», который обнимал и целовал меня на торжественной церемонии в школе. Мои родители тяжело переживали смерть политического лидера, который давал польским евреям ощущение безопасности и принадлежности к стране. Он твердо противостоял силам антисемитизма, поднимавшим голову вследствие социальных и экономических кризисов, сотрясавших Польшу между двумя мировыми войнами. Мои родители и их друзья уважали Пилсудского также и за его отношение к нацистскому режиму, за то, что в 1932 году он призывал Францию бороться с Гитлером. Однако реальность нанесла им тяжелый удар - когда в 1934 году Польша подписала с Германией договор о ненападении. Через считанные годы всем стало ясно, что этот договор не стоил даже той бумаги, на которой он был написан.

Слухи об отчаянном положении евреев в Германии стали постоянной темой разговоров между взрослыми. При том, что и у нас в Польше насилие по отношению к евреям тоже превращалось в обычное явление. Националистически настроенная безработная молодежь и политические лидеры, любой ценой искавшие себе сторонников, во всех бедах обвиняли евреев. С евреями не только расправлялись физически, их также пытались лишить заработка, разрушали и грабили еврейские предприятия. Молодые, горящие ненавистью поляки вывешивали на еврейских магазинах огромные лозунги-призывы: «Не покупайте у евреев!», на многих магазинах стали появляться вывески с короткой надписью: «Наш». Эта надпись свидетельствовала об их принадлежности «истинным» полякам.

Местная полиция демонстрировала полную беспомощность и не спешила разбираться с жалобами пострадавших еврейских граждан.

- Вы помните, как несколько лет назад я уговаривала всех вас репатрироваться в Эрец-Израэль (страну Израиля)? - восклицала мама со сверкающим взглядом.

- Сейчас я сожалею о том, что помешал вам это сделать, - признался дедушка. - Но мне так хотелось, чтобы мои дети и внуки были рядом со мной! Тем более, что в 1931 году Палестина представлялась далекой и опасной пустыней.

- Да. Но что же мне *сейчас* делать с этими деньгами? - спросил папа, возвращая беседу в реальное время и место.

- Ты должен срочно пойти к управляющему банком и до конца рабочего дня отдать ему эти деньги, чтобы не играть на руку клеветникам, утверждающим, будто все евреи - воры.

Папа отправился домой к управляющему Олчаковскому, изложил ему в подробностях всю историю и сказал: «Прежде всего, возьмите назад эти деньги... Но как поступить с кассиром?»

Оба смотрели друг другу в глаза, проигрывая в уме различные варианты.

- Знаете, что, - предложил, в конце концов, папа. - Скажите кассиру, чтобы он подвел итог сегодняшнего дня, и посмотрим, обнаружит ли он свою ошибку.

- Положитесь на меня, - ответил Олчаковский. - Он получит хороший урок и при этом никогда не узнает о нашем разговоре. Спасибо вам за вашу честность. Вы хороший человек и настоящий друг.

Наутро управляющий банком потребовал, чтобы кассир еще раз подвел итог вчерашнего дня.

Тот сделал новый расчет, но не сумел обнаружить недостачи в несколько тысяч злотых.

- Подсчитайте снова, - потребовал управляющий, но кассир настаивал на том, что у него, как всегда, все в полном порядке.

- Вчера, работая с паном Кучинским, вы допустили ошибку, - спокойно сказал управляющий. - Вы выдали ему намного больше денег, чем следовало.

- Нет, я выдал ему ровно столько, сколько было нужно. Я подсчитал кассу, и у меня все сошлось. Пан Олчаковский, вы же знаете этих евреев: они всегда создают проблемы.

- Я еще раз вас спрашиваю: вы уверены, что ваша касса в полном порядке?

Опасаясь потерять свое место, кассир утвердительно кивнул.

- Так вот она - эта нехватка! - управляющий с презрением швырнул на стол пачку банкнот. - Вы выдали в десять раз больше. А пан Кучински, как честный и порядочный человек, вернул мне все деньги.

Этот кассир был известной в городе личностью, главой правой антисемитской партии, идеология которой строилась на ненависти к евреям. Кроме того, он являлся также редактором газеты «Три Гроша», распространявшей в городе их ядовитую пропаганду.

- Итак, слушайте меня внимательно, - продолжил Олчаковски. - Я возвращу эту сумму в кассу и не уволю вас с работы лишь при одном-единственном условии: вы публично извинитесь на страницах своей газеты перед паном Кучинским, а также перед всеми остальными евреями.

Кассир только сглотнул слюну, и на завтра среди провокационных статей о разрушительной роли евреев в мировой экономике, об их вине в царящем в стране экономическом и социальном кризисе, о том, как они урезают зарплаты несчастным полякам и т. д. и т. п., - крошечными буквами было опубликовано извинение. Помню, как мой папа и пан Олчаковски выбросили этот злобный листок в мусорную корзинку и, неспешно потягивая виски, вернулись к прерванной беседе. А меня отправили спать.

Мы верили в здоровые, разумные силы польской улицы. Ведь в течение долгих столетий евреи являлись важной частью польской экономики и общества. Мы не могли себе представить, насколько резко изменится к худшему наше положение за несколько ближайших лет, а надвигающиеся кошмары гитлеризма представлялись нам страшным сном, от которого мы проснемся утром.

Весной 1937 года пан Симон Ковальчик открыл на главной улице нашего города, рядом с костелом большую продуктовую лавку. На вывеске он написал слово «Наша», надеясь таким образом увеличить свои доходы.

Через несколько дней у него появились конкуренты: на противоположной стороне открылся огромный кооперативный магазин, с кичливой вывеской: «Наш, приходите к нашим, все - для наших, не покупайте у евреев». Хозяева магазина поддерживали правую националистическую партию. Магазин привлекал покупателей исключительно низкими ценами, и польские крестьяне, готовые ради выгодной сделки преодолеть немалое расстояние, стали покупать товары в новом магазине. Ковальчик находился на грани банкротства.

Будучи уверенным, что банк не согласится предоставить ему ссуду, он пришел к моему папе и попросил у него в долг три тысячи злотых, что по тем временам являлось огромной суммой. Дело было в пятницу. Папа обратился за советом к маме, которую за ее блестящий острый ум называли «адвокатом».

- Вы получите ссуду, о которой просите, но не сегодня. Поговорим в воскресенье, - сказала она Ковальчику и поспешила на железнодорожную станцию, чтобы успеть на последний экспресс, прибывающий Лодзь до наступления субботы.

В Лодзи она встретила со своим братом Моше, обладателем огромного движимого и недвижимого имущества и, в том числе, корабля, стоявшего на якоре в порту Гдыня. На этом корабле он доставлял в Польшу импортные товары.

- Все ли в порядке дома? Все ли здоровы? Что привело тебя к нам за минуту до наступления субботы? - спрашивали ее наперебой родственники.

После обмена любезностями, легкого угощения и отчета об успехах детей мама перешла к делу:

- Мы должны дать урок этим наглым националистам. Нельзя допустить, чтобы их брань и призывы к насилию оставались единственным голосом, который слышен в нашем городе. Нужно ударить их по самому больному месту - по карману... Короче, есть один парень, который попал в беду, мы должны ему помочь.

Маме удалось привлечь внимание дяди Моше, и она продолжила свою вдохновенную речь:

- Этот парень попросил у меня в долг три тысячи злотых. Вместо этого я хочу купить у тебя на эту сумму товаров по их себестоимости.

- Знаешь, сколько ты на этом заработаешь? - дядя Моше наморщил лоб и принялся бормотать какие-то числа, подсчитывая в уме возможную прибыль.

- Я ничего на этом не заработаю, заработает Ковальчик: потому что весь этот товар я отдам ему. Таким образом он сможет торговать по ценам, ниже рыночных, и задавит своих конкурентов.

- Хорошо. Ты меня убедила. На исходе субботы ты вернешься домой и скажешь своему приятелю, чтобы он готовил место у себя в кладовых. Учти, ему понадобится много места. Пусть готовит также подвалы для картошки и яблок, потому что никто из вас - ни ты ни он - не можете себе представить, о каком количестве идет речь.

И товар начал прибывать. Повозки и контейнеры, бочки и ящики, полные всякого добра - как будто из неисчерпаемого источника. Ковальчик стоял и смотрел на это, переполненный благодарностью и восторгом. Он не умел ни читать ни писать, и все расчеты производил в уме. Несмотря на все свои усилия, он был не в состоянии понять, каким образом на три тысячи злотых можно было приобрести такое количество товара.

- Пани Кучинска, откуда это все взялось?

Мама ответила с улыбкой:

- Я же говорила вам, что вы можете на меня положиться. А теперь слушайте внимательно - торгуйте по ценам ваших конкурентов. Вы на этом заработаете, а они обанкротятся.

Так и случилось.

Конкуренты-антисемиты не могли понять, каким образом Ковальчик может продавать свой товар по столь низким ценам, и к радости моей мамы, вскоре обанкротились. А у Ковальчика дела пошли в гору, он стал зарабатывать столько денег, что просто не знал, куда их девать.

Мама посоветовала ему скупать золото. У нас был дядя ювелир, который жил на центральной площади. Ковальчик начал приобретать у него золотые рубли и по папиному совету закапывать в разных местах. Он так разбогател, что и сам точно не знал, сколько у него денег.

Война застала Ковальчика с большими запасами различных товаров, а во время войны он разбогател еще больше. Со всех концов страны к нему съезжались люди, чтобы купить у него кофе и чай.

Наверное, в именно те дни и был заключен союз между ним и моими родителями.

В сентябре 1939 года нацистская армия, прорвав границы Польши, стремительно двинулась на восток. Через несколько дней немцы уже были в нашем городе. В первый же день немецкие солдаты, распираемые гордостью от одержанной ими победы, грубо и требовательно постучали в дверь нашего дома и ворвались внутрь.

Их командир, молодой светловолосый офицер, выглядевший более культурным, чем его солдаты, сразу обратил внимание на картину с изображением цыганки:

- Хорошая живопись, - отметил он.

Остальные, громко перекрикиваясь, рассыпались по дому. Они били и ломали все, что попадалось им на пути, оставляя на дорогах коврики грязи со своих сапог.

Один из солдат вошел в мою комнату.

- Грязная еврейка! - закричал он по-немецки. - Как тебя зовут?

- Ядвига, - прошептала я в ответ.

- Неправильно! - заорал он. При этом вены у него на шее вздулись и налились кровью.

- Как тебя зовут?

- Извините, господин, но я вас не понимаю, - ответила я по-немецки. - Мое имя Ядвига. Военная форма придавала немцу устрашающий вид, глаза его горели ненавистью.

Он орал снова и снова:

- Как тебя зовут?

В ответ я бормотала все имена, которые могла вспомнить.

- Марта? Лиза? Инна?

Его ярость от этого только возрастала. Я перестала отвечать.

- Как тебя зовут? - продолжал он орать.

Я ощущала на своем лице его дыхание. Он схватил меня за шею и начал душить. Воздух перестал поступать в мои легкие, каждая попытка вдохнуть причиняла мне боль.

При этом я слышала, как он шептал самому себе: «Ты такая красивая! Почему я должен тебя убивать?» Я была уверена, что это последние минуты моей жизни. Миновало еще несколько кошмарных мгновений, и тут его позвал командир. Немец отпустил меня.

Позже мне сказали, что я должна была ему ответить, будто меня зовут Сарой, потому что немцы добавляли всем мужчинам второе имя - Мойше, а женщинам - Сара. Пережитый ужас остался со мной на всю жизнь, я до сих пор не могу пристегнуться в автомобиле ремнем безопасности. Однажды за это нарушение меня остановил полицейский, но когда я рассказала ему свою историю, он вместо того чтобы выписать мне штраф, расплакался.

Против нас издавались различные приказы и распоряжения. С каждым разом все более и более жесткие: закрытие всех еврейских предприятий, запрет на работу у поляков, закрытие школ, запрещение собраний и молитв, обязанность носить на рукаве отличительный знак, высокое налогообложение, обрезание бород у раввинов, унижающие человеческое достоинство принудительные работы такие, например, как мытье полов зубными щетками.

Однажды группа нацистских солдат ворвалась во двор жившего рядом с нами раввина Калиша. Немцы схватили его вместе с учениками-хасидами, погрузили в грузовик и куда-то увезли.

Его жена в слезах прибежала к нам и бросилась к моей маме:

- Что же делать, пани Кучинска? Что делать?

Мама на минуту задумалась, потом сняла со стены картину с изображением цыганки и отнесла ее в Ландрат - нацистскую комендатуру.

- Возьмите себе эту картину, - сказала она светловолосому офицеру, - но взамен разрешите мне вернуть домой раби с его учениками.

Офицер выяснил, где они находятся, и дал маме письменное разрешение на освобождение десяти человек. Тогда это выглядело великим достижением, но на деле оно оказалось лишь временным, потому что уже на следующей неделе немцы заперли всех нас в гетто, и вскоре этих хасидов вместе с тысячами других евреев отправили на уничтожение.

«Капсула в гетто»

Через неделю после того как нацисты заняли наш город, они согнали всех евреев в гетто - обнесенный стеной район, и на этой стене повесили щит: «Евреи. Перелазить запрещается. Входа нет». Наша жизнь изменилась окончательно и бесповоротно.

Моей семье, можно сказать, повезло, потому что наш дом находился на территории гетто. В Скерневич начали стекаться потоки евреев из окрестных сел. Прибывали также евреи из других городов, надеясь, что в маленьком гетто им будет легче выжить, чем в большом - тесном и переполненном людьми - что здесь им будет легче найти пропитание.

В результате на ограниченной территории собралась толпа беженцев. Всех их нужно было где-то разместить, и нам пришлось потесниться в своем просторном доме. Папа, мама, мой маленький братик и я занимали теперь всего лишь одну комнату, которая в прежние годы служила моим родителям спальней. Мама отремонтировала ее незадолго до начала войны. Широкая удобная кровать, богатые занавеси, изысканная мебель, шезлонг, великолепный гардероб из орехового дерева - все это напоминало нам о жизни, которая никогда больше не вернется. Дедушка, бабушка и тетя Ханеля тоже теснились в одной комнате. Остальные помещения были заняты чужими людьми.

Мы изо всех сил пытались создать себе «капсулу» в гетто, а я, как всегда, старалась поднять настроение окружающим:

«Молодой еврей карабкается по крышам гетто, пытаясь тайком пронести немного муки или картошки. Его останавливает немецкий солдат и орет:

- Грязный еврей! Ты что здесь делаешь?

- Если я вам скажу, что ожидаю здесь трамвая, вы мне поверите?»

Наша дружба с поляками принесла в те дни добрые плоды. Ковальчик, не забывший того, что сделали для него мои родители, снабжал нас продуктами, которыми мы, в свою очередь, делились с остальными жильцами. Все они тогда жили за наш счет. К счастью, мы могли себе это позволить. Друг моего папы, главный врач района, доктор Лабенцки время от времени пробирался в гетто и тоже доставлял нам еду.

Еще у папы был друг - еврей, адвокат, доктор юриспруденции по фамилии Вартхайм. Его брат служил офицером в Польской армии, в достаточно высоком чине. В свое время он переменял веру и женился на вдове польского офицера, у которой был сын по имени Кшиштоф. Впоследствии этот офицер попросил похоронить его на еврейском кладбище. Его приемный сын, дядя и тетя которого находились в гетто, поддерживал всех нас. Рискуя жизнью, он пробирался к нам, помогал решать разные проблемы, доставлял продукты, лекарства, свежую информацию.

После войны Кшиштоф эмигрировал в Америку и говорили, будто одно время он даже занимал какую-то должность в Белом доме. Я всегда ему очень нравилась, и однажды, будучи с визитом в Израиле, он попросил меня о встрече, хотя к тому времени я уже была замужем.

Еще один друг нашей семьи, пан Пижак, служивший в городской управе Скерневича, с началом немецкой оккупации был назначен ответственным за распределение продуктов. Он тайно переправлял муку и гречневую крупу в общественные кухни гетто. Эти кухни были организованы для оказания помощи беженцам, наводнявшим гетто и вызывавшим об убежище и хлебе насущном. Еврейские женщины каждый день раздавали им сотни порций супа.

Сила взаимопомощи нашей общины проявилась тогда во всей своей полноте. Мы заботились друг о друге и помогали, чем только могли. Но условия жизни становились все хуже и хуже. Пищи становилось все меньше, а голодных и больных беженцев - все больше.

Принудительные работы, ежеутренние новые жестокие приказы, произвол, унижения, отчаяние, сиротство превратились в рутину нашей жизни. Но среди всего этого со мной произошло чудо: я влюбилась.

Его звали Моник, он был старше меня на четыре года. До войны мы жили по-соседству и оказалось, что он уже давно меня заметил. Однажды Моник неожиданно появился в дверях нашего дома и попросил разрешения со мной поговорить. Я пригласила его войти, мы сели на диван в гостиной, и несмотря на тесноту и отсутствие малейшего намека на интимность, наша беседа продлилась довольно долго.

Очарованная его умом и красотой, я удивлялась и радовалась тому, что такой необыкновенный парень обратил на меня внимание. Мы говорили о том, о чем обычно говорят молодые люди: по большей части, это были мечты о будущем. Моник происходил из прекрасной семьи. Его родители держали магазин деликатесов, и он часто приносил мне шоколад, будучи уверенным, что я его люблю. Я никогда не была большой поклонницей шоколада, и ела его лишь для того, чтобы увидеть на лице Моника счастливую улыбку.

Однажды, провожая меня домой, он вдруг наклонился и поцеловал меня в щеку. Я испугалась и покраснела. Мне казалось, будто на моей щеке, в том месте, где он обжег ее своими губами, остался след, который все теперь могут увидеть... Этот поцелуй выжжен в моей памяти навек.

В мае, когда расцвела сирень, Моник принес мне ветку сирени и кольцо, а затем дрожащим от волнения голосом поклялся в вечной любви. Он говорил, что мы с ним никогда не

расстанемся, что мы всегда будем любить друг друга, что он будет со мной неизменно добрым, что ради меня он ляжет на землю и станет ковром под моими ногами. Он повторял это всякий раз в своих письмах, когда мы с ним уже жили в разных гетто, и потом, когда вместе со своими друзьями-подпольщиками готовил восстание в гетто Варшавы. Он писал мне из бункера на улице Мила⁵: «Моей дорогой Ядзе...» Это было его последнее письмо.

В мае 2008 года я была в Париже. В тот раз я поехала туда одна. Цвела сирень. Ночью я увидела во сне Моника, который протягивал мне букет сирени. Утром, когда я выходила из гостиницы, ко мне подбежал мальчик лет восьми, вручил ветку сирени и исчез. Сердце во мне замерло. Я почувствовала, что это Моник передает мне привет.

Мы изо всех сил пытались построить в гетто нормальную жизнь - насколько это было возможно в тех обстоятельствах.

Одним из первых приказов, направленных против евреев, был приказ об ограничении права на медицинскую помощь.

Прекрасный человек, по фамилии Клугхорн, еврей, по профессии фельдшер, выполнял в нашем гетто функции народного целителя и одновременно квалифицированного медбрата - лечил банками, пиявками и даже, в случае надобности, удалял зубы. На его плечи легла вся тяжесть заботы о больных, количество которых постоянно росло.

Несмотря на все его старания, он был не в состоянии помочь всем, кто нуждался в медицинской помощи, и поэтому в гетто, в одной из пустующих школ была открыта импровизированная больница. Немцы повесили на ней щит с надписью: «Вход запрещен. Евреи. Болезни. Вши. Тиф».

Больницей руководил доктор Дойчер, еврей, получивший медицинское образование в Санкт-Петербурге, где он встретил свою будущую супругу - девушку из аристократической семьи, состоящую в родстве с самим русским царем. Ради него она перешла в иудаизм. У них было трое детей - Адеш, который ухаживал за мной, Ия, ровесница Моника, и младшая девочка Тамар, моя подруга.

Многие беженцы работали в больнице волонтерами. Положение было удручающим: катастрофически не хватало денег на медикаменты и оборудование, многие больные находились в тяжелом состоянии. Из-за обморожений часто приходилось производить ампутации, однако отсутствие необходимой стерильности вызывало инфицирование ран, иммунная система у большинства пациентов была ослаблена постоянным недоеданием. В свои 14 лет я уже помогала в больнице, исполняя функции медсестры, и в процессе работы овладевала профессией, в которой уже тогда видела свое призвание. Я прошла курс подготовки у доктора Дойчера (который позже вместе со своим сыном покончил жизнь самоубийством в Варшавском гетто) и у фельдшера Клугхорна. Я числилась санитаркой, но на самом деле выполняла работу медицинской сестры.

До войны Моник учился в техникуме в Варшаве, но не успел его окончить. Мы с ним вели долгие беседы, в основном, о нашей жизни - об учебе и работе. Полные юношеских иллюзий, мы строили планы на будущее, воображая, как мы будем жить, когда «все это кончится».

Все эти месяцы мы пытались сохранять привычный образ жизни: нам очень помогали в этом наши друзья-поляки, и, конечно, еврейская община предпринимала огромные усилия для того, чтобы поддерживать слабых.

Немцы искали людей для выполнения своих чудовищных приказов и потребовали от руководителей еврейской общины, чтобы те взяли на себя функции управления гетто - Юденрата. День, когда об этом сообщили моему папе, был для него невыносимо тяжелым. Он сидел дома, удрученный, с низко опущенной головой.

- Ну почему я должен этим заниматься? - с болью и недоумением спрашивал он.

⁵ см. главу «Историческая справка»

Папа не хотел служить нацистам, не хотел способствовать осуществлению их ужасных планов. Однако сопротивление было бесполезным, и ему не оставалось ничего другого, как принять эту должность. С тех пор за ним повсюду как будто следовала тяжелая тень. На следующий день после своего назначения он вернулся домой весь истощенный, избитый.

- Что случилось? - бросилась к нему мама.

В то время как она осторожно обмывала его раны, папа, чтобы не напугать нас, детей, отвечал ей шепотом:

- Нацистам не понравилось, как мы выполняем их приказы. Они довели до нашего сведения, что мы несем личную ответственность за поведение евреев в гетто. Поэтому они нас избили.

Его печальная улыбка разрывала мне сердце. В горле стояли слезы гнева.

Ужас стал для нас хлебом насущным. Время от времени папа снова возвращался домой со следами побоев. Вскоре мы перестали задавать ему вопросы и удивляться.

В гетто воцарилась атмосфера страха. Начали исчезать люди. В основном, мы боялись, за молодежь, которую могли отправить на принудительные работы. Папа искал выход. Среди его друзей были хозяева знаменитой пивоварни «Скерневич» - богатые, влиятельные, патриотически настроенные люди, которые в свое время подарили польским военно-воздушным силам приобретенный на собственные средства самолет. Недалеко от гетто находилась ферма, под названием Строгоф, на которой они продолжали выращивать сырье для своего пивного производства. Папа предложил им взять в качестве работников еврейских юношей из гетто. От хозяев требовалось лишь обеспечить их едой и официальным разрешением на работу. В результате десять юношей перебрались из гетто на ферму. Среди них были Моник и Адеш, сын доктора Дойчера.

Они провели там около года. На ферме их не обременяли тяжелой работой, хорошо кормили, и при этом они могли пользоваться относительной свободой - разумеется, по сравнению с обитателями гетто. Вместе с подружкой я ездила на велосипеде навещать Моника. Как это было прекрасно! Мы находили укромные уголки и целовались, скрытые от посторонних взглядов. Нет силы, способной победить юную любовь, даже среди бедствий и ужасов войны.

В мае 1941 года наше гетто было ликвидировано, и мы получили приказ переселиться в гетто Варшавы. Немцы распустили Юденрат, и над папиной головой нависли тяжелые тучи. Из всего движимого имущества нам позволили взять с собой лишь то, что мы сами были способны унести. Мы оставили благоустроенную квартиру, полную всякого добра, успев передать кое-какие вещи Ковальчику, чтобы он сохранил их до окончания войны. Мама пришла к одной из своих подруг, по фамилии Михалкова, и сказала:

- Возьми себе все, что хочешь, нам нечего делать с этими вещами. После войны мы заберем их обратно.

Михалкова взяла из родительской спальни великолепный ореховый гардероб, две кровати, добротные подушки и покрывала, дорогую красивую домашнюю утварь, а также большую скульптуру, которую мы называли «Озорник». Эту чрезвычайно ценную вещь папа купил в подарок маме во время одной из своих деловых поездок в Варшаву.

В процессе наших лихорадочных сборов бабушка Фейгеле вручила мне сумку из дорогой кожи с твердым дном и сказала:

- Это твоя сумка. Положи в нее все, что считаешь для себя самым важным.

К счастью, у меня не было времени для размышлений о том, что из моей прежней жизни следует взять с собой, а что оставить.

- Будь очень внимательной! Храни эту сумку! - попросила бабушка. - Она принесет тебе удачу...

К тому времени мне уже исполнилось 15 лет, и я могла нести на себе достаточно много. Но Фишеле был еще маленьким и слабым. Из своих личных вещей я взяла лишь самое необходимое: ночную рубашку, зубную щетку, пару обуви, теплые носки, еще одно платье на

смену и больше ничего. В основном, мы брали с собой продукты - столько, сколько могли унести.

Со своей сумкой я не расставалась на протяжении всей войны, и позже, после долгих лет скитаний она прибыла вместе со мной в Израиль. Письма и фотографии, которые присылал мне Моник, я прятала между твердым дном и подкладкой сумки. Впоследствии я об этом забыла и многие годы спустя с огромным волнением и радостью случайно их там обнаружила.

Моя боль и страх перед тем, что ожидает нас в незнакомом гетто, тускнели от сознания того, что я, наконец, буду рядом с моим любимым Моником, который к тому времени уже переселился туда вместе со своей семьей и с нетерпением ожидал нашей встречи.

Мы приехали в Варшаву на грузовике с группой психиатрических больных. С нами ехал также Герман Гужик - один из членов несуществующего больше Юденрата Скерневича. Его родной брат являлся руководителем Варшавского отделения Джойнта. Мы везли с собой максимально возможное количество продуктов, сознавая, что впереди нас ждут тяжелые времена.

Бегство из Варшавского гетто

Мы прибыли в ад. Варшавском гетто - это такое место, где человеку жить невозможно. Впервые я увидела груды костей, передвигавшиеся, словно тени. Мертвые и полу-мертвые тела заполняли улицы. Не было ни одного тихого или зеленого уголка, ни одного цветочка, ни кусочка голубого неба - один сплошной ад бетона и смерти. Каждый новый день казался страшнее предыдущего. Скученность была невыносимой. Всякий раз, когда мы думали, будто хуже уже не бывает, обнаруживалось, что у наших врагов имеются на этот счет новые идеи.

Сразу же по нашем прибытии в гетто к нам подошла женщина и предложила комнату. Она привела нас на улицу Тварда. Вместе с бабушкой Кайлой нас было пятеро. Мы поселились в помещении с двумя окнами, выходящими на главный фасад здания. Договорились с хозяевами, что каждый день будем расплачиваться с ними крупой, мукой или рисом.

Как я уже упоминала, первой вещью, которую постаралась выяснить моя мама, была возможность продолжения учебы в гетто. Безработные еврейские учителя зарабатывали на жизнь преподаванием в подпольных школах-комплетах. Группы состояли из четырех-шести учеников. Мы занимались в темном зловонном подвале, без тетрадей и учебников, сознавая, что совершаем преступление, караемое смертью. Профессор Кешак и две его дочери читали нам лекции по различным предметам. После окончания уроков мы бежали домой и записывали все то, чему нас научили.

Моник жил неподалеку. Мы встречались каждый день, и не успев попрощаться, начинали скучать друг о друге. Во время наших ночных бесед он посвящал меня в свою жизнь. Благодаря навыкам, полученным им в технической школе, он научился конструировать самодельное оружие. В то время уже начало действовать подполье, и Моник вместе со своими друзьями делал оружие из мясорубок. Кроме меня он никому не открывал этой тайны. «Ты учишься, я работаю», - вот и все, больше никаких подробностей.

Мы жили возле Гжибовской площади, где продолжали действовать костел и монастырь. Монашки и монахи, содержавшие свое хозяйство в безупречном порядке, были потомственными христианами. В поисках еврейских корней немцы исследовали родословные всех польских граждан до шести нисходящих поколений, и католическая церковь охотно предоставляла им информацию о «новых христианах» - тех, чьи отцы-деды или матери-бабушки имели еврейскую кровь.

Таким людям разрешалось соблюдать христианские обычаи, но при этом их обязывали надевать на руку позорный знак - в дополнение к тому кресту, который они гордо носили на груди. В наших глазах это выглядело любопытным зрелищем. Им был выделен участок земли, на котором они выращивали овощи, что давало им возможность достойного существования.

Из нашего окна я наблюдала, как раз в неделю группа детей, в возрасте 10-11 лет, тихо двигалась в направлении монастыря. Дети были чисто и опрятно одеты, их вел за собой человек с маленькой бородкой. Позже я узнала, что этого человека звали Януш Корчак, а дети были воспитанниками сиротского дома, которым он руководил. Я удивлялась тому, что он всякий раз нес одного ребенка на руках, а другого на плечах.

Однажды дети проходили мимо маленького истощенного мальчика, сидевшего на краю тротуара возле своей уже умершей мамы.

- *А-пицэле бройд* ... (кусочек хлеба...) - умолял малыш, протягивая худенькую ручку.

Корчак наклонился к нему и спросил:

- Хочешь пойти с нами?

Малыш утвердительно кивнул, попытался встать на ножки, но не смог. Тогда Корчак опустил на землю ребенка, которого держал на руках, и вместо него взял слабенького малыша. Они продолжали безмолвно двигаться в направлении монастыря, где их ожидало несколько часов человеческого существования. В монастыре детей кормили горячей пищей, водили в душ,

относились к ним с теплом и уважением. Каждый раз Корчак приводил с собой другую группу воспитанников.

В конце дня дети выходили из монастыря с гостинцами в небольших узелках, с робкой улыбкой на лицах и сознанием того, что прожили хороший день.

В ноябре 1941 года от сердечного приступа скончался наш дедушка. Его похороны на еврейском кладбище гетто были для нас тяжелым переживанием. Но люди смотрели на это с завистью. Тех, кто умирал естественной смертью, кого не выбрасывали на улицу, завернутыми в газеты, не грузили неопознанными на телегу для мертвецов; тех, кого хоронили по-человечески, чью смерть было кому оплакать, - считали в гетто счастливыми.

Пока мы ожидали снаружи возле «бет-теора»⁶, Фишеле заметил неподалеку интересные строения - ряды деревянных сараев.

- Иди сюда! Тут что-то есть! - позвал он меня.

Двери сараев были заперты, но через щели между досками можно было наблюдать ужасающую картину: сотни, а может быть, тысячи уложенных штабелями трупов, а на них и вокруг них бегали крысы и роились тучи мух. Мы уже успели привыкнуть к виду мертвых тел, но никогда в жизни нам еще не доводилось видеть такие горы гниющих трупов, распространявших ужасное зловоние.

В гетто умирало столько людей, что их просто не успевали хоронить. По мере надобности выкапывали огромные ямы и сбрасывали туда трупы, которые собирали на улицах, как мусор. Мой дедушка Элизер, да будет благословенна его память, удостоился отдельной могилы, расположенной возле кладбищенской ограды, однако над ней не было ни памятника ни знака. Поэтому впоследствии, несмотря на все мои усилия, мне не удалось ничего найти.

**

Некоторое время спустя, по дороге на занятия в комплет я почувствовала, что за мной кто-то идет. Человек, которого, с большой вероятностью, по пятам преследует смерть, не может вести себя так, как будто с ним ничего не происходит. Не желая подвергать опасности своих товарищей и учителей, я двинулась в противоположном направлении, пытаюсь при этом найти открытые ворота, чтобы скрыться за ними от сопровождавшей меня тени. Дома в Варшаве образуют внутренние дворы, отделенные от улицы металлическими воротами. Я искала ворота, которые были бы не заперты. Я проходила один двор за другим, но все напрасно, везде было заперто. Преследователь меня не оставлял. Я побежала, снова и снова пытаюсь найти открытый вход, но по-прежнему безуспешно.

Едва переводя дыхание, я, наконец, обнаружила незапертые ворота и вошла во внутренний двор, с четырех сторон обстроенный многоэтажными жилыми домами. Лифты в гетто не работали, поэтому я помчалась вверх по лестнице, пытаюсь избавиться от преследовавшего меня чудовища, надеясь, что где-то наверху смогу найти для себя укрытие. Но преследователь по-прежнему шел за мной. Я чувствовала его дыхание у себя на затылке.

На шестом этаже я заметила открытую дверь и вошла в большую комнату. Напротив двери стояла кровать, на ней сидела истощенная умирающая женщина. Опыт жизни в гетто научил меня определять признаки близкой смерти: отеки под глазами, зеленовато-серый, мертвенный цвет кожи - когда душа человека уже трепещет на грани между жизнью и смертью. У нее на коленях лежал только что рожденный младенец, еще не вымытый после родов. Рот у женщины был испачкан кровью. Как видно, она несколько минут назад перекусила пуповину зубами. Младенец попискивал слабым, как у птички, голосом. По комнате перемещалось еще одно создание - ребенок на пороге смерти. Его возраст невозможно было определить. Он выглядел так же, как его мать - живым мертвецом.

Эсэсовец, который следовал за мной по пятам, тоже вошел в комнату и закрыл за собой дверь. На руках у него были перчатки из свиной кожи. Он жаждал крови и был настолько

⁶ Помещение на еврейском кладбище, где совершается обряд очищения умершего перед погребением.

сосредоточен на своей цели, что меня как будто перестал замечать. Если кто-то скажет вам, что забыл глаза убийцы, не верьте ему, это ложь. Из миллионов глаз я узнаю его глаза. Он подошел к кровати, взял младенца за его крошечную ножку и ударил головкой о стену. Пятно от малюсенького мозга осталось на поверхности стены.

Трупик он швырнул на пол с таким омерзением, словно это были какие-то отбросы. Потом, заметив, что испачкал свои перчатки, он снял их с рук.

С тех пор в своих ночных кошмарах я постоянно вижу эти его испачканные перчатки и начищенные до блеска сапоги.

- Встань! - приказал он женщине.

Она встала. Я не понимаю, откуда у нее взялись на это силы.

- Подойди к окну и открой его.

Она сделала то, что он ей велел.

- Возьми это существо и выброси из окна! - заорал он, указывая на старшего ребенка.

Какое-то время женщина стояла неподвижно, как статуя - не шевелясь и не произнося ни звука: живой мертвец, которому уже нечего бояться. И потом, как будто в беспамятстве, она выбросила ребенка из окна.

Удовлетворенный эсэсовец вышел из квартиры, окончательно забыв о моем существовании. Женщина продолжала стоять возле окна, на ее лице не отражалось никаких чувств. Я стояла напротив, она смотрела на меня остановившимся взглядом. Не знаю, сколько времени длилась эта сцена. Мне казалось, будто миновала вечность. Потом я повернулась и пошла домой, оставив ее одну.

Я никому не рассказывала о случившемся. Только одному Монику. Он помог мне заплакать и плакал вместе со мной. Он обнимал меня и целовал, но не мог утешить.

- Они все равно уже были близки к смерти, - говорил Моник. - А этот нацистский убийца, он еще дорого заплатит.

Но мне ничего не помогало.

Чувство вины преследует меня до сегодняшнего дня. Ведь это я привела убийцу к его жертвам. С тех пор я боюсь засыпать по ночам, боюсь снова увидеть во сне ту жуткую картину, которая настолько глубоко врезалась в мою память, что временами мне кажется, будто все это случилось вчера. Я беру с собой в постель радиоприемник и лежу часами, слушая новости.

Каждый новый день был страшнее предыдущего. Злость и ненависть наших врагов не имела предела. Однажды, когда я шла по гетто, немцы вдруг схватили меня и, как тряпичную куклу, бросили в кузов грузовика, где уже находились другие люди. Я была моложе их всех. Никто не знал, куда нас везут. Самый страшный сценарий становился реальностью. Одна паническая мысль сменяла в моей голове другую:

«Родители не знают, что со мной случилось. Вероятнее всего, я больше никогда их не увижу. Куда меня везут? В концлагерь? На истребление? Или просто хотят поиздеваться над маленькой беззащитной еврейкой?»

В какой-то момент немцу вздумалось выбросить всех нас на мостовую: одного за другим - как будто бы мы не люди, а игрушки в руках изнывающего от скуки нацистского солдата.

Когда, скованная болью от падения, я лежала на мостовой и радовалась тому, что осталась в гетто и смогу вернуться к своим родителям, рядом проехал трамвай, который пересекал территорию гетто, не делая в нем остановок. Ступенькой трамвая мне зацепило спину и сломало несколько позвонков. Оказывать медицинскую помощь в гетто было запрещено. Поэтому единственное, что мне оставалось - это в течение неполных трех месяцев лежать с туго обвязанной спиной, страдая от сильных болей. Постепенно я начала выздоравливать и, к счастью, не стала инвалидом. Это травма послужила причиной того, что впоследствии я выбрала для себя специальность физиотерапевта.

Новые приказы сеяли в гетто новые страхи. Однажды вышло распоряжение о том, что все ценные вещи, деньги, украшения и даже меховые воротники необходимо сдать немцам.

Разумеется, мы это сделали. Для разногласий не оставалось места - любое невыполнение приказа каралось смертью.

Папа написал Симону Ковальчику о том, где мы находимся, и однажды тот, переодевшись евреем, неожиданно приехал к нам на велосипеде. Мы очень обрадовались и стали громко его приветствовать, называя по имени:

- Тише-тише! Не говорите ни слова, - прошептал он, оглядываясь по сторонам. - Пани Кучинска, я вам кое-что привез, - и он вручил маме увесистый сверток с золотыми монетами, из тех, что по мудрому совету моего папы хранил в разных потаенных местах.

- Симон, вы усложняете мое положение. Нам здесь запрещено держать деньги. Если это обнаружится, меня сразу же убьют, - возразила мама.

- Пани Кучинска, я уверен, что эти деньги вам пригодятся.

- Но я только что сдала все ценные вещи, которые у нас еще оставались, - пробормотала мама.

Однако Ковальчик уже укатил на своем велосипеде.

В гетто напротив наших окон находилось некое подобие ресторана. Там не подавали никакой еды - только один алкогольный напиток, который производился здесь же, внутри гетто. В этот напиток добавляли карбид, и от него очень быстро пьянели. Никогда в своей жизни нам еще не доводилось встречать еврея-пьяницу, но в гетто пьянство стало обычным явлением. Люди напивались до потери сознания, пытаясь хоть ненадолго отключиться от кошмаров реальности, от страданий и смерти. Однажды мы увидели человека, который выходил из «ресторана», с трудом удерживая равновесие. Рядом стоял мальчик, продававший тоненькие, как бумага, ломтики хлеба. Истощенные люди постоянно думали о том, как спастись от голода. Эти мысли сводили их с ума. В отчаянии они придумывали для себя разные небылицы, хватаясь за малейший проблеск надежды. Например, убеждали друг друга в том, что эти тоненькие ломтики содержат в себе достаточное количество необходимых для жизни витаминов.

Пьяный еврей купил себе один или два таких ломтика, съел их, и тут у него неожиданно началась тяжелая рвота. Мама наблюдала из окна, как этот человек, в прошлом богач, успевший переправить за границу свою семью, валяется на земле, как собака, и лижет собственную блевотину.

- А ну-ка быстро подойдите к окну, - позвала нас мама. - Смотрите - вот так выглядит конец света. Нет предела тому, на что способны люди из-за голода. Он потерял человеческий облик. Нас ждет не лучшая судьба.

В ее сердце созрело решение бежать - и она начала разрабатывать планы. Ее мама, бабушка Кайла, приехавшая из Лодзи в начале войны, жила в гетто вместе с нами. Внешне она была похожа на польку, прекрасно говорила по-польски и по-немецки. Она была красивой женщиной, с голубыми глазами, и когда снимала свой парик, то было видно, что волосы у нее белые, как перья голубки.

В мамином мозгу возникла идея:

- Сними парик, возьми деньги и уходи из гетто. Под видом польки садись на поезд и поезжай в Скерневич. Найди там Владислава Ганцнера. Это друг нашей семьи, поляк, имеющий швейцарское гражданство. Перед войной дедушка помог ему уладить дела, касающиеся его недвижимости. Он нам поможет.

- Говори с ним только по-немецки, - продолжала мама, - чтобы его жена не догадалась о том, что ты еврейка. Представься дальней родственницей.

Ганцнер принял бабушку очень любезно, представил ее в качестве своей тети и относился к ней, как члену семьи. Она начала работать в его обширном хозяйстве и впоследствии даже стала им управлять.

- Почему ты так рвешься уйти из гетто? - спрашивал папа, обращаясь к моей маме. - Лично я предпочел бы оставаться здесь и быть таким, как все остальные евреи. У нас ведь одна судьба.

- Азриэльчеле, - ласково отвечала ему мама, - если ты хочешь идти вместе со всеми, пожалуйста. А я возьму детей и убегу отсюда.

Мама напряженно думала о том, как вывести нас из гетто, огражденного глухой стеной и бдительно охраняемого службой СС. Однажды она подошла к нацисту, стоявшему на посту возле ближайших к нашему дому ворот. В руках у нее был сверток с золотыми монетами, который привез ей Ковальчик. Мужественная маленькая женщина, входящая в логово льва!

- В моих руках целое состояние, - обратилась мама к немцу. - Мне запрещено его здесь держать. За это я могу поплатиться жизнью.

С такими словами она вручила ему сверток.

- Здесь золото. Оно ваше. Пожалуйста, помогите нам выбраться отсюда.

Возможно, произошло чудо, возможно, какая-то искра человечности вдруг вспыхнула в его сердце.

- Хорошо, - ответил он. - Каким образом вы хотите бежать?

В мудрой голове моей мамы возникла идея, что, возможно, нам удастся спасти еще и других людей.

- Закажите для нас как можно больше «цыганок» (так назывались запряженные конями, крытые брезентом телеги, которыми обычно пользовались цыгане). Пожалуйста, чтобы через два дня они были здесь.

- Зачем вам так много телег? - спросил папа, когда мама посвятила его в свои планы.

- Но если появилась возможность бежать, то почему только для нас одних? Ведь мы можем спасти еще и других людей!

Не теряя времени, мама стала обращаться к прохожим на улице - к знакомым, и даже к незнакомым:

- Вы хотите бежать из гетто? В такой-то день и у таких-то ворот нас будут ожидать телеги...

Бежать хотели все. Кто-то уходил через канализационные люки, кому-то удавалось достать фальшивые документы. Терять было нечего. Гибель была неизбежной. Летом того же 1942 года в гетто собрали партию евреев, в их числе бабушку Фейгеле и тетю Ханелю, и отправили в Аушвиц, а оттуда - в Трешлинку. Кто-то видел их в Трешлинке: взявшись за руки, они вместе шли в газовую камеру.

Но незадолго до этого, в назначенный мамой день - летний и жаркий - около пятидесяти человек явились на условленное место. Мы опасались, что нацист не сдержит свое обещание, однако, к нашему удивлению, «цыганки» были готовы и ожидали нас снаружи. Он открыл ворота и велел всем быстро влезть на телеги.

Мы не могли поверить, что находимся за пределами гетто. Телеги ехали вперед без какой-либо определений цели, в сердце у каждого беглеца теплилась надежда, что нам удастся спастись.

Но достаточно скоро нас остановили «шмальцовники» - доносчики-поляки, которые охотились за беглыми евреями. Весь наш несчастный караван они передали в руки СС.

Нас доставили на аэродром Окенче и собрали в мрачном внутреннем дворе, с четырех сторон обнесенном высокими бетонными стенами. Там уже находилось около ста человек, тоже захваченных при попытке к бегству. Мы простояли несколько часов без пищи и воды, когда вдруг отворилась тяжелая дверь подвала, и нам приказали спускаться вниз.

Подвал был расположен под конторскими помещениями аэродрома, в нем могло поместиться около ста человек. Нацисты набили туда в три раза больше и с трудом закрыли дверь. Они с силой заталкивали нас по лестничному маршу внутрь подвала - как будто соленую

рыбу в бочку. В помещении было влажно, душно и совершенно темно. Стояло отвратительное зловоние. Невозможно было определить время суток, день сейчас или ночь. И только когда нас выпустили наружу, мы узнали, что провели в подвале 12 дней. Невозможно было ни сесть, ни повернуться, ни шевельнуться. Даже справлять свои естественные нужды нам приходилось на том месте, где мы стояли.

К счастью, мы четверо стояли лицом к стене. Через подвал проходили старые прохудившиеся канализационные трубы, жидкость из которых стекала вниз по стенам. Инстинктивно мы слизывали эту жидкость, которая была для нас единственной пищей и питьем. Вначале я слышала отчаянные крики: «Гвалт! Смилуйтесь!». Через считанные дни крики сменились бормотанием молитв, которое с каждым днем становилось все слабее. Люди, стоявшие посередине, не имея возможности повернуться или сделать малейшее движение, молились и плакали, снова и снова взывая к Богу. С каждым днем их плач становился все тише, пока вся эта человеческая масса не стала безмолвной.

Через 12 дней неожиданно открылась дверь. Солнечный свет яркого летнего дня ослепил нас.

- Раус! Наружу! - услышали мы лающий приказ.

Человеческая масса посередине не двигалась. Все были мертвыми. В живых остались только те, кто стоял лицом к стене. Мы выползали наружу. Трупы людей, умерших стоя, валились на пол.

При свете дня мы не могли узнать друг друга - в кале и моче, с распухшими от долгого стояния ногами. По телу ползали тысячи червей. Когда мы стряхивали их, под ними открывались участки кожи, гладкой, как сами черви, отвратительного зеленоватого оттенка.

Эти «отбросы» погрузили на телеги и повезли в лес Вола, находившийся недалеко от Варшавы и служивший местом массовых казней. Когда нам велели спускаться с телег, в лесу уже находилось несколько сотен евреев, пойманных при попытке к бегству. Каждому давали в руки лопату, чтобы вырыть себе могилу. Нас стерег польский полицаи со знаком свастики на рукаве. Его обязанностью было сообщать нацистам о готовности могил. Тот, кто падал в могилу живым, умирал от недостатка воздуха, но его страдания ни у кого не вызывали интереса.

Мы стояли, не испытывая ни малейшего желания жить. У нас больше не оставалось надежды, и мы хотели лишь одного - чтобы это скорее кончилось. Я взяла лопату и из всех оставшихся у меня сил принялась копать могилу, стремясь, по крайней мере, сократить время своих мучений.

И тут я почувствовала у себя на плече большую папину руку:

- Девочка моя, - произнес он своим ласковым мелодичным голосом, - не нужно так стараться. Ведь, так или иначе, все равно нас всех убьют...

- Подойди-ка сюда, еврей! - вдруг приказал ему польский полицаи.

С трудом передвигая ноги, грязный и смердящий, папа направился к нему. Казалось, будто между моим отцом, каким он стал сейчас, и тем уважаемым человеком из Скерневича, каким он был раньше, пролегает расстояние в несколько световых лет.

- Ваша фамилия Кучински? - спросил полицаи шепотом.

Папа утвердительно кивнул.

- Когда-то вы спасли мою семью, а сейчас я хочу спасти вас, - сказал ему полицаи.

Вообще-то, я не верю в чудеса. Но другого объяснения для того, что произошло с нами, у меня просто нет.

В свое время папа был в приятельских отношениях с начальником полиции Скерневича. Этот начальник отличался слабостью по части алкоголя. В конце концов, это ввело его в такие большие долги, что ему ничего не оставалось, кроме как продать свой дом. Он обратился к моему папе, папа купил у него дом и сказал:

- Не беспокойтесь. Продолжайте жить в своем доме, как и раньше. Вы будете постепенно выплачивать мне за него столько, сколько сможете.

Папа думал, что хорошие отношения с начальником полиции могут ему когда-нибудь пригодиться, но он, естественно, и вообразить себе не мог, какую роль они впоследствии сыграют в нашей судьбе.

Молодой полицейский, который стоял сейчас перед нами, не забыл о том времени, когда приходил к нам с деньгами, сэкономленными для выплаты отцовского долга. Этих скромных сумм было явно недостаточно для того, чтобы выкупить родительский дом, даже если бы он платил долгие годы. С тех самых пор он запомнил папин голос, запомнил его мелодичное пение. Позже этот парень переехал в Варшаву, поступил на работу в полицию, и вот в результате невероятного стечения обстоятельств мы снова оказались рядом.

- Сколько вас? - спросил полицейский.

Папа хотел спасти еще хоть кого-то, в первую очередь, детей, и быстро ему ответил:

- Спасите тех, кто поменьше ростом.

Медленным строем мы последовали за полицейским. Он привел нас в деревню и приказал местному старосте:

- Возьми-ка эту мразь, посади в телеги-«цыганки» и поскорее доставь в Раву-Мазовецку!

Чтобы по дороге не привлекать к нам лишнего внимания, нас погрузили в крытые телеги и привезли в новое гетто, достаточно удобное для жизни, во всяком случае, по сравнению с другими, ему подобными. Оно было одним из последних гетто, ликвидированных немцами в конце 1942 года.

Рава-Мазовецка

«Немцы к нам исключительно добры. Они несут нам свободу. Вначале посредством штрафов и поборов они освободили нас от нашего имущества, затем они освободили нас от свободы и заперли здесь, и наконец они освобождают нас от жизни. Мы должны им быть признательны за все их благодеяния. Правда, у них имеется один недостаток: они слишком пунктуальны, педантичны и не в меру усердны в своих действиях. Лично мне хотелось бы, чтобы меня освободили от жизни лет примерно через 40-50, куда, собственно говоря, торопиться? Однако немцы действуют по собственному разумению...»

В маленьком убогом местечке Рава-Мазовецка, расположенном всего лишь в двадцати километрах от Скерневича, не было уборных. Существовал только общественный туалет - «шусплац»: выгребные ямы, над которыми возвышалась внушительных размеров деревянная постройка. Внутри этого сооружения были установлены дощатые перегородки, через щели которых было достаточно хорошо видно. В таких условиях местные жители справляли свои естественные нужды. Все они - и евреи и поляки - были крайне бедными и всегда жили в нужде, даже еще до войны.

После всего, что с нами случилось, мы неплохо вписывались в этот ландшафт: куча отбросов, а не люди. В Юденрате нас приняли радушно, помогли найти ночлег. Ведь и другие евреи, так же, как и мы, прибывали в их гетто без всякого имущества.

Для начала нам было необходимо хорошенько вымыться. Через город протекала река, и первое, что мы сделали - отправились купаться. В Юденрате нам выдали одежду, которая, естественно, нам не годилась. Глядя друг на друга, мы не могли удержаться от смеха. Нам помогли найти пристанище, в грязной заброшенной мясной лавке. Части свиных туш, подвешенные к потолку, наполняли помещение ужасающим зловонием. Пол был голый, бетонный, мы попросили соседей дать нам что-нибудь подстелить. По своей доброте они выделили нам какое-то тряпье, на котором мы и улеглись спать.

Рава-Мазовецкое гетто, в отличие от Варшавского, не было закрытым. Разумеется, существовали правила, запрещавшие евреям выходить наружу, однако при наличии определенной решительности и смекалки, можно было перебраться через забор. Моя смелая мужественная мама взяла у соседей, живших в нищенской хижине рядом с нами, какую-то одежду, в которой могла сойти за «шлеперит» (не еврейку), и вышла из гетто. Она отправилась пешком в Скерневич: разведать, что там можно достать.

Маме удалось добраться до нашего доброго ангела Симона Ковальчика, лавка которого все еще была полна всякого добра. Он передал ей часть вещей, которые мы в свое время у него оставили, и немного продуктов. Он также заплатил за лошадь и телегу, на которой мама приехала обратно в гетто. Кроме того ей удалось раздобыть соломенный матрас - предмет роскоши, доставивший нам райское наслаждение после сна на ледяном полу.

В этом гетто мы не видели смерти, только ужасающую нищету. Люди продолжали жить в своих домах, обменивая оставшиеся у них вещи на скудную еду. Продуктовые карточки получали только те, кто имел работу. Работа являлась для всех окном надежды.

Имея за плечами год медицинского опыта, я считала себя полноценной медсестрой и устроилась в больницу, которой руководил доктор Коток из Лодзи. Ему помогала медсестра, примерно моего уровня, по имени Лота, еще одна медсестра, Хинка, а также медбрат, по фамилии Чибола, все трое варшавяне.

Больница была такой же бедной и убогой, как и все в этом местечке. Больные лежали по двое-трое на одной кровати. Катастрофически не хватало медикаментов и оборудования. В округе участились случаи заболевания тифом, разносчиками которого являлись вши. С этой проблемой ничего нельзя было поделать, только мыться. Других средств борьбы в тех условиях

просто не существовало. Я тоже заразилась тифом, мое состояние было достаточно тяжелым, но мне удалось поправиться.

Я написала Монику о том, где я нахожусь и что делаю. И вдруг неожиданно, под видом поляка, он явился ко мне в больницу. Он провел у нас всего два дня и вернулся в Варшаву. Моник рассказал мне, что занимается чрезвычайно важным делом и что он очень нужен в гетто. Он работал в знаменитом бункере на улице Мила 18.

- Я просто обязан вернуться, чтобы продолжить работу. Но потом я обязательно тебя найду, где бы ты ни была, - пообещал он мне на прощанье. - Мы с тобой всегда будем вместе.

Мы расставались в надежде на скорую встречу. Неизбежность разлуки разбивала нам сердца: еще одно, последнее, объятие, последний поцелуй... еще один поцелуй, еще одна ласка... С тех пор я больше никогда его не видела и утешалась лишь приходившими от него письмами.

Мясная лавка, в которой мы поселились, стояла на главной улице местечка в ряду других магазинов. Вообразите себе нашу радость, когда мы вдруг обнаружили, что на той же улице, в доме напротив живет профессор Кешак. Тот самый профессор Кешак, у которого я училась в Варшаве! Он ютился в нищенской каморке вместе с женой и двумя дочерьми. И вот после работы, тайно, через заднюю дверь я стала приходить к нему на уроки. Снова и снова в нашей жизни происходили чудеса. В двух-трех метрах от мясной лавки находился пролом в заборе, через который моя мама, переодевшись полькой, без особого труда выбиралась из гетто и возвращалась назад. Она приносила от Ковальчика продукты и деньги, которые прятала в разных потаенных местах. Однажды, будучи в Скерневиче, она зашла к Владиславу Ганцнеру, у которого жила наша бабушка. Каждый подобный выход из гетто был связан со смертельной опасностью.

Во время одной из своих вылазок мама вдруг услышала чей-то знакомый голос:

- Пани Кучинска! Чем я могу вам помочь?

Это был пан Вияцки, наш старый друг из Скерневича, который еще до войны вместе со своей женой Эугенией и тремя сыновьями переехал в Раву-Мазовецку. Он был потрясен, увидев, в каком жалком состоянии находится моя мама.

Вияцки много лет был другом нашей семьи. Задолго до моего рождения тетя Ханеля, которая была на семь лет старше моего папы, влюбилась в парня по имени Хаим Френкель. Этот Френкель явно не подходил ей по уровню, или, как говорил мой дедушка, глядя в ее заплаканные глаза: «Да он не стоит даже той земли, которая его носит...»

- Ты красивая девушка, - убеждал он ее, - у тебя хорошее приданое. Вся жизнь у тебя впереди. Зачем тебе такой человек? Ведь у него ничего нет - ни доброго имени, ни специальности, ни достойной уважения семьи. Если бы ты сейчас засунула мне в глотку крысу, то это имело бы для меня такой же точно вкус, как твой брак с этим неудачником.

Но тетя Ханеля оставалась непреклонной. В конце концов любовь победила, сыграли невеселую свадьбу, после которой отец сидел по своей дочери «шиву»⁷. Из-за этого брака Ханеля порвала с родными. Ее семейная жизнь была ужасной. Френкель оказался гулякой и мошенником. Он воровал у Ханели деньги и приводил женщин в их общий дом. В конце концов, забрав у нее все, что только можно, он бросил ее и уехал в Эрец-Исраэль. Ханеля осталась одна, без средств к существованию, лишенная семьи, с разбитым сердцем.

На корабле Френкель познакомился с женщиной по фамилии Клугер, которая состояла в шайке жуликов. Она тоже была из нашего городка и знала о том, что он женат. Но несмотря на это, они поженились и вместе прибыли в Эрец-Исраэль, откуда Френкель стал писать Ханеле письма, рассказывая в них о том, как он ее любит. Он обещал, что очень скоро заработает много денег и вызовет ее к себе, ну а пока он просит, чтобы она выслала ему небольшую сумму. Ханеля, несмотря на его ужасное к ней отношение, продолжала все так же сильно и безоглядно его любить. Экономя на еде, продавая что-то из своей одежды и мебели, она посылала ему деньги.

⁷ «Шива» на иврите означает «семь». В данном случае - семь дней траура по умершему. В течение этого времени ближайшие родственники покойного не выходят из дома.

Сестра Френкеля Йохевед, которая служила между ними каналом связи, приносила Ханеле его письма и, являясь к ней в дом, говорила сладким голосом:

- Может быть, ты продашь этот красивый буфет и вышлешь деньги моему несчастному брату? Ты же знаешь, как он тебя любит!

Когда моя мама вышла замуж за моего папу, она, естественно, узнала об их семейной трагедии. А когда до нее дошли слухи о том, что Френкель женился на другой женщине, она решила вмешаться:

- Что вы за мать? - обратилась она к бабушке Фейгеле. - Как вы позволили вашей дочери дойти до такого состояния? Она - жертва подлого мошенника и нуждается в вашей поддержке.

Бабушка пошла в продуктовую лавку и дала распоряжение хозяину:

- Отпускайте моей дочери кофе. За мой счет.

То же самое она сказала мяснику и зеленщику. Таким образом она начала помогать ей на расстоянии.

Но моя мама на этом не успокоилась. Она хотела помочь Ханеле избавиться от ее слепой любви к Френкелю и от этого обременительного брака. И она обратилась к другу нашей семьи Вияцкому, который тогда работал на почте:

- Вы знаете Ханелю-соловья?

- Ну кто ж ее не знает, пани Кучинска!

- Понимаете, у нее возникла небольшая проблема. Она написала своему мужу письмо, бросила его в почтовый ящик, и только после этого вспомнила, что забыла написать на конверте адрес. Вы можете найти для нее это письмо? - попросила его мама.

- Вот гора не отосланных писем. Ищите, сколько вашей душе угодно.

Он понимал, что мамина просьба звучит не вполне корректно, но полностью ей доверял. Посмотрев ей в глаза красноречивым взглядом: дескать, я ничего не вижу и ничего не слышу, - он вышел, оставив ее наедине с горами писем.

Не теряя времени, мама занялась не исходящей, а входящей корреспонденцией, и в течение считанных минут нашла письмо, способное убедить Ханелю, что кроме страданий и душевной боли ей от ее мужа ждать нечего. Письмо было адресовано Френкелем его сестре, в нем он откровенно писал ей о своем браке с пани Кригер. «Ни в коем случае не рассказывай об этом Хане, - предостерегал он сестру. - Говори ей только о моем тяжелом положении. И постарайся вытянуть из нее как можно больше денег. Имей в виду, я к ней никогда не вернусь».

Мама принесла это письмо Ханеле. Та сначала отказывалась верить, потом ударилась в слезы. Она была совершенно сломлена. Тем временем Френкель продолжал ей писать.

В Эрец-Исраэль Френкель нашел себе компаньона, у которого был собственный транспорт, и они вместе начали заниматься перевозками. В Хайфском порту Френкель подходил к только что прибывавшим репатриантам, договаривался с ними о доставке их имущества по указанному ими адресу, а вместо этого все забирал себе.

В результате его арестовала британская полиция, он просидел некоторое время в тюрьме, после чего его депортировали назад в Польшу. И вот однажды вместе со своей второй женой пани Клугер он появился у нас в Скерневиче. Мне к тому времени исполнилось пять лет.

На фасад нашего дома выходил ресторан, принадлежавший супругам Шницер, с дочкой которых я дружила. Их старший сын еще перед войной репатрировался в Эрец-Исраэль. Родители тоже были пламенными сионистами, в их ресторане постоянно собиралась сионистки настроенная молодежь. Молодые люди любили играть в бильярд на большом столе, который стоял в отдельной комнате. Мне очень нравилось там бывать.

И вот однажды в этом ресторане появился Френкель и стал рассказывать о том, что его выслали из Палестины за коммунистическую деятельность. Разумеется, я понятия не имела, кто он такой. Но ему сразу же указали на меня: «Знаете эту девочку? Она племянница Ханели, дочка ее младшего брата Азриэля». Френкель устроил целый спектакль: он подошел ко мне, обнял, расцеловал и заплакал:

- Пойди домой, деточка, и позови сюда твою тетю. Она ведь моя жена... О, Ханеля, любовь моя, - восклицал он сквозь слезы.

Я прибежала домой с радостным известием:

- Мама! Мама! Дядя Хаим приехал, он сейчас у Шницеров!

Мама попросила меня не говорить Ханеле ни слова и тот час же отправилась в полицейский участок, начальником которого был один из наших друзей:

- Френкель рассказывает, будто его выслали из Палестины, как коммуниста. Но ведь в Польше коммунистическая партия находится под запретом! Мне очень нужно, чтобы вы его задержали, - попросила мама.

Два полицейских быстро вышли и привели Френкеля в участок.

И только когда он уже сидел под арестом, мама сказала Ханеле:

- Сейчас настало время получить от него гет (разводное письмо).

К Френкелю пришел адвокат и предъявил ему ультиматум. Тому ничего не оставалось, как подписать развод. Его отпустили и он уехал в Россию. В следующий раз он появился в Скерневиче уже после войны, в чине капитана Красной Армии и в сопровождении все той же пани Клугер.

Тетя Ханеля всю жизнь хранила верность своей любви и больше никогда не выходила замуж.

- Его фотографию, - сетовала моя мама, - она взяла с собой в Треблинку,

И вот, через много лет после описанных событий, в самый разгар войны этот почтовый работник Вияцки вдруг встречает на улице мою маму. Его потрясло то, настолько она изменилась. Из уважаемой, известной всему городу, красивой ухоженной женщины она превратилась в истощенную, загнанную, жалкую нищенку.

- Чем я могу вам помочь, пани Кучинска? - спросил он и шепотом сообщил маме о том, что состоит в подпольной Армии Крайовой.

В Раве-Мозавецкой у него была небольшая ферма с коровами и лошадьми. Он познакомил маму со своей женой Эугенией, маленькой женщиной с большим сердцем и прекрасной душой, которая даже внешне походила на ангела. По специальности она была учительницей. Вияцки попросил жену помогать нам, чем только можно. Эугения сразу же сказала маме:

- Пани Кучинска, берите все, что есть в нашем доме. Вот ключ, если меня не будет дома, отпирайте дверь и входите.

Мы старались не злоупотреблять их добротой, но они оказывали нам огромную помощь. Эугения была первой среди тех, кто впоследствии помог нам бежать в Скерневич.

Через много лет, уже в Израиле, мы пригласили Эугению к нам в гости и она приехала вместе со своим сыном Ромуальдом. В музее «Яд ва-Шем» ей присвоили звание праведницы народов мира. Она умерла 8 лет назад. Я поддерживаю связь с Ромуальдом. Он женат, имеет дочь и единственного внука.

Мэру Скерневича тоже стало известно, что мы находимся в Раве-Мозавецкой. он позвонил в Юденрат и попросил позвать папу к телефону.

- Пан Кучински, возвращайтесь в Скерневич, мы о вас позаботимся. Не ищите другого убежища. И не верьте немцам: нам доподлинно известно, что всех евреев они отправляют на смерть.

Около двух месяцев - с сентября по ноябрь 1942 года мы прожили в Раве-Мозавецкой. За это время из помещения мясной лавки мы перебрались в смежную комнату. Моя мама была неординарным человеком. Ее называли пророчицей Дворой (Деборой), все окружающие доверяли ее интуиции и следователи ее советам.

Мама никогда не отчаивалась и все время искала способ выбраться из гетто. Она смастерила себе вдовью шляпу, закрывавшую ей лицо, и в таком виде явилась однажды к Ганцнеру:

- Прошу вас, спрячьте нас у себя ненадолго. От вас мы двинемся дальше, - умоляла она его.

- Здесь вас примут, когда вы только захотите, - заверил ее Ганцнер, хотя на самом деле он сильно этого боялся. - Но только чтобы моя жена не догадалась о вашем приезде. Она не согласится ради вашего спасения рисковать жизнью детей.

В один из последующих дней мама пересекла тропинку, отделявшую территорию гетто от фермы Вияцких. Они с Эугенией сидели на кухне, обсуждая планы нашего бегства, а также ища способ добраться до дома Ганцнера.

- Вы позволите нам пожить у вас несколько дней? - спросила мама, и Эугения ответила согласием.

Атмосфера в гетто становилась все более гнетущей. Приближалась большая акция. За считанные дни до нашего бегства ликвидировали больницу, в которой я работала, и я сидела дома. В тот день по гетто ходил эсэсовец с собакой и выволакивал на улицу женщин. Когда их набралось одиннадцать, он стал на каждую по очереди натравливать свою собаку. Среди этих женщин была и моя мама. Я пыталась броситься ей на помощь, но меня удержали:

- Ты этим только сильнее его разозлишь, - говорили мне люди.

Сжав в гневе кулаки, я смотрела, как от ее тела кусками отрывается кожа. Всех остальных женщин собака загрызла насмерть, и только моя мужественная мама вступила с ней в борьбу. Она ударила собаку и начала ее душить. В ответ эсэсовец хлестнул маму своим кнутом со свинцовым наконечником и нанес ей ужасную рану. Раны на ее теле были открытыми, кожа разорвана, глаза опухли так, что она не могла разомкнуть веки. Мы лечили ее компрессами, преданно и любовно за ней ухаживали. Мама была полна гнева и решимости как можно скорее бежать из гетто.

По-одиночке мы выходили на тропинку, ведущую к ферме Вияцких. Мама все спланировала заранее: первыми прошли этот путь они с Фишеле - она, одетая вдовой, он - в ее объятиях, за ними я, в крестьянском платье, повязанная платком, закрывавшим мне лицо, и последним папа - в широкополой шляпе, под которой трудно было что-либо разглядеть. Мы были скованы страхом от сознания того, что наша жизнь висит на волоске, и только в случае невероятного везения мы сумеем осуществить задуманное.

Эугения быстро завела нас в тесный вонючий свинарник, откуда по лестнице-стремянке мы поднялись на заваленный сеном чердак. Отверстие в полу закрывалось крышкой, помещение было настолько низким и тесным, что даже сидеть было невозможно - только перекатываться с боку на бок. В таком скованном положении мы провели около недели.

Ночью к нам поднималась Эугения. Она приносила еду и ведро для отправления естественных нужд, которое потом забирала и опорожняла. Мы даже не знали, какое на дворе время суток, когда вдруг поднималась крышка и появлялась Эугения. Она стояла на лестнице-стремянке, и только ее голова возвышалась над полом. Когда мы видели ее светлое лицо, белокурые кудри, голубые глаза, нам казалось, будто перед нами ангел.

- Вы наш ангел, - говорили мы ей со слезами.

- Не нужно плакать, - отвечала она. - Если бы я была на вашем месте, я бы тоже выглядела не лучше.

Ее ласковые, полные сострадания слова разрывали нам сердце.

- Я буду о вас заботиться столько, сколько будет нужно. Вы только не двигайтесь и не создавайте шума.

Через несколько дней мы услышали звуки выстрелов, сопровождавшие ужасную акцию, которая начиналась в гетто.

Евреи, которым уже было известно о том, куда отправляются транспорты, перелезали через забор и убегали.

- Сюда, сюда, быстрее, - шепотом говорила им Эугения и открывала деревянные ворота для телег и лошадей, рискуя при этом собственной жизнью.

Мы провели на чердаке около двух недель, когда наконец Эугения сказала, что можно спускаться вниз. После долгого лежания мы почти разучились ходить и шатались, как пьяные.

Долгие часы мы наслаждались возможностью расправить члены. Мы сидели у Эугении на кухне и мама думала о том, как добраться до Скерневича.

Она попросила Эугению достать гроб, чтобы положить туда Фишеле, который отличался ярко выраженной семитской внешностью. И вот, на запряженной лошадью телеге мы двинулись «на похороны» в Скерневич. Возница, которого приставила к нам Эугения, был верным человеком и не задавал никаких вопросов. Возможно, он тоже являлся подпольщиком и выполнял порученное ему задание. Мы подозревали, что ему было известно о том, кто мы такие. Мама в своей вдовьей шляпе сидела рядом с возницей, а я, повязанная платком, рядом с гробом. Папы с нами не было. Когда мы расставались, Эугения сказала:

- Не волнуйтесь, я доставлю его к вам в Скерневич.

Мы сердечно поблагодарили ее и двинулись в путь - «на похороны», которые должны были спасти нам жизнь.

Телега неспешно двигалась вперед: на телеге гроб, возница и две женщины, мать и дочь, обе в траурной одежде. Обычно за гробом следуют родственники и священник, но с нами никого не было. Жалкая процессия. Мы едва дышали от страха и непрерывно молились о благополучном прибытии на место. Мы знали, что каждую секунду нас могут схватить.

В поисках пристанища

В конце ноября 1942 года мы прибыли на ферму Ганцнера, расположенную на окраине Скерневича. Ганцнер очень боялся нас принимать, в основном, из-за жены и детей, но тем не менее данное им слово сдержал. Чтобы не возбуждать подозрений, он пропустил телегу с гробом через задние ворота. Первой с телеги сошла «мамэ» и сказала ему:

- Пожалуйста, спрячьте нас у себя, как обещали. Поверьте, мы не задержимся надолго.

После этого мы поспешно сняли с телеги гроб и отправили возчика назад к Эугении. Затем с большими предосторожностями выпустили наружу перепуганного Фишеле и взобрались на чердак амбара.

В тот год зима в Польше выдалась особенно суровой, нас буквально кусал мороз. Крепко обнявшись и завернувшись в сено, мы старались хоть немного согреться, но нам это плохо удавалось.

Ганцнер просил сохранять в тайне факт нашего пребывания на ферме, чтобы об этом не узнали его жена и дети. Поэтому бабушка Кайла, которая к тому времени здесь жила и работала, боялась к нам подойти. Бабушка продолжала оставаться у Ганцнера и после того, как мы отправились в наши дальнейшие скитания. Очевидно, осенью 1943 года она там и умерла. Но тогда мы об этом ничего не знали. Она была похоронена прямо во дворе и после войны мы перенесли ее останки на еврейское кладбище.

Первое время папы с нами не было. Страх за его судьбу не давал нам покоя. Но мама твердо верила, что мы скоро будем вместе.

В волнении и тревоге мы прожили два или три дня, когда вдруг послышался стук в деревянную стену амбара.

- Откройте, это я, - прозвучал такой знакомый и любимый голос.

Мы открыли, но в первый момент не узнали папу.

В те годы в небольших городках, вроде нашего, все уборные были с выгребными ямами. Существовала особая профессия - «говняш». По мере наполнения ямы говняш выгребал лопатой ее содержимое и затем в качестве удобрения продавал крестьянам. У него была телега с лошадьёю и характерная спецодежда: шляпа с небольшой пелериной и длинный плащ, предохранявший его одежду. Когда такой говняш приходил опорожнять выгребные ямы в доме моих родителей (где проживало несколько семей), бабушка обычно говорила ему с улыбкой: «У нас вы найдете первосортный продукт, потому что мы питаемся исключительно качественной пищей».

У Эугении был знакомый говняш, который поставлял ей удобрения для огорода. По ее просьбе он согласился помочь моему папе бежать. Говняш дал ему свою одежду, чтобы люди думали, будто это он сам едет на своей телеге.

Узнав, наконец, папу, мы испытали чувство громадного облегчения, и несколько часов просто сидели, обнявшись.

- Теперь мы снова вместе, и значит, все будет в хорошо, - убеждали мы друг друга.

Ночи становились все холоднее, мороз пронизывал нас до самых костей, и в сердце вкрадывалось отчаяние. Фишеле все время плакал от голода и холода и мечтал о настоящей сытной еде. Однажды он услышал, как Ганцнер обещал принести нам утром что-то горячее. Он лег спать голодным, завернувшись в солому, умоляя нас разбудить его, как только принесут еду. Чтобы никто не догадался о нашем присутствии, Ганцнер приносил нам еду в то время, когда кормил свою скотину, т.е., это действительно была горячая пища, но для свиней, человеку это есть было невозможно. Проснувшись, Фишеле ударился в слезы:

- Вот, вы съели все горячее, и ничего мне не оставили, а я ведь так просил, чтобы вы меня разбудили!

Мы не могли ему объяснить, что эта пища оказалась просто несъедобной.

На полу амбара хранилась морковь, вся облепленная грязью. Температура держалась намного ниже нуля, морковь вместе с прилипшей к ней грязью заледенела. Но так как выбирать было не из чего, мы, как могли, очищали эту морковь от грязи и грызли ее, чтобы хоть немного заглушить чувство голода и тревоги. «Как кролики», - шутили мы друг над другом.

В попытке улучшить наше положение мама решила обратиться к своей подруге Михалковой, у которой в свое время оставила нашу мебель и другие вещи.

- Я попрошу у нее кое-что из вещей и теплую одежду. Тогда мы сможем немного согреться и купить себе еды.

Увидев маму, Михалкова побледнела:

- Дорчу, что ты здесь делаешь? Ведь говорили, что всех евреев отсюда выслали!

Мама окинула взглядом ее дом. Роскошный спальный гарнитур моих родителей резко выделялся на фоне жалкой безвкусной обстановки. Дорогая утварь, которую взяла у нас Михалкова, стояла без применения в тесной кухоньке, грязная и поломанная.

Боковым зрением мама заметила в дальнем конце комнаты покрытую пылью скульптуру «Озорник», и на глаза у нее навернулись слезы. Веселый мальчик в помятой шапке, с сидящей рядом с ним лягушкой напомнил ей о прежней жизни. Мама глубоко вздохнула, но не проронила ни слова. Она описала Михалковой наше отчаянное положение и объяснила, для чего нам нужна теплая одежда.

Михалкова ответила с кислой миной:

- Сейчас я ничего тебе дать не могу. Приходи завтра в шесть.

Мамина интуиция никогда ее не обманывала. Ее доверие к полякам было подорвано. Опасаясь предательства, она не явилась в назначенное время и вернулась к Михалковой лишь через день.

Та встретила ее криком:

- Почему ты не пришла, как мы договорились? А сейчас уходи. Ты ничего у меня не получишь!

Когда моя мама, угнетенная чувством стыда и разочарования, покидала дом той, которую считала своей подругой, один из соседей шепнул ей, что вчера вечером ее здесь поджидали гестаповцы, а Михалкова злится потому, что упустила награду, обещанную за выдачу евреев.

Тем временем папа снова начал жаловаться:

- Ну, теперь-то ты видишь, что я был прав? Что ты сделала со всеми нами? Зачем было нужно бежать из гетто? Посмотри, в каком мы положении. Сколько можно так жить? Без еды, на морозе? Как будто мы хуже скотины.

Мама упорно продолжала искать выход.

- Успокойся, мы найдем решение. Вспомни и составь мысленный список всех своих друзей и знакомых. Подумай, у кого из них мы могли бы попросить помощи и убежища хотя бы на несколько дней.

Не многие из поляков стремились тогда помогать евреям: во-первых, потому, что после изгнания евреев им досталось их имущество, и, во-вторых, потому, что это было связано со смертельной опасностью - тех, кто прятал у себя евреев, нацисты убивали.

После недолгого размышления папа произнес:

- Вероятно, пан Чиховски мог бы нам помочь.

Чиховски, квалифицированный работник железной дороги, до войны был другом нашей семьи. Бывая у нас в гостях, он любил беседовать с Ханелей, которую называл соловьем.

Под покровом темноты мама явилась к нему домой. Он жил в партере в однокомнатной квартире с кухонькой. Окно его комнаты выходило на улицу, и все, что в ней происходило, было открыто взглядам прохожих. Занавеска закрывала лишь верхнюю часть окна.

- Вы видите мой дом. Где тут могут спрятаться четыре человека? Это же нереально.

Он пытался отговорить мою маму, но нам было просто необходимо куда-то перебраться из амбара, где мы провели целую неделю в нечеловеческих условиях. Другого выхода у нас на тот момент не было. В комнате стояла всего одна кровать и Чиховски предложил нам принести

мешок с соломой, чтобы мы могли спать на полу. По сравнению с промерзшим насквозь амбаром это были прекрасные условия. Единственной добротной вещью в его комнате был обеденный стол, который когда-то стоял у нас в доме.

В то время мы ничего не могли заплатить Чиховскому, да он нас ни о чем и не просил.

- Я сделаю все от меня зависящее, чтобы вам помочь, постараюсь достать еды, сколько смогу, - пообещал он и освободил для нас свою маленькую квартиру.

Чтобы никто ничего не заподозрил и всем было видно, как из его трубы идет дым, он приходил каждый день растапливать печь.

Чиховски приносил нам воду из ближайшего колодца и ведро для отправления естественных нужд, которое опорожнял один раз в день. Мы умывались и мыли руки в маленьком тазике - тайно и беззвучно, как уже привыкли. Из тех продуктов, которые он нам доставлял, мама готовила еду. Каждый день мы ели слегка подсоленную картошку, немного каши и большое количество жареного лука, придававшего этой пище хоть какой-то вкус. Чиховский любил есть вместе с нами.

Передвигались мы по полу ползком в абсолютной тишине, чтобы с улицы нас никто не мог заметить.

Однажды Чиховски, как обычно, принес нам воду и продукты, оставил пустое помойное ведро и пошел на работу. Мама приготовила нашу обычную скудную пищу, но когда мы ее попробовали, то оказалась, что она сильно пересолена и практически несъедобна. Но мы были настолько голодными, что несмотря на ужасающий вкус, съели все без остатка. Соль вызвала у нас сильную жажду, но вода, которую принес Чиховски, тоже оказалась невыносимо соленой. Мы знали, что снаружи, всего лишь в двух-трех шагах от нас лежит чистый белый снег, которым можно легко утолить жажду, но выйти из дома не осмелились. Нам не оставалось ничего другого, как слизывать ледяные узоры с оконного стекла.

Назавтра Чиховски снова присоединился к нашей трапезе.

- Как можно это есть? - воскликнул он и выплюнул то, что успел взять в рот - Тут же одна соль!

- Но вода тоже ужасно соленая, - ответила мама.

Оказалось, что в тот раз Чиховски набрал воду не из того колодца, что обычно.

Мы прятались в его квартире в течение недели.

Мама была в нашем городке достаточно известной личностью и боялась, как бы, несмотря на вдовью шляпу, ее не узнали на улице. Поэтому она дождалась дождливого дня и, спрятавшись под зонтом, отправилась искать для нас новое пристанище. Вооружившись составленным папой списком, она обращалась к кому только можно, умоляя: «Всего лишь на одну ночь! вспомните, ведь вы же были нашими друзьями!» Но, увы, все ее усилия оказались тщетными. Некоторые люди шарахались от нее, как от нечистой силы, и спешили захлопнуть дверь. Мы испытывали безграничную боль и унижение оттого, что наши старые друзья от нас отвернулись.

Среди прочих мама обратилась и к пани Громковой, одинокой женщине, тоже занимавшей однокомнатную квартиру. Та согласилась принять нас в своей комнате, но сама по-прежнему оставалась в ней жить. Таким образом в маленьком помещении нас оказалось пятеро, да плюс еще коза, которую из-за мороза хозяйка взяла к себе в дом. Мы спали на соломенных матрасах, разложенных на полу. Вскоре коза родила двух козлят и в тесной комнатке стало уже восемь живых созданий. Едва родившись и встав на ножки, козлята начали искать соски своей матери и, обнаружив наши уши, принялись с жадностью их сосать, так что нам пришлось их отогнать. Мы были не люди, а всего лишь тени - неподвижные и практически не живые. Отчаяние стало нашим постоянным спутником.

Все это время мама продолжала упорные поиски, продолжала умолять разных людей: «Всего лишь на одну ночь...». Прятаться у Ковальчика было невозможно, его лавка выходила на главный фасад здания, а в задних комнатах жила его семья. Жена и дети Ковальчика не знали о

нашем существовании. Но он принес нам немного денег, а также сахара и крупы из своей лавки, все это мы могли предложить в обмен на убежище.

И тут в мозгу у папы возникла идея: работники железной дороги живут недалеко от станции, в добротных домах, в хороших условиях.

- У меня там есть близкий приятель, по имени Реймер. Он женат, но детей у них нет. Попробуй пойти к нему. Может, он согласится нам помочь, - предложил он маме.

И снова моя мужественная мама, рискуя жизнью, отправилась в путь. В то время железную дорогу, по которой немцы перевозили оружие и солдат, охраняло много польских и немецких полицейских, поэтому находиться в этом районе было смертельно опасно.

Увидев маму, Реймер так обрадовался, что едва не подпрыгнул до потолка. Мама коротко рассказала ему о нашем положении.

- Дорчу, какой молодец твой муж, что послал тебя ко мне! Ведь это же самое надежное и безопасное место. Никому и в голову не придет, что евреи могут прятаться прямо в логове у нацистов. А как у вас дела? Как вы все себя чувствуете? Что с Ядзей? Немедленно приходите сюда, я найду, где вас поселить.

Услышав это, папа сказал:

- Вот видишь, друзья остаются друзьями...

Назавтра мы явились к Реймеру втроем: мама, Фишеле и я. Дверь открыла его жена и, едва увидев нас, подняла крик:

- Быстрее уходите отсюда! Что вы себе думаете? Ведь он же сумасшедший. Разве вы не знали?

В доказательство она указала рукой на своего насмерть перепуганного супруга, который, стараясь подтвердить справедливость ее утверждений, прыгал по столу и стульям, размахивая в воздухе красной тряпкой.

Мама взмолилась:

- Но ведь уже поздно. Скоро наступит комендантский час (для поляков). Если нацисты обнаружат нас на улице, они нас убьют. Пожалуйста, пустите нас к себе! Всего только на одну ночь.

Но хозяйка истерически закричала:

- Уходите отсюда! Иначе я вызову полицию!

- Спрячьте нас хотя бы у себя во дворе, в уборной, - продолжала умолять мама.

- Уходите с моей территории! - крикнула жена Реймера и безжалостно вытолкала нас вон.

Мы были совершенно растеряны и не понимали, что делать: оставаться на улице было невозможно, но и возвращаться тоже было невозможно из-за комендантского часа. И тут маму осенило:

- Оставайтесь здесь, - проговорила она, пытаясь скрыть дрожь в голосе. - Тут недалеко живет моя школьная подруга Мариша Чипларска. Хозяин их дома - немец по фамилии Молине. Я его немного опасаясь, поэтому сначала пойду одна. А вы пока что стойте здесь и делайте вид, будто что-то ищете под деревом.

Мы безмолвно ждали, но с каждой минутой наш страх становился все сильнее. Удастся ли маме найти убежище? Увидим ли мы ее снова?

Муж Мариши тоже работал на железной дороге. Их единственная дочь была моей ровесницей. Едва войдя к ним в дом, мама замерла в испуге - прямо перед ней за обеденным столом сидела компания немцев в военной форме. Как оказалось, это были офицеры из высшего руководства железной дороги, которые жили по соседству и в тот вечер собрались пообщаться. Они пили пиво, болтали и смеялись. В глазах у мамы потемнело. Мариша, которая сразу ее узнала, тоже сильно испугалась. За укрытие евреев полагалась смертная казнь, а тут ее подруга-еврейка находится в одной комнате с немцами.

Но Мариша быстро взяла себя в руки и обратилась к маме с радушной улыбкой:

- Дорчу, когда ты приехала из деревни?

Довольная реакцией своей подруги, мама ответила:

- Я с утра в городе. Дети тоже со мной. Они ждут на улице.

Мариша завела нас в спальню, дала поесть чего-то горячего и сказала:

- Сидите тихо. Прежде всего я постараюсь избавиться от нежеланных гостей.

Она снова подала им пиво, приправив его солью для возбуждения жажды, чтобы им захотелось выпить еще. Вскоре они сильно захмелели и, шатаясь, разошлись по домам.

- Я не смогу вас держать у себя, - сказала нам хозяйка.

- Пожалуйста, оставьте нас хотя бы на одну ночь, - умоляли мы.

- Ну, конечно, я оставлю вас на эту ночь. Но необходимо найти какое-то решение на последующие дни, - сказала она.

Мы чувствовали, что она страдает нам, но боится при этом за свою жизнь.

- Недалеко отсюда живет одинокая глухая женщина по фамилии Голбейска - продолжила Мариша. (Кстати, такая же фамилия была у нашей прислуги). - Она живет одна в большой комнате. Дорчу, завтра ты оставишь детей здесь, а мы с тобой вдвоем пойдем к ней и попросим, чтобы она взяла вас к себе.

В страхе и тревоге мы уснули.

Утром после завтрака мама с Маришей отправились к пани Голбейской, а муж Мариши ушел на работу. В доме оставались мы с Фишеле и Маришина дочка, моя ровесница.

На улице мама и Мариша увидели толпу народа. Мариша спросила, в чем дело. Ей ответили, что немцы ходят из дома в дом в поисках молодых поляков, чтобы отправить их на принудительные работы. Обе тот час же вернулись домой и велели нам спуститься в погреб.

Не долго думая, мама сбросила обувь, взяла ведро с водой и щетку, вылила воду на пол и принялась драить пол, изображая процесс уборки. Сверху на нас капала вода, мы сидели, затаив дыхание, и слушали следующий разговор:

- Есть тут молодежь? - рявкнул немец.

Моя мужественная «мамэ» ответила:

- Откуда здесь возьмется молодежь? Только я одна убираюсь в доме и больше никого здесь нет. Нет никакой молодежи.

Таким образом мы снова были спасены. Мы вышли из погреба мокрые, но живые и невредимые, а мама с Маришей снова отправились к Голбейской.

Та согласилась принять нас на несколько дней и назавтра мы все перебрались в ее дом.

Там мы тоже жили, словно крысы, передвигаясь на четвереньках, чтобы наши фигуры и даже тени не были видны из окна. До сегодняшнего дня я боюсь выходить на свет. Этот страх коренится во мне очень-очень глубоко, он стал частью моей личности.

Еда, которой нас кормила Голбейска, была совершенно безвкусной, поэтому мама заправляла ее большим количеством чеснока. Чеснок имеет резкий запах, который выходит вместе с мочой, и наша хозяйка, аккуратная чистоплотная женщина, страдала от этого и даже помойное ведро тщательно отскребала от запаха чеснока.

- Вы все провонялись чесноком, - жаловалась она. Возможно, она имела в виду: «Вы жида вонючие».

Через несколько дней она попросила нас уйти. Мы возвратились к пани Громковой и продолжили свои поиски. Было очень холодно, никто не хотел нас принимать, отовсюду нас гнали, везде перед нами закрывались двери.

До войны в нашем городе было два еврейских кладбища. Одно из них нацисты превратили в свинарник, а на другом, занимавшем большую территорию, построили кирпичный завод. От ухоженного кладбища остался только склеп раввина, который поляки побоялись разрушить, да две-три могильные плиты, слишком тяжелые для того, чтобы вывернуть их из земли. Остальные надгробия поляки использовали для мощения полов и пешеходных дорожек. Они укладывали камни вырезанными на них именами наверх, хвастаясь перед всеми своей находкой. Увидев подобное мощение, мы понимали, что тут живут антисемиты, и бежали от них, как от огня.

Бывало, что мне случалось задержаться в городе до начала комендантского часа, и если я понимала, что не успеваю добраться до нашего укрытия, то спешила к склепу раввина, где, скрючившись от холода, пережидала ночь, надеясь, что никому не придет в голову меня здесь искать. Я была там совершенно одна. Только свиньи бродили вокруг. Тяжело и печально было мне на заброшенном, разоренном кладбище и очень-очень страшно.

Напротив склепа стоял чей-то дом, к которому вела узкая дорожка. В этом доме жил пан Ружански со своей семьей. Эти люди стали моими друзьями. В городе с Ружанским никто не общался, потому что он служил в городской управе «гицелем» или «собаколовом», то есть отлавливал бродячих собак, что считалось самым презренным занятием.

Однажды после проведенной в склепе ночи я, набравшись смелости, ступила на эту дорожку и направилась к дому Ружанских. И получилось так, что именно этот человек, от которого я меньше всего ожидала тепла и участия, не испугался, когда я представилась ему еврейкой и попросила о помощи.

Прежде всего он дал мне банку, в которой оставалось немного масла, и буханку хлеба домашней выпечки.

- Если тебе что-то понадобится, приходи, я тебе помогу, - сказал он с искренней сердечностью.

Внезапно в моем мозгу возникла идея и я спросила:

- Может быть, вы сумеете достать для меня одежду крестьянки-ловичанки?

- Конечно, - ответил он. - Приходи через несколько дней и ты все получишь

И вот на следующей неделе к моему великому удивлению меня ожидало два комплекта деревенской одежды: один нарядный, для праздников, другой повседневный, будничные. Оба ручной работы. Один из них был сшит из шерстяной ткани красного и зеленого цвета - просторное платье со сборками на талии, к нему нижнее белье, цветные носки, а также доломан с подкладкой из ткани в цветочек и головной платок. Ко всему этому прилагались туфли со шнуровкой на небольшом каблучке.

В таком наряде я могла чувствовать себе увереннее во время моих выходов в город. Я всегда носила с собой корзинку, которая открывалась с двух сторон. С такими корзинками крестьянки обычно отправлялись на рынок, чтобы продать немного яиц, масла или курицу. А возвращаясь домой, несли в ней бутылку керосина или какую-то другую жизненно необходимую вещь. Этот костюм, а также деревенский ловичанский акцент, который я воспроизводила в своей речи, измененный голос и походка, - служили мне защитой.

Наш город к тому времени уже был полностью «юден-райн» - очищен от евреев. И если поляки обнаруживали евреев, которым удалось спрятаться, они выдавали их немцам за десять килограммов сахара и бутылку водки. В атмосфере того времени доверять нельзя было никому. Все доносили друг на друга - отец на сына, жена на мужа.

- У меня есть несколько адресов, - сказала мне однажды мама. - Мы разделим их между собой. По одним из них пойду я, по другим - ты.

Переодевшись в деревенскую одежду, я направилась на площадь городской управы. Сердце во мне замирало. Я думала о том, что каждую минуту меня могут разоблачить. Ведь мое лицо было полностью открыто.

На площади, недалеко от здания управы жил главный врач района доктор Лабенцки, который помогал нам в первые дни нашего пребывания в местном гетто. Сейчас мы прятались недалеко от него, у Громковой. Я стояла напротив вывески на фасаде дома. На улице было очень холодно, с деревьев облетали листья. Я всегда любила наблюдать картины листопада, но в эти минуты я ощущала листопад в собственном сердце.

Я тихонько постучала. Открыла служанка.

- Ты к кому? - раздраженно спросила она, увидев перед собой простую крестьянку.

На безукоризненном ловичанском диалекте, которому я в свое время научилась у нашей прислуги, я ответила:

- Мне к доктору.

Она пригласила меня пройти в комнату ожидания. Через минуту появился сам доктор и спросил:

- Чем я могу вам помочь?

Естественно, он меня не узнал. В последний раз, когда он меня видел, я была счастливой, жизнерадостной еврейской девочкой, а сейчас перед ним сидела взрослая и невеселая польская крестьянка. После того как служанка вышла, я ответила ему на своем обычном польском языке:

- Это я, Ядвига.

- Езус Мария! - воскликнул он и тут же позвал свою жену:

- Дорогая, ты не поверишь, какая у нас гостья!

Его жена заключила меня в объятия:

- Как ты? Где твоя семья?

- Мы здесь, в городе, - ответила я.

- Как вам это удалось? Ведь всех евреев уничтожили! - не могла успокоиться жена доктора.

- В том-то и проблема, что нам некуда деваться. Мы живем в нечеловеческих условиях.

Я не стала объяснять, где именно.

- Этой ночью ты туда не вернешься, - сказали они.

Меня накормили вкусной горячей пищей, от которой я уже давно отвыкла. В тот день впервые в своей жизни и вопреки полученному мной воспитанию, я съела свиную отбивную и получила от нее огромное удовольствие. В качестве гарнира подали пюре. Это было самое вкусное, что мне доводилось когда-либо пробовать. И даже о супе могу сказать, что он имел райский вкус.

После этого я хотела уйти, но жена доктора меня остановила:

- Я уже приготовила для тебя теплую постель. А завтра утром мы вместе подумаем о том, куда тебе идти, и где искать помощи.

У меня нет слов, чтобы описать то наслаждение, которое я испытала, засыпая в мягкой чистой постели под толстым теплым одеялом.

Когда я проснулась, доктор мне сказал:

- Я уверен, что вы выживете в этой войне.

- Почему? - спросила я его.

- Потому что пока ты спала, мы осмотрели твою одежду и не обнаружили на ней вшей, - ответил он.

Мы старались соблюдать чистоту в большей степени, чем те поляки, у которых мы прятались, и всякий раз, когда нам удавалось получить воду, тщательно мылись.

- Вообще, в вашем положении очень трудно уберечься от вшей, которые распространяют различные болезни и инфекции, - сказал врач. - Люди боятся принимать у себя тех, кто может занести к ним в дом вшей. Но я вижу, что вы содержите себя в чистоте, и это поможет вам выжить.

Они угостили меня чудесным горячим завтраком. Но я съела только маленький кусочек хлеба, потому что остальное хотела принести своим родным.

- Не беспокойся, у нас достаточно еды. Ешь, сколько хочешь. Обещаю, что мы дадим тебе хлеб для всей твоей семьи.

Они наполнили мою корзинку едой и сказали:

- Есть человек, которого твой отец определенно должен знать - это пан Зебко. У Зебко собственный двухэтажный дом. В партере живет дворник, первый этаж занимает он сам со своей семьей. А на втором этаже живет семья Скрипчак: муж, жена, двое их красавцев-сыночек и очаровательная дочка. Ты с ними знакома?

- Конечно, знакома. И с семьей Зебко тоже.

Их единственная дочь была моей подругой. Он уже стала достаточно взрослой и должна была понимать, что не следует никому рассказывать о том, кто прячется у них в доме, а также не следует приглашать к себе друзей.

- Пойди к ним, и если тебя там не узнают, скажи, что это я тебя прислал.

Мы очень тепло попрощались.

Я вышла с надеждой на то, что мы наконец обретем достойное пристанище.

Красивый и ухоженный дом семьи Зебко находился на окраине города. Передо мной открыли дверь и, узнав меня, не захлопнули ее. Приняли вежливо, но без особого энтузиазма.

- Как вы живете? - спросили они.

- Мы все прячемся в городе, приютите нас ненадолго, - умоляла я, не осмеливаясь просить о большем.

Пан Зебко и его супруга ответили согласием. Они приготовили для нас теплое и чистое помещение, кормили нас вкусной, достойной человека пищей, но мы находились там в постоянном напряжении. Нам нужно было найти такое место, где мы могли бы дышать свободно, дожидаясь того момента, когда минует весь этот ужас. Каждый день мы выходили искать себе новое убежище, потому что здесь мы ощущали себя в большей степени собаками, нежели людьми.

На улице, ведущей из города к площади управы, находилась мясная лавка, принадлежавшая семье Аевских. Хозяйничала там мамина школьная подруга Мариша, с дочерью которой я когда-то дружила. Еще у нее был сын, которого убили немцы за участие в подпольной организации. Его израненное, истерзанное тело они бросили, как мусор, на пороге мясной лавки и повесили табличку с надписью: «Так будет со всеми подпольщиками». Его мужественная мама сумела сохранить присутствие духа перед лицом этого кошмара.

И вот однажды, к великому изумлению Мариши в ее лавку вошла моя мама.

- Езус Мария! Что ты здесь делаешь? - заикаясь от страха спросила она. - Откуда ты взялась? Ведь наш город «юден-райн»! Здесь больше нет ни одного еврея.

И поспешно добавила шепотом:

- Только не говори, где вы прячетесь, потому что, если меня схватят и будут пытаться, я вас выдам. Лучше, если я ничего не буду знать.

Мама описала ей наше положение.

- Мы не сможем принять вас у себя. Одной катастрофы для нашей семьи достаточно, - грустно сказала Мариша. - Но если время от времени ты будешь сюда приходить, я смогу давать тебе немного масла или мяса. Но, пожалуйста, не делай этого слишком часто, потому что в городе тебя знают, и это очень опасно.

Мама иногда ходила к ней в лавку и приносила оттуда кое-какие продукты.

Мы продолжали прятаться в доме Зебко и умолять: «Пожалуйста, оставьте нас у себя еще на один день, еще на одну ночь». Мы упорно искали себе убежище, но с каждым днем наши шансы уменьшались, а отчаяние росло.

Как-то раз, находясь недалеко от здания городской управы, я подумала, что, возможно, Пижак, который в свое время помог организовать кухни для беженцев в гетто, согласится нам помочь. Он был очень симпатичным человеком, обладавшим к тому же приятной наружностью. По возрасту он был примерно ровесником моих родителей и одним из их друзей.

Одетая крестьянкой, едва сдерживая страх, я вошла в здание управы. У входа, возле стойки приемной я спросила по-деревенски:

- Где сидит пан Пижак?

Дежурная пренебрежительно буркнула:

- Начальник Пижак наверху на втором этаже.

Я поднялась наверх. Помещение на втором этаже было светлым и просторным, там стояло много столов, за которыми сидели служащие.

- Его кабинет дальше, - направили они меня.

Я постучала в дверь, едва живая от страха и волнения: узнает ли он меня? Через секунду раздался голос: «Входите, пожалуйста!» Я вошла. Судя по его взгляду, он меня не узнал, хоть мы были знакомы с ним долгие годы.

- Это я, Ядвига, - прошептала я.

Он несколько раз перекрестился, и не сразу смог прийти в себя:

- «Швенты Дух Пана Бога хвали!» - («Святой Дух Господа Бога славит!»)

Каждое его движение говорило о том, насколько он потрясен.

- Откуда ты пришла? Где вся ваша семья? - спрашивал он.

- Не спрашивайте об этом, - отвечала я. - Я не могу вам сказать. Но мы находимся там уже две недели и нам некуда идти.

Воспользовавшись его молчанием, я поспешно продолжила:

- Возможно, мы могли бы пожить у вас? Или у ваших знакомых? Скажите только, к кому нам обратиться!

- Ты знаешь, у меня, к сожалению, нельзя. У нас слишком маленькая квартира, и потом, я немного опасаясь своей жены. Обратись к мэру города, может быть, он вам поможет. Он ведь тоже дружил с твоими родителями.

Разочарование обожгло меня, как огнем.

- Но я смогу давать тебе продуктовые карточки для «Фольксдойчей», - пообещал он и сдержал свое слово.

Эти карточки были настоящим сокровищем. «Фольксдойчи», поляки немецкого происхождения, получали больше продуктов, чем прочие граждане, причем, намного лучшего качества. Таким образом мы приобретали возможность расплачиваться за свое убежище отличными продуктами. Каждый месяц мы получали 50 ценных продовольственных карточек. Обладатели подобных карточек занимали в городе особое положение, поляки нас не проверяли и не задавали лишних вопросов.

С бьющимся сердцем я поднималась в кабинет мэра. Он тоже меня сначала не узнал, а когда я назвала себя, воскликнул:

- Езус Мария! Какое чудо! Где твой папа? Где мама?

- Я не знаю, кто звонил нам в Раву-Мазовецку: вы или губернатор. Я только знаю, что был телефонный разговор, в котором папе пообещали оказать в нашем городе помощь, - сказала я.

- Это был не я. По-видимому, это был губернатор, - ответил он. - Вы уже нашли для себя место?

- Нет, мы все время ищем, - ответила я.

В моем сердце появилась надежда, что он нам поможет. Но эта надежда очень быстро растаяла.

- Я ничем не смогу вам помочь в отношении места. Возможно, я сумел бы достать для вас фальшивые документы, удостоверяющие ваше христианское происхождение, но для этого нужно получить справки от церковных властей, и тут у меня снова связаны руки. Но если ты хочешь, здесь есть каморка, где выпускают подпольную газету. Время от времени ты можешь брать экземпляр для своего папы.

Если бы меня задержали с такой газетой в руках, то расстреляли бы на месте, как польскую подпольщицу. В любом случае, этот человек не испытывал к нам ни капли сострадания. Мэр города передал папе пачку сигарет, вот и все, что я смогла принести от него своим родным.

Однажды, когда мама выходила из дома Зebro - естественно, через черный ход - ей неожиданно улыбнулась удача: она буквально столкнулась с профессором Скрипчаком, который жил в том же самом доме.

- Пани Кучинска! - обрадованно воскликнул он.

Мама в ужасе приложила ладонь к губам, показывая ему: «Тише...». Он не знал, что мы прячемся по-соседству.

- Что это за шрамы и полосы у вас на лице? - удивился он.

Это были следы от зубов собаки и удара кнута. Весь мамин облик носил на себе печать боли и отчаяния.

- Меня покусала собака, - пробормотала она.

- Идемте ко мне, - тепло обратился он к ней.

У него была красивая, скромно обставленная квартира. Он угостил маму чашкой чая. Она рассказала ему о том, как мы чудом вырвались из пасти смерти, и как упорно и безуспешно пытаемся найти себе убежище.

- Дайте мне подумать несколько дней. Возможно, я найду решение. Встретимся у меня дома. На улице слишком опасно.

Всякий раз, прежде чем войти к нему, мама делала петлю по улицам, боясь обнаружить место нашего пребывания.

Через какое-то время выяснилось, что профессор был членом местной подпольной организации. И вот этот великодушный, уважаемый в городе человек обратился к уборщице городской управы, пани Анеле Домбровской.

Она стала героиней следующей главы нашей жизни - главы, которая закончилась лишь в августе 1944 года.

У Анели

Когда, обратившись к Анеле Домбровской, почтенный пан профессор поцеловал ей руку, она испытала чувство необыкновенной гордости. Это была простая женщина, неуклюжая, грубого сложения. Ее потрясло оказанное ей внимание.

- У меня для вас задание, - сказал он таинственным голосом, - во имя родины.

Муж Анели находился в немецком плену. Она осталась одна с дочерью-подростком. Так что возбудить в ней желание мести было нетрудно.

- Где вы живете? - прошептал профессор.

- На улице Циха, - с недоумением ответила она. - Вы знаете эту улицу, на окраине города, напротив полей.

- В ближайшее время я приду осмотреть ваш дом, чтобы проверить, сумеете ли вы справиться с порученным вам заданием, - строго сказал он ей.

У Анели не было ни малейшего представления, о чем идет речь, и поскольку все знали, что в нашем городе не осталось ни одного еврея, она, естественно, не подозревала, что это тайное задание может быть каким-то образом связано с евреями.

Прибыв на место, профессор увидел небольшой, простой и чистый дом, окруженный деревянным забором с воротами. На главный фасад выходило широкое французское окно и рядом с ним еще одно, обычное. В дом попадали через веранду, затянутую сеткой от мух, которые летали здесь тучами. К веранде примыкала просторная прихожая, в которой стоял большой тяжелый стол и простые деревенские стулья. Оттуда дверь вела в кухню, где находилось французское окно. На кухне профессор увидел стол и кровать, вход в кладовую и лестницу-стремянку, ведущую на чердак.

В конце коридора была спальня с двумя кроватями.

Напротив входа в дом находился свинарник, в котором хозяйка держала двух свиней. К свинарнику примыкал курятник с насестами для кур, которых у нее было от двадцати до тридцати штук, да плюс еще две утки. Дальше стояла будка уборной. За домом росли прекрасные фруктовые деревья: яблони, вишни и груши, плодами которых Анеля торговала на рынке. Из-за примитивной конструкции уборной (которую она опорожняла собственноручно), а также из-за птиц и свиней, двор был полон мух.

Окончив осмотр, профессор прочистил горло и с важностью произнес:

- Сейчас я открою вам тайну. Ваш дом идеально подходит для спасения жизни целой семьи. Ясно, как Божий день, что они заплатят вам столько, сколько вы им скажете. И даже более того. Но вы обязаны держать это в строжайшем секрете. И предупредите вашу дочку, чтобы она не приглашала в дом никаких гостей.

Преклонение этой простой женщины перед знаменитым профессором и возможность загрести немалую сумму денег послужили причиной тому, что она согласилась принять нас в свой дом.

Через три дня профессор обратился к моей маме:

- Я нашел для вас укрытие. Пани Домбровска, муж которой находится в немецком плену, живет со своей приемной дочерью Крисей в скромном доме на окраине города. Она вам поможет. Все дома там стоят только на одной стороны улицы, напротив пшеничных полей, за которыми начинается лес. Между полями и домами проходит дорога, шириной, достаточной для проезда телеги с лошадью. Никто из посторонних туда не забредет. Вы сможете оставаться у Анели, пока не минует опасность.

Мы преисполнились надежды.

До улицы Циха мы добирались пешком с своими скудными пожитками и с ощущением смертельной опасности. Вначале пришла я. Потом ко мне присоединилась мама с Фишеле, и

лишь после этого мама привела папу. Бабушка продолжала оставаться у Ганцнера, между нами не было никакой связи.

Окна Анелиного дома полностью просматривались с улицы. Любой прохожий мог видеть все, что происходило внутри. Мама дала Анеле денег и попросила купить материю, из которой она сшила занавеси для окон. Но мы по-прежнему боялись передвигаться по комнатам и зажигать свет.

Дом был кирпичный, однако пол на чердаке, где мы прятались, был глиняный, черепичную крышу поддерживала конструкция из досок. Угол наклона крыши не позволял выпрямиться в полный рост, холод пронизывал нас до самых костей. Крепко обнявшись, мы сворачивались калачиком, но это нисколько не помогало. Уставшие от борьбы, мы все время пребывали в состоянии страха и напряжения. Все мои попытки поднять настроение родных при помощи шуток и анекдотов окончились провалом. Нам постоянно грозила опасность. Любой зашедший в дом человек мог без труда подняться по стремянке на чердак и тот час же нас обнаружить. Мы снова ломали голову над тем, как сделать наше укрытие более надежным.

Для того чтобы жить у Анели, нужно было примириться с ее страстью к наживе. Папа составил договор, в соответствии с которым он брал на себя обязательство в конце нашего пребывания у нее дать ей столько же золота, сколько мы дали при вселении. Все то время, что мы находились в ее доме, мы еженедельно платили ей по десять золотых рублей за каждого из нас. Это было тяжелейшее финансовое бремя.

В дополнение к этому в конце каждого месяца мы вручали ей 50 продовольственных карточек, которых ей не просто хватало с лихвой - она еще кормила белым хлебом своих свиней. Благодаря нам она жила в изобилии, но мы при этом не получали от нее ничего. Она брала у нас немалые деньги на покупку продуктов, но приносила их в мизерных количествах. Голод был нашим постоянным спутником. Мы воображали, будто едим яблоки с деревьев, ветви которых, сгибавшиеся от обильных плодов, ударяли о стены чердака, но дотянуться до них нам не удавалось.

Большую часть времени Анеля занималась куплей-продажей. Чтобы не возбуждать подозрения у соседей, она скупала продукты в разных магазинах, а затем продавала их по завышенным ценам. Уже через десять месяцев после того как мы у нее поселились, она сумела приобрести едва ли не целое состояние.

Каждый день у нас возникала новая причина для страха: то любопытный сосед, то тревожные слухи. От каждого шороха или неожиданного движения сердце у нас выскакивало из груди. И тогда мы пришли к общему решению - выкопать для себя яму в свинарнике. Мы копали по ночам в течение нескольких недель и, когда яма стала достаточно глубокой для того, чтобы в ней можно было спрятаться, мы накрыли ее досками, получив таким образом «надежное укрытие» на случай опасности.

Возле французского окна стоял стул, на котором всегда сидел кто-нибудь из нас, наблюдая за входом в дом. Забор был деревянный, высотой ниже ворот, и в тот момент, когда кто-нибудь к нему приближался, «вахтенный» на стуле шептал: «Ссссс...», и все мы устремлялись на четвереньках в свое убежище. Деревянные доски пола начинали скрипеть под нами, и мы замедляли темпы бегства, чтобы уменьшить это скрип.

Мало того, что Анеля получала от нас деньги и продукты, она еще загружала нас домашней работой. Мама обшивала ее и Крисию. Я убирала в доме и варила еду для свиней. Кроме этого я занималась с Крисей, помогая ей делать уроки. Она не очень хорошо схватывала, а я знала весь материал на аттестат зрелости еще со времени занятий в комплете Варшавского гетто. Несмотря на усталость, холод и голод, я по многу раз объясняла ей одни и те же вещи.

Однажды Анеля принесла в дом маленького хорошенького щеночка. Поскольку она вообще была не добрым человеком, то и с собачкой тоже обращалась плохо - била ее, издевалась над ней. Бедняжка очень быстро обнаружила, что мы ее любим и жалеем, и сильно к нам привязалась, особенно, к Фишеле, с которым у нее были самые близкие отношения. И хотя она

была всего лишь простой беспородной дворняжкой, в наших глазах она выглядела королевой красоты. Единственным объективным достоинством, которым она обладала, был ее великолепный, пушистый, как у лисички, хвост, которым она все время помахивала, как будто действительно им гордилась.

Анеля ее не кормила, а поскольку мы сами жили впроголодь, то нам нечем было с ней поделиться. Но вскоре к своей великой радости мы обнаружили, что ее любимым лакомством являются мухи, а этот продукт в доме у Анели водился в изобилии. За это мы прозвали собачку Мушкой. Фишеле кормил ее мухами и все были довольны.

Эта собака приносила нам много радости: ее можно было кормить и ласкать, с ней можно было играть и веселиться, вопреки тем невообразимым тяготам и лишениям, которые стали рутиной нашей жизни.

Крися училась в школе, Анеля богатела, но при этом не забывала все время напоминать нам о том, каким бременем является для нее наше пребывание в ее доме, и как она хочет, чтобы мы куда-нибудь от нее ушли. Однажды она сказала, что слишком мало зарабатывает, поэтому я должна заняться вязанием. Меня немного научили этому тетя Ханеля и бабушка, но я была еще не большая мастерица. Я попросила Анелю, чтобы она принесла мне спицы и стала потихоньку осваивать искусство вязания. Для начала я распустила свои шерстяные носки, после чего Анеля дала мне крестьянские домотканые вещи местного производства, которые я распустила, получив таким образом много материала для работы. Периодически я красила шерсть в специальной кастрюле, которую мне принесла Анеля. Бывшие в употреблении нитки я распрямляла на пару, наматывала на кресло и вязала из них различные вещи, стараясь сделать это как можно лучше. Со временем я приобрела опыт и стала искусной вязальщицей.

- У тебя есть два дня, чтобы закончить этот шарф, джемпер или рукавицы, - сообщала мне Анеля, собиравшая заказы у местных крестьян.

Чтобы уложиться в ее график, мне приходилось вязать без перерыва, даже в темноте, или при слабом свете свечи, сведенными от холода пальцами. Я изо всех сил пыталась угодить хозяйке, боясь, что она выгонит нас из своего дома.

Крися тоже пользовалась нашим бедственным положением, чтобы насладиться своей властью над нами.

- Если ты угадаешь, в какой руке у меня картошка, ты ее получишь! - говорила она с издевательским огоньком в глазах.

И прятала руки за спиной, а я должна была угадать, в какой руке у нее картошка - в левой или в правой. У меня текли слюнки от одной только мысли о целой картофелине, которую я смогу съесть одна. Иногда мне удавалось догадаться, иногда нет. Потом я стала включать в эту игру Фишеле. Каждый из нас называл другую руку, мы получали картофелину и делили ее между собой.

Потеряв голову от свалившегося на нее богатства, Анеля изменила своим правилам и позабыла об осторожности, чем вызвала подозрения у соседей. Поползли слухи, что она, вероятно, прячет в своем доме евреев.

- Откуда у простой уборщицы из городской управы может взяться столько денег? - нашептывали сплетники.

Люди начали ходить мимо ее дома и заглядывать в окна. Наше напряжение росло. У себя на заднем дворе Анеля выращивала на продажу роскошные тюльпаны. Однажды утром нас разбудил оглушительный вопль:

- Тюльпаны! Мои тюльпаны! Я же их вырастила! Кто-то украл у меня сорок тюльпанов!

Анеля подозревала в этом одного парня, который несколько дней назад крутился возле ее дома.

За полями пшеницы находился лес «Звезинец», в котором водились лисы, олени и волки. Горя возмущением, Анеля направилась к своим родственникам, которые жили довольно далеко за полем. И у них на столе она неожиданно обнаружила кувшин, в котором стояло сорок великолепных голубых тюльпанов.

- Кто принес вам эти цветы? - гневно спросила она. Лицо ее пылало.
- Ухажер нашей дочки, - ответили они.
- Он украл их с моего двора! Вы хотите, чтобы ваша дочь вышла замуж за вора?

И родители решили отменить назначенную на ближайшее время помолвку.

Этот ухажер занимался не только воровством. Мы несколько раз видели его под нашими окнами и подозревали, что он нас выслеживает. Однажды, когда Анеля работала в саду, он грубо ей крикнул:

- Дай мне тысячу злотых, иначе я донесу, что ты прячешь у себя евреев.
 - Что ты городишь? Убирайся вон! - пыталась она его выгнать. Но парень не унимался.
 - Ты мне должна за то, что разбила мою жизнь! Из-за тебя я не могу жениться на любимой девушке, ее родители мне отказали!
 - Дайте ему тысячу злотых, пусть он только уйдет, - сказала мама Анеле.
- С тех пор мы прозвали его «Тишус» - «Тысяча».

Время от времени он еще приходил что-то разносить, но потом нашел себе другую девушку и оставил нас в покое.

К нашей великой радости периодически появлялся профессор Скрипчак, чтобы напомнить Анеле, какое важное задание она выполняет. Каждое такое посещение было для нее великим праздником, которого она ожидала с неизменным волнением.

Люди привыкают даже к самым тяжелым обстоятельствам и они становятся для них рутиной. Нашим утешением была Мушка, которой удалось завоевать наше сердце. Анелю она боялась, а нас любила. Своей верностью Мушка не раз спасала нам жизнь. Казалось, что благодаря своему обостренному чутью, она понимала, что нам постоянно угрожает смертельная опасность, и когда ее впускали в дом, вела себя очень тихо, никогда не прыгала на нас, как будто бы знала, что нельзя обнаруживать наше присутствие.

В некоторых случаях она хватала нас за одежду и тянула в укрытие, давая понять, что кто-то приближается к дому. Она никогда не ошибалась. Когда мы на четвереньках спешили к своему убежищу, Мушка, вскочив на стул, у которого одна ножка была короче остальных, начинала звонко лаять и раскачивать стул, чтобы заглушить скрип деревянных досок пола. Мы с братом думали, что она просто случайно выбрала этот «шумный» стул. Чтобы проверить это, мы вместо колченого стула поставили обычный, с четырьмя одинаковыми ножками. Собака, прибежав с улицы в дом, прыгнула на стул, но поскольку он не создавал обычного шума, она стала прыгать по очереди на остальные стулья, пока не нашла наконец колченогий. Она громко залаяла от радости, принялась махать своим великолепным хвостом, и заставила нас поставить стул на место.

Мы с мамой по очереди выходили в город - принести денег или каких-то товаров из магазина Ковальчика, получить продовольственные карточки у Пижака или продукты в мясной лавке, а временами нам приходилось отправляться на поиски другого убежища. Мама одевалась, как старая полька, и поэтому много принести не могла, зато для меня тяжелая ноша являлось как бы частью деревенского костюма. Папа и Фишеле, обладавшие ярко выраженной семитской внешностью, никогда никуда не выходили. И хотя у папы была большая меховая шапка, закрывавшая ему чуть ли не все лицо, он все же был слишком известным в городе человеком, поэтому мы боялись, что его могут узнать.

Однажды, идя по улице, как всегда, одетая крестьянкой, я вдруг столкнулась с работником железной дороги Лункевичем, который в прошлом часто приходил к нам домой за лотерейными билетами. Он внимательно на меня посмотрел, перекрестился и сказал:

- Если бы я точно не знал, что этого быть не может, я бы подумал, что передо мной Ядвига Кучинска. Ты так на нее похожа...

На хорошо усвоенном мной деревенском диалекте, я ответила ему

- Кто она такая?

Я изменила не только акцент и стиль своей речи, я изменила также свой голос:

- Иди-ка ты подальше отсюда! Понял? Чего ты ко мне пристал?

Он снова перекрестился и пробормотал:

- До чего же ты на нее похожа...

Эта встреча показала мне, что одного деревенского костюма недостаточно. Я покрасила волосы, превратившись в блондинку, научилась накладывать грим, как это делали польские крестьянки: сильно румянить щеки и красить губы яркой помадой. Таким образом мне удалось немного изменить свою внешность.

Чтобы проверить, насколько «работает» мой улучшенный имидж, я купила у Анели пять яиц, положила их в корзинку вместе с пустой бутылкой для керосина и отправилась на главную улицу. Недалеко от костела находился магазин деликатесов, который держала семья Биндер - дальние родственники принимавшей меня акушерки. До войны у них был поставщик-еврей, по фамилии Шарковяк, который привозил им свежие фрукты, варенья и деликатесы. Нам он доставлял эти продукты напрямую, но тем не менее мне иногда случалось заглядывать и к Биндеру, так что он меня знал.

С опаской я вошла в магазин и обратилась к нему:

- Может, вы купите у меня яйца?

Он ответил мне с вежливостью, необычной при разговоре с простой крестьянкой:

- Я не торгую яйцами. А дома у меня яиц достаточно.

Я поблагодарила его и вышла.

Время от времени я убеждалась в эффективности этого маскарада, и сама удивлялась своим способностям к перевоплощению. Однажды, когда я направлялась к Ковальчику за деньгами и продуктами, меня остановила польская крестьянка лет тридцати на вид. Мне самой было тогда семнадцать.

- Ты такая молоденькая, - сказала она мне. - Беги отсюда скорее. Они ищут молодежь, чтобы отправить на принудительные работы.

Ей и в голову не могло прийти, что я еврейка. Но прежде чем она окончила говорить, я увидела на дороге трех злобных самодовольных эсэсовцев в сопровождении холеной, вышколенной немецкой овчарки. Среднего в этой троице, рыжего, как его собака, я сразу узнала, потому что до войны он часто приходил к нам домой покупать лотерейные билеты. Тогда он служил в Польской армии, а во время оккупации обнаружилось, что он фольксдойч. Все знали, какой он мерзкий отвратительный тип. Он хвастался, что полирует свои сапоги ударами по евреям. И поляки тоже немало страдали от его жестокости. За тремя нацистами шли, спотыкаясь, несколько связанных молодых поляков, которых схватили для того, чтобы отправить на принудительные работы в Германию.

Несмотря на то, что у меня не было никаких документов, я решила не бежать, потому что убегает тот, кто боится. А я не хотела, чтобы они догадались, что мне есть, чего бояться. Женщина, предупредившая меня об опасности, начала отступать назад, а я, наоборот, продолжала спокойно и уверенно двигаться в направлении эсэсовцев, глядя им прямо в глаза. Пытаясь изо всех сил изобразить спокойствие и уверенность, я настолько на этом сосредоточилась, что не заметила, как оказалась во дворе костела, возле колодца, из которого горожане брали воду. Стояла суровая зима. Вода замерзла и возле колодца образовался ледяной накат. Я шла, расправив плечи и не глядя под ноги, поэтому поскользнулась и упала.

И прежде чем я успела прийти в себя и встать на ноги, ко мне подошел рыжий нацист со своей собакой. Он помог мне подняться, стряхнул снег с моей одежды и процедил сквозь зубы:

- «Полнише швайн» («польская свинья»), убирайся отсюда вон!

Я невозмутимо продолжила свой путь, делая вид, будто не произошло ничего особенного. Краем глаза я видела, как он схватил предупредившую меня крестьянку и потащил ее в строй.

- Что вы делаете? Отпустите меня! Ведь я же не молодая! - кричала она.

- Отправляйся к этим свиньям! - грубо рявкнул он.

В пятидесяти метрах от этого места находился магазин Ковальчика. Я вошла с заднего хода.

Вероятно, я была белой, как мел, потому что Ковальчик, обернувшись ко мне, испуганно спросил:

- Что с тобой случилось? Ты упала? Ударилась?

- Да-да, - пробормотала я, заикаясь, и показала ему свои коленки.

Он завел меня в теплую кухню и осторожно наложил компрессы на мои ссадины.

«Если бы вы знали, кого я сейчас встретила, - думала я про себя, - вы волновались бы еще больше. Ведь он видел, как я входила в ваш магазин».

Но я ничего не сказала, лишь слабым голосом поблагодарила его. Тепло кухни вернуло цвет моим щекам, дыхание вскоре нормализовалось.

Перед тем как я отправилась «домой» к Анеле, Ковальчик вручил мне сверток с золотом, кусок смальца и шоколадку, о которой просил Фишеле. Все это добро я уложила в широкий полотняный пояс, который носила под просторным платьем.

Недалеко от дома моего детства, напротив базарной площади находился пассаж, ведущий на свиной рынок. Двигаясь по площади, я вдруг почувствовала, что кто-то следует за мной по пятам. Поэтому я решила не идти к Анеле и свернула в пассаж. Незнакомый продолжал следовать за мной. На другой стороне пассажа стояли длинные двухэтажные дома, в каждом из которых было несколько входов. Я вошла в один из них и посмотрела в щелку - проверить, действительно ли за мной кто-то следит, и увидела человека, затаившегося снаружи.

Каждая клеточка моего тела дрожала от страха, однако через несколько секунд во мне проснулась «актриса». На мне был доломан с подкладкой в цветочек. Я вывернула его наизнанку, повязала головной платок, как это делают старухи, закрыв им половину лица, и тяжелой хромающей походкой медленно вышла из дома.

Проходя мимо своего преследователя, я заметила, что он продолжает стоять, затаившись, как хищник в засаде. Лишь выйдя из поля его зрения, я ускорила шаги чуть ли не до бега. Родителям я, естественно, не сказала об этом ни слова, чтобы они не боялись посылать меня в город. Ведь так или иначе смертельная опасность подстерегала нас каждую минуту и на каждом углу.

Когда через несколько дней после этого случая я снова явилась к Ковальчику, он мне сказал:

- Ты знаешь, в прошлый раз после того, как ты ушла, в магазине появился парень, который сказал мне: «Пан Ковальчик, вы не поверите, кого я видел!». «Кого?». «Ядвигу Кучинску! Представляете?». Я чуть было не потерял сознание, но ответил ему: «Что ты! Откуда вдруг возьмется Кучинска? Их всех уже давно забрали. Ты бы лучше не пил с утра. А то у тебя совсем в голове помутилось. Ведь в нашем городе не осталось ни одного еврея». А он мне ответил: «Чтобы я да не узнал Ядзю? Ведь мы же с ней сидели за одной партией!»

И тут я поняла, кто меня преследовал. Это был Тадеуш Звишковски. В школе мы действительно сидели за одной партией, и я постоянно помогала ему в учебе, потому что соображал он плохо.

«Ну а если бы ты на самом деле ее встретил, - спросил его Ковальчик, - что бы ты сделал?» «Я бы выдал ее немцам», - ответил тот без колебаний.

- Я не понимал, что делать, - говорил мне Ковальчик. - Ведь родители этого парня были подпольщиками, немцы схватил их и отправили в концлагерь. Он остался совсем один, и я помогал ему, заботился о нем, как о собственном сыне.

- И что вы ему сказали? - спросила я, боясь услышать ответ.

- Я боялся, как бы он не обнаружил ваше убежище и поэтому выгнал его вон. «Уходи отсюда, - сказал я ему, - и чтобы духа твоего здесь больше не было! Я помогал тебе, жалел тебя за то, что сделали с тобой немцы, а ты, оказывается, с ними заодно? Как это можно - выдать им человека, пускай даже еврея!»

После войны я однажды встретила этого Звишковского. Я легко его узнала и напомнила ему о том, как он следил за мной и собирался выдать немцам за кило муки или сахара.

- Но ведь говорили, будто всех вас уничтожили, - злобно ответил он. - И вот все время откуда-то появляются новые и новые евреи. Я вижу, вас еще много осталось...

Пятнадцать евреев уцелели за время войны из тех пяти тысяч, которые жили в нашем городе и так много сделали для его процветания.

Время от времени профессор предупреждал нас о готовящихся облавах. Эти сведения он получал от других подпольщиков. И тогда нам снова приходилось выходить в город в поисках нового укрытия. Несмотря на то, что в свое время мэр Скерневича обещал оказать нам помощь, у нас не было того, в чем мы так отчаянно нуждались. Бесконечные поиски убежища были тяжелыми и изнурительными.

В своей деревенской одежде я выходила, в основном, по базарным дням, в понедельник и в четверг, когда в город съезжались торговать толпы крестьян, и мой вид ни у кого не вызывал подозрений. Я старалась также выходить в дождливые дни, а если шел снег, так это было еще лучше, потому что за завесой снега трудно разглядеть лицо. Мои актерские способности сослужили мне добрую службу. Иногда я изображала хромоту и повязывала платок постарушечьи, чтобы никто не обратил внимание на то, что одна и та же девушка постоянно заходит к Ковальчику. Мне нравилось наблюдать, что мои переодевания воспринимаются окружающими совершенно естественно и не вызывают никаких подозрений. Иногда я приходила к тем людям, которые в прошлом меня знали, и предлагала им купить у меня яиц или масла.

Однажды ко мне обратилась моя одноклассница. Сердце во мне замерло, но я продолжала бойко разыгрывать роль.

- Ядвига! Я глазам своим не верю! - воскликнула она. - Что с тобой случилось? Как ты странно выглядишь!

- Что вам от меня нужно? - буркнула я. - Какая еще Ядвига? Я не Ядвига, я Стефания. Может, хотите купить у меня масла?

- Езус Мария! Кто бы мог подумать? Так похожа на Ядвигу, - пробормотала она, обращаясь к себе самой. И спросила меня: - У тебя есть масло?

- Пани, масло у меня только что закончилось. Может, я принесу его к вам завтра домой?

Моя одноклассница быстро написала мне на бумажке адрес и поспешила на рынок по своим делам. После этого мне понадобилось еще некоторое время, чтобы восстановить дыхание, и я благословила свою удачу.

- Вы должны исчезнуть на несколько дней. Ходят слухи, что здесь прячутся евреи. Ваша жизнь и жизнь Анели находится в опасности, - предупредили нас однажды.

Снова прятаться в яме под свинарником? Мы старались найти другое место.

Наш мудрый профессор обратился в полицию:

- Сколько можно питаться слухами и подозрениями? Пойдите и проверьте сами. Дайте, в конце концов, этой простой женщине вздохнуть свободно. Ищите. Но вы ничего там не найдете. Люди зря болтают...

Мы спустились в яму под свинарником и провели там около недели. Свиные нечистоты капали нам на голову. В один из дней, о котором нас оповестили заранее, профессор привел в дом полицейских, среди которых были подпольщики. Они обыскали дом и ничего не нашли. Но для большей безопасности мы еще два дня оставались в свинарнике. Не могу сказать, что было для нас более мучительным: страх или зловоние, исходившее от свиней. Только общими усилиями, постоянно поддерживая друг друга мы, как семья, смогли это выдержать.

В то время Фишеле заболел скарлатиной. Он пылал в жару и мы боялись за его жизнь.

Родители были совершенно растеряны. В конце концов, пытаясь спасти жизнь своему ребенку, мама решила пойти на риск.

На той же улице Циха в четвертом номере жила семья Биндер. Пани Биндер была акушеркой, которая помогала маме при родах, а ее муж служил казначеем в городской управе и

прекрасно знал всех нас. Выйдя из ямы под свинарником, имея соответствующий вид и запах, мама столкнулась с Зигмундом Биндером.

- Неужели это вы? Я глазам своим не верю! Пани Кучинска? - удивленно воскликнул он.

Мама онемела от испуга. И прежде чем она успела ему что-либо ответить, он буквально засыпал ее вопросами:

- Где вы живете? Куда вы пропали? Что с вами случилось?

Несмотря на страшную опасность, мама ответила:

- Я пришла к вашей матери просить о помощи для моего больного ребенка.

- Я поговорю с ней. Приходите завтра в это же время, - прошептал Зигмунд и поспешно удалился.

Наученная горьким опытом, мама никогда не приходила в назначенное ей время, чтобы не попасть, как это уже не раз бывало, в западню. Но ради спасения жизни любимого сына она решила пойти на риск. Зигмунд ее не обманул.

- Приходите к нам все вместе послезавтра, потому что нам нужно подготовить дом, - уверенно сказал он.

Для нас это было огромной неожиданностью.

Семья Биндеров была зажиточной. Им принадлежал прекрасный двухэтажный дом. Большую комнату на втором этаже занимала их бабушка. Биндеры отправили свою прислугу на две недели в отпуск, и мы перебрались к ним. Пани Биндер задавала в доме тон, и все члены семьи относились к нам по-человечески. Они давали нам возможность помыться, согревали нам постели и даже достали праздничные столовые приборы.

Когда Фишеле немного окреп, мы, к сожалению, вынуждены были вернуться к Анеле. В семье Биндер росла годовалая малышка Аня. Скарлатина в сочетании с евреями являлась для них слишком большой опасностью.

После войны мы привезли пани Биндер в Израиль и позаботились о присвоении ей звания праведницы народов мира. Мы посадили дерево в ее честь и в честь ее мужа (который к тому времени уже умер и не мог это видеть).

После войны у четы Биндер родилось еще два сына. Один из них, Роман, инженер по специальности, 17 лет назад, когда Польша переживала период экономических трудностей, попросил нас помочь ему найти работу в Израиле. Мы ходатайствовали о его иммиграции и сейчас он живет в Иерусалиме. Разведясь со своей польской женой, он женился на еврейке, израильтянке, и до сегодняшнего дня работает на одном из заводов Мертвого моря. Роман является членом нашей семьи, мы приглашаем его к нам на все праздники.

Несколько дней спустя после нашего возвращения к Анеле я решила найти дедушкиного друга ксендза в надежде, что он сумеет нас спасти.

Я пришла в костел с корзинкой яиц в руках. Никогда в своей жизни я еще не бывала в костеле. Увидев, что все входящие опускаются на колени, я остановилась в растерянности. Но тут какая-то женщина грубо меня окликнула:

- Эй! Куда это ты со своей корзинкой! А ну-ка поставь ее там, где все люди ставят!

Я небрежно ответила:

- Ой, забыла!

Опустившись на колени, как и все остальные, я стала краем глаза стала наблюдать за тем, что они делают, и повторять их движения.

Я ждала, когда мой дядюшка-ксендз выйдет читать проповедь, однако вместо него появился какой-то молодой священник. Наш старый друг-ксендз возглавлял местную церковную иерархию и, как видно, в тот день его в костеле не было. Я оставалась там до конца службы, вела себя точно так же, как остальные прихожане, и вместе с ними вышла на улицу. Мне не у кого было спросить, где найти моего дядюшку-ксендза.

У Анели. Продолжение

Анеля имела слабость к мужчинам. Она часто приводила их домой и пила с ними водку. Уходили они от нее поздно ночью, невзирая на комендантский час. В то время как Анеля выпроваживала своего очередного ухажера, собачка показывала нам, что территория еще занята. Сидя у двери кладовой, она угрожающе рычала.

Мушка очень не любила, когда мы прятались на чердаке, и если у Анели были поздние гости, она донимала их, вынуждая уйти: таскала зубами за брюки, громко лаяла и т. п. Иногда в ответ пьяные гости кричали на нее и даже били, но через какое-то время им это надоедало и они уходили восвояси. Убедившись, что территория свободна, Мушка своими белыми лапками показывала нам: «спускайтесь!» и, виляя хвостиком, приглашала с ней поиграть.

Однажды в гости к Анеле явился ее брат, простой крестьянин. На нем был костюм, в котором он ходил в костел: пиджак и галстук. Обычно, когда в дом приходили чужие, Мушка на них не лаяла, только предупреждала нас об их приближении. Но Анелиного брата она почему-то встретила громким лаем.

- А-ну цыц, собака! - крикнула Анеля и стукнула ее. - Заходи, брат, не бойся.

Выпив и расслабившись, он попросил сестру, чтобы та показала ему свои припасы: достаточно ли она заготовила на зиму муки и колбас. Затем он встал и направился в сторону кладовой. Увидев это, Мушка смело бросилась на него, расцарапала ему лицо и порвала галстук. Брат завопил на сестру:

- Что это такое? Я же твой родственник, выгони вон эту ненормальную псину. Ты видишь? Она порвала мой единственный галстук! В чем дело? Что ты там прячешь у себя в кладовке? Почему она так себя ведет?

Анеля боялась, как бы ее брат не вошел в кладовую и не обнаружил нас. Ведь укрытие евреев считалось тягчайшим преступлением и каралось смертью. А случаи предательства в семьях были тогда нередким явлением. Анеля понимала, что ей грозит серьезная опасность.

- Да оставь ты ее! Пойдем-ка лучше выпьем еще чего-нибудь, - пыталась она успокоить брата. - Ну что ты хочешь от собаки? Там ее любимая колбаса, вот она и сторожит свое добро.

Не успели мы прийти в себя после неожиданного визита ее брата, как Анеля дала нам новый повод для тревоги.

- Завтра к нам в гости придет Кацале, сосед из двенадцатого номера, - сообщила она.

- Как вы могли рассказать ему, что мы здесь прячемся? Зачем вы подвергаете нас такой опасности? - восклицали мы.

- Он хороший человек, - успокоила она нас. - Можете быть уверены, он никому не принесет вреда. Знаете, как он обрадовался, когда узнал, что вы живы!

Пан Кацале был по профессии плотник и когда-то работал у моего дедушки - ремонтировал дом, в котором я родилась. В нашем доме было три подъезда и также проход на параллельную улицу. В нем проживало пятнадцать семей. Одна сторона дома была полностью деревянной, а другая - кирпичной.

Когда Кацале пришел к Анеле, наша маленькая Мушка, вопреки обыкновению, не предупредила нас об опасности, как будто почувствовала, что он - добрый человек. Увидев его, она запрыгала от радости. Он сел и со слезами на глазах произнес:

- Как я рад, что вы живы! Скажите, чем я могу вам помочь?

Затем, обратившись к смущенной и растерянной Анеле, сказал:

- Ты хотя бы знаешь, что это за люди? Что сделал для меня их дедушка? Как он мне помог!

Кацале глубоко вздохнул и посмотрел на меня:

- Зимой у нас, плотников, обычно нет заказов. Так твой дедушка буквально из-под земли доставал для меня работу, чтобы я не остался без денег. Я колол дрова, занимался ремонтом,

домашним хозяйством, делал все, что он мне поручал. Если бы той зимой он не дал мне работу, я бы точно умер с голоду.

Мы вспоминали, какие обеды готовила моя бабушка, и как он в кастрюле носил ее стряпню своей жене и дочкам.

- Если бы бабушка осталась жива, я был бы все сделал, чтобы ее спасти. Мы обязаны помочь этой семье всем, чем только можно.

С того времени Кацале стал регулярно нас навещать.

Мы радовались тому, что нашелся человек, который вспоминает нас добром и хочет помочь.

У Кацале была жена и две дочери: Ярка и Зося, ровесница Криси. Девочки стали приходить к ней играть, они как-будто приносили в наше убежище кусочек большого мира. Мы с мамой иногда выходили на улицу, а папа с Фишеле не выходили вообще, для них эти девочки являлись единственной связью с внешним миром.

Кацале много раз говорил о том, что хочет нам помочь, поэтому однажды мы сказали ему:

- Может быть, можно придумать для нас убежище, более удобное, чем свинарник?

- Дайте мне несколько дней, - ответил он.

И действительно, через несколько дней у него созрела идея:

- Значит так. Отодвиньте большой стол в прихожей. Ночью мы вынем несколько досок из пола, соединим их между собой, а внизу выроем убежище.

Мы сообща принялись за дело. Поскольку Кацале жил по соседству, он, несмотря на комендантский час, мог возвращаться домой довольно поздно. Ночами мы все дружно копали, тайно вытаскивая ведрами песок.

Мушка была счастлива. Возбужденная, она бегала между нами, прыгала, пытаясь ухватить зубами каждое ведро, которое мы поднимали из ямы. Наконец после долгих ночей напряженной работы новое укрытие было готово. Больше всего оно напоминало общую могилу для четырех человек.

Кацале накрыл яму крышкой из соединенных между собой досок. Через узенькую щель в полу мы могли дышать. Поскольку у Анели не было ковра, мы накрывали крышку лошадиной попой, напоминавшей по виду коврик. Анеля, обладавшая физической силой четырех мужчин, могла в одиночку поставить тяжелый стол на место.

Новое убежище давало нам ощущение большей безопасности. Наша жизнь, тяжелая и страшная, начинала входить в какие-то рамки.

Тем временем окончилась зима и наступила весна 1943 года. В мае расцвела сирень. Я попросила, чтобы Анеля дала мне понюхать несколько гроздьев с куста, который рос в ее саду, потому что сирень всегда напоминала мне о Монике. Я долго держала у себя эти ветки, мечтая и думая о нем. Как сложилась его судьба? Тоскует ли он обо мне так же сильно, как я о нем?

Итак, миновала зима и вместе с нею холода, но голод по-прежнему оставался нашим постоянным спутником. А голодный человек любыми способами пытается раздобыть еду. Из окна мы могли видеть пшеничное поле перед жатвой, колосья, полные спелых зерен. Мы мечтали о каше или супе, а пшеничное поле было настолько близко - протяни руку и достанешь. Но если бы нас на этом поймали, то расстреляли бы на месте за хищение хлеба. Однако мы все же потихоньку срывали колоски, ранив себе руки. Мама или я время от времени приносили домой небольшие букеты из колосьев, вынимали из них зерна и варили, как крупу. Если удавалось добавить в это варево лука или смальца, то для нас это было настоящим лакомством.

Смалец нам иногда давал Ковальчик, а иногда Мариша, мамина подруга, владелица мясной лавки. У нас не было польских денег, только золото, которым мы не могли расплачиваться с Маришей, чтобы не вызвать подозрений.

Однажды, увидев маму, Мариша сто раз перекрестилась и прошептала:

- Езус Святый! Пожалуйста, не приходи сюда больше. По городу ходят слухи, что вы живы. Ты подвергаешь опасности меня и мою семью.

Расстроенная, с пылающими щеками мама рассказала нам об этих тревожных новостях. Всю ночь мы ворочались с боку на бок и от страха не могли уснуть. Мы ощущали, будто у нас на шее затягивается петля.

На следующее утро мама, набравшись смелости, снова пришла в мясную лавку и сказала своей подруге:

- Мариша! У меня к тебе последняя просьба. Пожалуйста, распусти слух, будто кто-то на нас донес и прошлой ночью нас убили.

После этого в городе стали говорить о нашей гибели. Когда я в следующий раз явилась к Ковальчику, тот перекрестился и вздохнул с облегчением:

- Святой Езус! А я слышал, что вас убили, но вот ты здесь, живая и здоровая...

Снова пришел профессор Скрипчак и сказал:

- Будет лучше, если вы переберетесь на пару недель в другое место. Снова поползли слухи, будто здесь прячут евреев. Я не могу вам предложить свой дом, потому что оба моих сына больны туберкулезом, и если вы от них заразитесь, мы не сумеем оказать вам медицинскую помощь.

Оба его красавца-сына умерли вскоре после этого разговора, а в конце войны умерла от туберкулеза и его дочь.

- Я предлагаю вам обратиться к пану Зебко (он не знал, что мы уже у него прятались). Я поговорю с ним, возможно, он вас примет.

Через несколько дней профессор вернулся с ответом:

- У него есть место, но только для троих.

Я сглотнула слюну от страха и обиды. Значит, мне придется искать для себя отдельное укрытие. И тут снова мне пришла в голову мысль обратиться к дяде-ксендзу.

Естественно, что дом, в котором жили духовные лица, располагался недалеко от костела. Я понятия не имела о том, как следует себя вести в подобном месте и что говорить. У меня не было никакого опыта. Но одно было ясно: если я просто скажу: «Доброе утро», то во мне сразу же узнают чужую.

Я подошла к этому дому в большом страхе и стала в сторонке, ожидая, когда кто-нибудь туда войдет, и я научусь у него, как себя вести. Через некоторое время появилась какая-то пани и, перекрестившись, сказала:

- Да будет благословен святой Езус!

- Во веки веков, амен, - прозвучал ответ.

Я тоже подошла и постучала. Дверь открылась.

- Чего тебе? - грубо спросила привратница, увидев перед собой простую крестьянку.

- Да будет благословен святой Езус! - сказала я.

- Чего тебе надо?

- Мне к главному ксендзу, - прошептала я.

- Он никого не принимает. Он старый и больной человек, - сухо ответила она.

- Но я его родственница. Я пришла к нему из деревни, - пыталась я ее убедить. И тут меня вдруг осенило: - Скажите ему, что пришла Ядвига от мяча.

Привратница скрылась внутри дома, оставив меня на некоторое время в состоянии мучительного страха.

И тут я увидела своего дядюшку-ксендза. Он шел ко мне, выговаривая привратнице:

- Почему вы ее не пустили?

- Дядя! Господин ксендз! Она не поверила, что я ваша родственница, и не разрешила мне войти в дом, - жаловалась я ему.

Ксендз завел меня внутрь, обнял, приголубил, перекрестил, прослезился и благословил.

- Что у вас слышно? Как вы живете? - спрашивал он.

Я видела в его глазах искреннюю боль и страдание. Я рассказала ему о том, что все мы - родители, братик и я - находимся в городе, и что сейчас мне необходимо найти убежище на несколько недель.

- Сестра-хозяйка не позволит мне принять тебя здесь. Ты сама видишь, что это невозможно. Но есть другой выход. Отправляйся в деревню Бицки.

И он показал мне ее на карте.

- В первой избе справа живет Вячик. Тебе не нужно знать его фамилию. Обращайся к нему, и только к нему одному. Не разговаривай ни с его женой и ни к кем-либо другим. Скажи ему, причем, очень громко, так, чтобы все это слышали, что ты ищешь работу. А шопотом добавь, кто ты на самом деле и кто тебя прислал. Отвечай ему, что ты все умеешь делать.

Так я и поступила.

- Ты умеешь доить коров? - спросил Вячек. - Ухаживать за курами?

Я была городской избалованной девочкой, но отвечала уверенно, без тени сомнения, очень громким голосом, чтобы слышала его супруга:

- Конечно!

Так началась моя деревенская жизнь. У Вячика была конюшня с лошадьми и много скота. У него также был огород с петрушкой, редиской, картофелем, морковью и капустой. Я работала везде. Меня поселили на чердаке над амбаром, дали небольшое одеяло, и я чувствовала себя почти спокойно.

Крестьяне обычно встают в пять утра, чтобы подоить коров, но Вячик вставал в четыре, доил коров вместо меня, давал мне в руки тяжелые ведра, чтобы я отнесла их его жене, которая делала из молока масло, сметану и творог. Увидев полные ведра, она говорила мне :

- О, ты хорошая доярка, такой у меня еще не было...

Чтобы хозяйка меня не выгнала, я старалась ей угодить и помогала убирать в доме. Подметала полы соломенным веником, где-то посыпала их чистым песком, где-то драила щеткой. Это была не тяжелая работа и все относилось ко мне по-человечески. Я старалась изо всех сил и понемногу научилась крестьянской работе.

Однажды Вячик подошел ко мне и сказал:

- Возьми «близнецов» (двойной глиняный горшок), набери в них еды, сядь на лошадь и поезжай в поле к моим сыновьям. Скажи им, чтобы они повременили возвращаться домой: ожидается немецкая облава, снова будут искать молодежь для отправки на принудительные работы.

Поле находилось примерно на расстоянии километра от дома. Я была городской девочкой, никогда в жизни не ездила верхом и очень боялась обнаружить этот факт. Глубоко вздохнув, я уверенным шагом направилась в конюшню. Там стоял конь, большой и очень красивый. Ноздри его раздувались, он в нетерпении бил копытами.

- Что же делать? - думала я. - Как я смогу взобраться на эту страшную громадину? Как я смогу заставить его меня слушаться?

Одна пугающая мысль опережала в моей голове другую. Я подошла к коню, погладила его и прошептала сквозь слезы:

- Ты должен мне помочь.

Я рассказала ему обо всех моих невзгодах, поделилась всеми своими страхами, как будто передо мной был человек. Конь стоял неподвижно, словно статуя. Я попросила его:

- Пожалуйста, помоги мне. Моя жизнь в твоей власти. Отвези меня на пшеничное поле.

Он не двигался с места.

- Нужно сесть на него верхом, - подумала я.

Конь был очень высокий. Краем глаза я заметила несколько деревянных табуреток, на которых крестьяне обычно сидят во время дойки. Я взяла одну из них и поставила возле коня. Взобравшись на табуретку, я стала на цыпочки, но этого оказалось недостаточно. Тогда я поставила наверх еще одну табуретку и, поднатужившись, снова попыталась влезть на коня, однако эта попытка тоже оказалась безуспешной. И только с третьего раза мне удалось добиться цели. Сердце во мне бешено колотилось: одно резкое движение этого могучего животного, и я лечу на землю, ломая себе спину. Я изо всех сил старалась сохранять спокойствие. Крепко ухватившись за веревку, которой конь был привязан, я взяла висевший на стене серп и перерезала эту веревку. Приникнув к шее коня, придерживая зубами «близнецов», я ехала

верхом в направлении поля, беззвучно и отчаянно молясь о том, чтобы не свалиться на землю, и чтобы никто меня не увидел.

Когда я добралась до места, сыновья хозяина спросили:

- Что ты здесь делаешь?

- Ваш отец велел вам передать, чтобы вы еще несколько часов не возвращались на ферму, потому что сегодня там ждут немецкую облаву.

- Но зачем ты взяла этого коня? - парни дружно перекрестились. - Это же бешеная скотина, его невозможно обуздать. Он убил нашего брата. Ты не сумеешь с ним сладить, он убежит, отец разозлится и убьет тебя, а заодно и нас.

За эти годы люди не однажды меня разочаровывали, но животные ни разу не обманули моего доверия.

Конь спокойно остановился возле копны пшеницы, по которой я соскользнула на землю.

- Вот тебе ведро, дай ему пить, - сказали мне сыновья хозяина.

В то время как я поила коня водой, они продолжали мне рассказывать, насколько он опасен. А я шептала ему:

- Подожди меня, не уходи. Ты должен вернуть меня назад, ты ведь хороший конь.

В течение двух часов он терпеливо ждал, стоя на том же самом месте, как будто чувствовал, что я в беде, и он - моя единственная опора.

Когда сыновья решили, что опасность миновала, я взобралась на коня, снова прильнула к его шее и так доехала до конюшни. Услышав во дворе его ровную поступь и увидев меня, сидящую верхом, Вячик едва не лишился чувств. Он взмахнул рукой и воскликнул:

- Езус Мария! Зачем ты взяла эту дикую тварь? Посмотрим, сумеешь ли привязать его на конюшне.

Я спокойно спешила и привязала коня. Он вел себя кротко и послушно, как милый доверчивый щенок.

- Удивительно, как он позволил себя оседлать! Ты сумела его приручить и успокоить, - заключил потрясенный Вячик. Он привык к диким выходкам этого коня, который, к тому же, много раз пытался убежать из конюшни. Едва услышав голос Вячика, конь сразу начал бить копытами и рваться с привязи так, что едва не порвал веревку.

Я вежливо попросила Вячика выйти. Я снова ласково заговорила с конем и почувствовала, что его дыхание стало понемногу успокаиваться. Я дала ему кусочек сахара и он осторожно взял его губами с моей руки.

Я гладила коня, его ноздри раздувались, напряжение тела спадало. Но стоило лишь появиться Вячку, как конь опять начал буйствовать. Только со мной одной он был спокойным и послушным.

Много лет спустя один из моих друзей, специалист по психологии животных, объяснил мне, что лошади - чрезвычайно разумные существа, способные воспринимать глубокие человеческие переживания и понимать человеческое горе.

Время от времени связанные с подпольем полицейские предупреждали нас о том, что у Анели готовится новый обыск, а когда опасность оставалась позади, мы снова собирались в ее доме. Никто не встречал нас с такой радостью, как собачка Мушка. Она прыгала, облизывала нас, виляла хвостом и по-настоящему плакала. В ее голосе как будто слышался упрек:

- Ну как же вы могли уйти и оставить меня одну?

Мы тоже были несказанно рады ее видеть, гладить ее, играть с ней. За время нашего отсутствия она сильно похудела. Крися говорила, что Мушка так сильно о нас скучала, что отказывалась выходить играть во двор и ничего не хотела есть. Целыми днями она лежала у входа в укрытие и плакала, или сидела под стулом, который мы обычно использовали в качестве сторожевого поста, и скулила. Иногда она подбегала к лестнице-стремянке и, перебирая лапками, приглашала нас спуститься вниз поиграть с ней.

Даже после нашего возвращения она все еще отказывалась гулять на улице. Она выбегала лишь для того, чтобы справить нужду, и тут же возвращалась в дом. Временами она подходила к нам просто, чтобы убедиться в нашем присутствии, облизать нас, обнюхать, повилить своим красивым хвостом. Через неделю она успокоилась, начала нормально есть, соглашалась играть во дворе, но по-прежнему проверяла, на месте ли мы. Мушка была необыкновенная собака, она жертвовала ради нас своей жизнью.

Прошло несколько месяцев, в течение которых Мушка преданно несла свою караульную службу. Мы полагались на нее, как на тонкий прибор, способный уловить любую грозящую нам опасность и предупредить о ней. В один из субботних дней, когда Анеля вернулась с работы, вместе с ней в дом вбежала Мушка. С собакой явно творилось что-то неладное, она носилась, как одержимая. Такой мы никогда ее не видели. Снова и снова она хватала нас за рукава и тащила под стол в укрытие, лихорадочно «копая» лапками деревянный пол. Тогда мама, с ее обостренной чувствительностью, сказала:

- Если собака так настойчиво просит, значит, нужно прятаться.

Анеля сдвинула с места стол и доски пола, после чего мы вползли в яму и сжались внутри. Над нашими головами закрылась крышка и нас охватил страх. Опасность была настолько реальной, что мы просто ощущали ее физически - как запах или пары яда. Мы лежали, тесно прижавшись друг к другу, стараясь успокоить и сделать беззвучным свое дыхание, боясь, как бы снаружи не было слышно биения наших сердец. Из щелей между досками в яму едва проникал воздух. По лицу у меня струился холодный пот. Мы слышали, как Анеля ставит стол на место и придвигает стулья. Прошло довольно много времени и вдруг раздался стук в дверь. В дом вошли два эсэсовца с собакой-доберманом и грозно обратились к Анеле по-немецки:

- Где еврей?

Анеля сделала вид, будто не понимает, о чем ее спрашивают. Тогда они повторили свой вопрос по-польски. Анеля молчала. Возможно, она ответила им выражением лица или пожатием плеч. Мы не могли этого видеть. Мы только слышали, как скрипит пол под сапогами эсэсовцев, ходивших взад-вперед по комнате. Они обыскали весь дом и чердак. Пытаясь обнаружить хоть какие-нибудь следы нашего присутствия, они ломали и рвали вещи, били их и швыряли. К счастью, папа догадался взять с собой свой дневник. И хоть эсэсовцам ничего не удалось найти, их доберман, вероятно, учуял наш запах. Вначале он в беспокойстве бегал по дому, и наконец, остановившись прямо над нами, принялся старательно обнюхивать коврик. Мы ощущали, как дрожат его ноздри. Я затаила дыхание. И вдруг мы услышали голос Анели. Спокойным тоном, отлично скрывая свое напряжение, она произнесла:

- Ну надо же! Какой хороший нюх у вашей собаки! Несколько часов назад я уронила здесь кусок мяса. Вижу, ваша собака это учуяла.

Эсэсовцы прекратили поиски. Они сильно разозлились на своего пса, который вместо того, чтобы выполнять свои прямые обязанности, отвлекается на посторонние запахи. Они стали бить его, приговаривая:

- Ах ты, негодная тварь! Раньше ты умел находить нам евреев, а теперь тебя заботит только одно мясо!

Спасаясь от их тумачков, пес выбежал из дома. Вслед за ним вышли и те, кто хотел забрать у нас жизнь.

Через какое-то время, дрожащие от страха, мы поднялись из укрытия. Было совершенно непонятно, что случилось с нашей Мушкой. Почему за все это время она не издала ни звука. Ведь обычно собаки в тех случаях, когда кто-то вторгается на их территорию, бросаются ее защищать.

- Мушка опять спасла вам жизнь, - произнесла Анеля.

Оказалось, что на этот раз Анеля впопыхах криво положила коврик, и щель в полу, через которую проходил воздух, осталась открытой. Мушка это заметила, легла на пол и накрыла щель своим пушистым хвостом. За все это время она ни разу не шелохнулась.

Мы долго не могли успокоиться. Никогда еще смерть не подходила к нам так близко. Мушка тоже была не в себе. Сначала она, поджав хвост, направилась в свой угол, потом подошла к нам и, испуганно глядя на нас, принялась беспокойно облизывать и обнюхивать каждого, словно не могла поверить, что мы остались живы. Долгое время она не оставляла нас ни на минуту и при этом отказывалась есть. Мы делились с ней своей пищей, даже жевали ее для нее. С большим трудом нам удалось снова приучить ее к еде. Мы не могли позволить ей умереть. Ведь мы были обязаны ей жизнью.

Одной из домашних обязанностей, возложенных на меня Анелей, было приготовление пищи для ее свиней. В конце октября 1943 года температура на улице приближалась к нулю. Однажды, когда мы укладывались спать на холодном чердаке, Фишеле попросил чего-нибудь горячего. Я дождалась, пока Анеля уйдет из дому, взяла немного свиного варева и понесла ему на маленьком блюдечке. К несчастью, Анеля обнаружила это преступление и принялась на меня кричать:

- Ах ты воровка! Обкрадываешь моих свиней! Ты больше не будешь им готовить!

Вообще-то, я человек неверующий, но иногда мне кажется, что Бог на небе все-таки существует, и существует на свете справедливость, потому что этой самой ночью у Анели украли всех ее свиней и кур. Остался лишь один маленький утенок, который еще не умел кричать, он только пищал и ходил за Анелей по всему двору, как за родной матерью-уткой. Вскоре она превратила бедного утенка в «мальчика для порки», и вымещала на нем свою злость.

1943 год подошел к концу, но в нашем положении ничего не изменилось. Снова профессор сообщил нам о необходимости на какое-то помять убежище. В своем безвыходном положении мы обратились к Чиховскому, и он согласился спрятать нас у себя на несколько дней.

Одетая крестьянкой, я, словно голубь, выпущенный Ноем из ковчега, время от времени навещала Анеле, чтобы узнать, не миновала ли опасность. Однажды, когда я шла по улице с корзинкой в руках, мне пересекла дорогу моя одноклассница, которую я моментально узнала. Сердце у меня в груди бешено заколотилось: ведь лицо у меня было полностью открыто, только голова повязана платком. Неужели наступает развязка? Неужели все наши усилия окажутся тщетным, и это последние минуты моей жизни? Пока я пыталась разгадать, что готовит мне судьба, девушка воскликнула:

- Езус Мария! Если бы я не знала, что ее убили, я бы сказала, что ты Ядвига Кучинска! Видно, не зря говорят, что у каждого человека есть двойник!

Я подняла глаза, перевела дыхание, у меня было такое ощущение, будто мой пупок поднялся до кончика носа.

- О чем это вы, пани?

Я произнесла еще несколько слов с деревенским акцентом и добавила: «Я иду на рынок»

- А что у тебя в корзинке? Масло?

- Масло кончилось, пани, - ответила я.

- В следующий раз, когда придешь из деревни торговать, принеси мне хорошего масла по такому-то адресу.

Она, конечно, не догадывалась, что ее адрес мне был отлично известен.

- Хорошо, пани, - пробормотала я и продолжила свой путь к Анеле.

Я постучала в дверь условным стуком. Анеля сказала, что опасность миновала и мы можем возвращаться, однако приняла нас без особой теплоты.

- Хорошо, что вас здесь не было. По улице все время кто-то шатался, видимо, они возобновили слежку. Вы правильно сделали, что послушались профессора.

Мушка всегда чувствовала приближение недобрых событий и предостерегала нас за несколько часов. Она начинала облизывать нас и плакать. Не прошло и считанных недель со времени нашего возвращения, как появился профессор и сообщил, что нам снова нужно искать себе укрытие.

Все, к кому я обращалась, отвечали мне:

- Извини, но сейчас нельзя.

Еще один отказ, еще одна захлопнутая дверь, еще одно разочарование... Со своей миссией отчаяния и мольбы мы с мамой выходили в город по очереди - один раз она, другой раз я. В конце концов, как это уже не раз бывало, в последний момент судьба нам улыбнулась. На этот раз нас снова выручил Ганцнер, который сказал:

- Хотя сейчас и не так холодно, как было в прошлый раз, но, к сожалению, амбар - это единственное, что я могу вам предложить.

Выбирать было не из чего.

Снова Ганцнер приносил нам свиное варево. Снова мы не могли это есть и грызли замерзшую морковку, сбивая с нее заледеневшую грязь. Но на морковке долго не протянешь. Мы продолжали поиски. Опять мы с мамой выходили на хорошо знакомые тропинки, улицы и дороги, стараясь не приближаться к нашему дому.

- Куда идти? Кто согласится нас принять?

Я пришла в клинику доктора Лабенцкого на главной площади города. Его помощница открыла дверь и посмотрела на меня с большим сомнением: впустить в клинику простую крестьянку или прогнать ее?

- Ну что ты здесь стоишь? - обратился ко мне доктор, который сразу меня узнал, и после того как помощница вышла, прошептал: «Ядзя, я бы очень хотел принять вас у себя, но не могу. Приходи завтра или послезавтра, возможно, появится какая-то удачная идея».

И снова чудо - если кто-то верит в чудеса.

Я пришла к пани Громковой и умоляла ее спасти нам жизнь.

- Поселить вас в своей комнате я не могу, это может вызвать подозрения. К тому же из-за холода я взяла в дом козу. Одну-две ночи вы могли бы провести в моем в сарае. Там у меня уголь и бочка квашеной капусты, - ответила она с кислой миной.

Но лучшего предложения у нас не было.

Дверь сарая толком не запиралась. Посередине был лишь узкий участок глиняного пола, на который Громкова постелила для нас немного соломы. Мы сидели, крепко обнявшись - в равной мере из-за холода и тесноты. Места там было достаточно для двух человек, не более. Моя шерстяная крестьянская одежда согревала нас всех. Мы укрывались моей юбкой и доломаном и это давало нам немного тепла.

Каждый день Громкова открывала дверь сарая, приносила нам немного еды и ведро для отправления естественных нужд, которое выглядело, как ведро для угля - чтобы не вызывать подозрений у любопытных соседей. Она тайно опорожняла ведро и закрывала нас снова. В условиях, недостойных даже свиней, мы прожили целую неделю.

Выйдя из сарая, мы не могли стоять на ногах, и если бы кто-то нас увидел, то без сомнения, принял бы за пьяных. Мы передвигались, держась за стены, прежде чем снова научились ходить. К Анеле мы вернулись лишь после того как я побывала у нее и выяснила, что территория свободна и в ее доме нам ничего не грозит.

Несмотря на то, что жизнь у Анели была нелегкой, по сравнению с другими вариантами она выглядела раем.

В августе 1944 года началось Варшавское восстание⁸. В ответ нацисты беспощадно убивали поляков. Красная Армия уже стояла на восточном берегу Вислы, а немецкая - на западном. Война подходила к концу. Многие поляки, во время оккупации сотрудничавшие с немцами, теперь, боясь гнева своих братьев, либо поспешно отступали вместе с немецкой армией, либо присоединялись к толпам беженцев, устремившихся из Варшавы в разные мелкие города. Одним из таких предателей был польский полицаи по имени Тадеуш, которого Анеля привела к себе в дом. На вид ему было лет тридцать, его жена и дочь находились на

⁸ см. «Приложение», глава «Историческая справка»

освобожденной территории. Тадеушу понимал, что если он попадет в руки к полякам или русским, то ему не избежать тюрьмы или казни.

Анеле, грубой, мужеподобной женщине, с набухшими венами на ногах, было к тому времени лет пятьдесят с лишним. По-видимому, она влюбилась в этого полица и забыла обо всем на свете, в том числе, и о нас. Полицай спал на кухне, где находился наш «стул наблюдения». Наше положение катастрофически ухудшилось. Только в то время, когда он уходил на службу, мы могли спуститься из своего укрытия на чердаке, чтобы расправить кости.

Однажды, когда его не было дома, мама сказала:

- Пани Анеля, если вы не хотите, чтобы мы у вас оставались, скажите, и мы уйдем.

Было очевидно, что с одной стороны, Анеля мечтает от нас избавиться, но с другой стороны, ей совсем не хотелось терять поступлений золота. И ей пришла в голову идея:

- Послушайте, ведь панна Ядзя не похожа на еврейку. Я скажу Тадеушу, что она родственница моего мужа из Варшавы. Таким образом она сможет весь день находиться в доме, продолжать заниматься хозяйством, а ночью спать с вами на чердаке. Если Тадеуш спросит, куда она девается по вечерам, я скажу, что она ночует у других родственников.

Я поняла, что она боится, как бы ее возлюбленный не положил на меня глаз. Мне было 18-19 лет, я была в расцвете своей красоты. Поэтому я предложила:

- Скажите ему, что я замужем, что мой муж пропал без вести, и я разыскиваю его через агентство помощи беженцам.

Я придумала для себя новую фамилию - Кампинска. Это была фамилия сестры моей бабушки, я специально ее выбрала, чтобы случайно не забыть.

На следующее утро я, незаметно спустившись с чердака, начала разыгрывать спектакль. Тадеуш поверил моей истории.

- Твой муж обязательно найдется, - успокаивал он меня.

Однажды он вернулся с дежурства в приподнятом настроении, достал бутылку водки и сказал:

- Сегодня, Ядзя, у нас праздник.

- Что за праздник? - спросила я.

- Сегодня я убил еврейку, - с гордостью сказал он. - Она была такая красавица и так просила оставить ей жизнь! Но она еврейка и поэтому не имеет права жить. А теперь нужно пить и веселиться.

Я сглотнула слюну, мне хотелось куда-нибудь исчезнуть, но вместо этого я изобразила на лице улыбку и тихо ответила:

- Я бы охотно с вами выпила, но не могу. Я дала зарок, что не возьму в рот ни капли спиртного, пока не вернется мой муж.

Запах деликатесов, которые Анеля готовила для своего возлюбленного, достигал чердака, но нам, естественно, не доставалось ни крошки. Вернувшись со службы, он неизменно спрашивал:

- Где Ядзя? Куда она пошла?

Анеля всегда отвечала, что я в городе у своих родственников.

В течение нескольких недель Тадеуш приглашал меня куда-то с ним пойти, но мне удавалось отговориться разными причинами. Однажды он позвал меня отметить с ним праздник Задушки: в этот день поляки убирают на кладбищах и украшают могилы родственников. Я знала все городские кладбища и спросила его:

- На какое кладбище мы пойдем?

- На такое-то и такое-то, - ответил он.

- Отлично. Встретимся у северных ворот, - ответила я, но, естественно, приходиться и не думала.

Через несколько часов он вернулся сердитый:

- Где ты была? Я тебя ждал.

- Это я вас ждала, - уверенно ответила я.

- Мы же договорились встретиться у северных ворот.

- Ой! Выходит, я перепутала! Я-то думала, что у южных. Не дождалась вас и пошла убирать могилы, и вот видите, успела вернуться... Но ничего страшного. Встретимся в другой раз.

В другой раз он пригласил меня в костел. Я не могла идти с ним в своей деревенской одежде, поскольку он знал, что я не крестьянка. А без этого маскарада мне было опасно выходить на улицу. Анеля ежедневно посещала костел и я обязательно спрашивала у нее, о чем говорил ксендз, который дважды в день читал одну и ту же проповедь. Я постоянно говорила Тадеушу:

- Сегодня была необыкновенная проповедь, такой-то и такой ксендз - прекрасный проповедник.

- Но почему-то я не видел тебя в костеле, - сердился он.

- Ой, - отвечала я ему. - Наверно, мы разминулись. Я была там утром (или наоборот).

Однажды в сентябре 1944 года, когда Анеля была на работе, а я сидела дома и вязала, Тадеуш вернулся с дежурства и вдруг обратился ко мне:

- Панна Ядвига!

Сердце во мне замерло, но я ответила ему:

- Пан Тадеуш, я отношусь к вам с уважением и прошу, чтобы вы тоже меня уважали. Пожалуйста, обращайтесь ко мне, как положено обращаться к замужней женщине - «пани», а не «панна».

Я понимала, что произошло нечто из ряда вон выходящее. Сердце во мне бешено колотилось.

- Ладно, брось, - тихо произнес он, глядя мне прямо в глаза. - Я знаю, что ты еврейка, и что никакого мужа у тебя нет. И еще я знаю, что твои родители и брат прячутся на чердаке, а зовут тебя Ядвига Кучинска.

Я чувствовала, как подо мной разверзается земля и я проваливаюсь в бездну. Моя собственная жизнь и жизнь моих родных находились в руках человека, который всего лишь несколько недель назад хвалился тем, что убил еврейку. Но я, как ни в чем не бывало, продолжала разыгрывать спектакль:

- Кто вам сказал такую глупость?

- Анеля. Она во всем мне призналась. Я знаю, что у вас много золота. Анеля предложила мне, чтобы я вас убил, а она выкопает могилы в саду за домом. Мы заберем все ваше золото и будем жить припеваючи.

Мысли в моей голове опережали одна другую: «Находиться в доме у Анели больше нельзя, это слишком опасно. Она нас выдала. Нам грозит смерть. Необходимо бежать. Но куда?» Я не представляла, как спасти мою семью, но терять мне было нечего, и я сказала:

- Пан Тадеуш, у нас нет никакого золота. Все золото мы отдали Анеле. Но если вы мне пообещаете, что ничего ей не скажете, я вам открою тайну, откуда это золото взялось.

За окраиной города начинался лес, в котором скрывались партизаны. Тадеуш очень их боялся. Мы тоже их боялись, но вариантов у меня было ровно столько, сколько у человека, со всех сторон окруженного огнем, когда единственное, что ему остается - это прыгнуть через пропасть, рискуя туда свалиться. Я продолжила:

- Вы знаете, кто живет в ближайшем лесу?

Его глаза округлились:

- Какая связь может быть у евреев с партизанами? - спросил он.

- Дело в том, что нас поселили у Анели люди из Армии Крайовой.

Тадеуш нервно сглотнул. Я продолжала сочинять фантастическую историю:

- Анеля не знает, откуда у нас берутся деньги, но мы находимся под покровительством Армии Крайовой. Они обеспечивают нас продуктами, заботятся о нашей безопасности и снабжают деньгами. И если ты думаешь, что им неизвестно о том, что ты живешь в этом доме и

сотрудничаешь с немцами, то ты глубоко заблуждаешься. Учти: если с нами что-то случится, ты будешь первый, кто за это ответит. Так что не строй себе иллюзий.

Он побелел, как мел:

- Но я ведь не собираюсь вам делать ничего плохого, наоборот, я хочу вам помочь.

Сейчас он боялся меня и был в моих руках в такой же степени, как я в его.

- Понимаешь, я стала сомневаться, можно ли доверять Анеле, - продолжила я. - Поэтому мне нужно срочно пойти в лес и уведомить их, что нам необходимо переменить место. Я знаю, ты хороший человек и не сделаешь нам ничего плохого. Но если Анеля выдала нас тебе, то кто может поручиться, что она не выдаст нас другим?

Он был испуган и растерян.

- У меня возникла идея, - продолжила я. - Пока Анеля не вернулась домой, отведи нас в лес.

- Почему вдруг в лес? - он заикался от страха. - Мне нельзя в лес.

- Правильно. Если бы ты пошел туда один, это на самом деле было бы для тебя опасно, но ты ведь будешь с нами, а мы под защитой партизан.

Повторяю, мы сами боялись партизан, которые хоть и боролись с фашистами, но тем не менее ненавидели евреев. Мы боялись заходить в лес не в меньшей степени, чем он.

- Хорошо, тогда проводи нас как можно дальше в поле, как можно ближе к лесу, - сказала я ему.

Когда мои родные спустились с чердака, все мы были бледными от страха и дрожали, как осиновый лист. Я сказала им (вдруг оказавшись великой героиней):

- Не волнуйтесь, все будет хорошо.

По дороге к выходу мы остановились в молитвенном уголке Анели, где висели образа Иисуса и Марии, а также икона Девы Ченстоховской.

Я велела Тадеушу стать на колени и поклясться именем Иисуса и Марии, что если он случайно встретит меня на улице, то будет вести себя так, как будто мы не знакомы. Он поклялся.

Тадеуш завел нас в поле всего на 15-20 метров. Я сказала ему:

- Ладно. Ты свободен. Можешь возвращаться к Анеле. А мы пойдём в лес к нашим друзьям.

Он повернул назад, а мы спрятались среди высокой пшеницы. Так мы лежали, ожидая, когда сядет солнце, не имея понятия, куда податься дальше.

Прошло не много времени и Мушка нашла нас в поле. Как всегда, увидев нас, она очень обрадовалась, но мы сказали ей:

- Мушенька, мы тебя очень-очень любим. Но, пожалуйста, уходи отсюда, веди себя так, как будто ты нас не видела.

И опять, словно понимая человеческую речь, она повернулась и ушла.

Ночью мы потихоньку вышли из поля и направились к дому Кацале. Увидев нас, он перекрестился:

- Куда вы пропали? Что с вами случилось? Анеля сказала, что вы вдруг исчезли...

Мы ответили, что Анеля привела в дом полиция и мы боимся, как бы он нас не обнаружил.

- Пожалуйста, ничего не говорите Анеле, она не должна знать о том, где мы находимся, - умоляли мы Кацале, его жену и двух дочерей, которые были подружками Криси. Девочки поклялись, что никому ничего не скажут.

Нам разрешили переночевать в их доме несколько ночей. Несмотря на страхи своей жены, Кацале относился к нам по-человечески: угощал салатом из овощей со своего огорода, давал картофель и другие продукты из их хозяйства. Мы оставались у них до декабря. Но пани Кацалину постоянно мучил страх. Она требовала, чтобы мы ушли. Каждый день мы обещали:

- Еще немного. Нам обещали помочь. Не позже, чем послезавтра освободится комната у таких-то и таких-то знакомых и мы переберемся к ним. Не беспокойтесь, через несколько дней нас здесь не будет....

Все эти холодные осенние месяцы я каждый день выходила в город в поисках нового пристанища, но безуспешно. Все двери передо мной закрывались, моим сердцем овладевало уныние. Мы жили одним днем.

Однажды, когда я в своей крестьянской одежде бродила по городу в надежде найти хоть немного еды и какое-нибудь пристанище, вдруг оказалось, что солнце село раньше, чем я ожидала, и скоро наступит комендантский час. Мне нужно было срочно найти укрытие, потому что если бы меня схватили на улице, то приговорили бы к смерти. Ноги понесли меня вперед.

От долгого пути я сильно проголодалась. Проходя через пшеничное поле, я сорвала несколько колосков, до крови поранив себе пальцы. Съела то, что нашла, после чего обнаружила себя в давно уже известном и относительно безопасном месте - в склепе раввина на заброшенном еврейском кладбище. Там, в этом маленьком, закрытом со всех сторон строении я, улегшись на могильной плите, пыталась согреться. Было очень холодно. И чтобы хоть как-то отвлечься, я стала думать о том, какой сегодня день календаря и почему-то решила, что сегодня вечером наступает Йом Кипур. Дрожа от холода в склепе раввина, я стала беззвучно, чтобы никто меня здесь не обнаружил, петь «Коль Нидрей»⁹.

Зося и Ярка, дочери Кацале, были верны своему обещанию и хранили секрет. Однажды Крися пришла к ним в гости вместе с Мушкой. Учув наш запах, Мушка начала скулить возле входа на чердак. Наше сердце рвалось к ней, нам так хотелось ее обнять, погладить, ощутить ласковое прикосновение ее язычка. Но мы попросили Мушку больше к нам не приходить, чтобы не возбуждать подозрений у Криси. Наша умная собачка все поняла и больше никогда не входила в этот дом, только играла снаружи.

Много времени спустя, приехав в Польшу вместе со своим внуком, я встретила с Яркой. Она сказала мне, что Зося живет в Варшаве, Крися умерла в молодом возрасте от туберкулеза. Анеля прожила долгую жизнь.

Через несколько недель терпение жены Кацале лопнуло и, решив от нас избавиться, она обвинила нас в воровстве. Так как самой дорогой вещью в их доме являлись пуховые одеяла, она сказала своему мужу:

- Когда они поселились у нас в доме, все наперники были полными, а теперь они совершенно пустые. Они крадут наши перья.

- Пани Кацалина, - сказала ей мама ласковым голосом. - Все перья, которых вам недостает, вы получите от нас после войны. Мы заполним пухом всю вашу комнату. Ну как вы думаете, зачем нам могли понадобиться ваши перья?

Но Кацалина не унималась.

Пока я занималась поисками нового убежища, подошел декабрь. Дома у Кацале готовились к Рождеству, ставили елку. Во время моих скитаний по городу меня снедала зависть: атмосфера праздника ощущалась повсюду, люди покупали праздничные товары и рождественские подарки, и только я одна уныло бродила в поисках пристанища. Проходя по улице, я смотрела на стены и окна домов, представляя, что происходит там внутри. На одном из оконных стекол от домашнего тепла подтаяли морозные узоры, и была видна нарядная елка, лежавшие под ней подарки, весь праздничный дом. Пять или шесть счастливых смеющихся детей бегали вокруг елки, играя в догонялки. На ветвях сверкали елочные украшения, горели свечи. А я думала о празднике Ханука, который кончился лишь несколько дней назад. Вспоминала ханукальный светильник в нашем в доме и огонь свечей, которые мы зажигали на нем каждый вечер. В сердце у меня защемило.

⁹ «Коль Нидрей» («Все Обеты») - с этой молитвы в Йом Кипур начитается служба в синагогах.

Вдруг один из детей, увидев за оконным стеклом мои сверкающие глаза, воскликнул: «Жид!». Конечно, он не мог узнать во мне еврейку, это восклицание было частью игры: «жидом» называли того, за кем гонялись.

Дети разом выскочили на улицу и бросились меня ловить. Но к моему счастью, в этот момент огонь одной из свечей перекинулся на елку, она вспыхнула, все бросились ее тушить, и мне удалось сбежать. Это было последнее чудо, случившееся со мной во время войны, мое собственное чудо Хануки.

13 января 1945 года в наш город вошла Красная Армия и принесла нам свободу.

Домой?

Мы думали, что с приходом Красной Армии окончатся все наши страдания и мы сумеем наконец вернуться к прежней жизни.

На улице стояла зима, мороз, а в сердце у нас теплилась надежда, что возвратившись домой, мы найдем хоть кого-то из наших родных, друзей или знакомых, что хоть кому-то удалось уцелеть. Однако реальность нанесла нам тяжелый удар: немцы вместе со своими пособниками-поляками сумели очистить Скерневич от евреев - город был полностью «юден райн».

Мы шли по улицам, как сироты: четверо евреев, которым удалось спрятаться и выжить. Наш дом, который мы оставили полным всякого добра, стоял совершенно пустой - семь голых комнат. Соседи рассказали, что после того как нас выгнали из нашего дома, его захватили три польских полицаи со своими семьями. На каждый подъезд по семье. Полицаи думали, будто у нас под полом спрятаны сокровища. Но единственное, что им удалось там обнаружить, это была пачка векселей, выписанных папе его должниками. Очень скоро они убедились, что эти бумаги для них совершенно бесполезны.

Когда летом 1944 года началось немецкое отступление, эти полицаи, боясь ожидающего их возмездия, ушли вместе с нацистами. Все, что можно было из нашего дома продать, они продали, все, что можно было забрать, они забрали с собой. Дом стоял разграбленный, опустошенный.

Но несмотря на это, мы чувствовали себя счастливыми: ведь нам было куда вернуться. В большинстве случаев пустующие квартиры в уцелевших домах во время войны занимали местные поляки. И потом они отказывались возвращать эти квартиры их законным владельцам, горстке чудом выживших, возвратившихся из ада евреев.

У нас не было никакой мебели - ни кроватей, ни стола, ни стульев. Увидев это, наш спаситель Ковальчик сказал: «Прежде всего вам нужно на чем-то спать», и привез полную телегу соломы и кое-какие продукты.

Мы расстелили солому на полу в одной из комнат, и это стало нашей общей постелью. У нас также не было подходящей одежды. У меня осталось одно тонкое платье и туфли на такой стоптанной подошве, что я ощущала ступнями обледенелую землю.

Соседи-поляки, возможно из жалости, а возможно из любопытства, желая собственными глазами увидеть это чудо - возвратившихся в свой дом евреев, принесли нам кое-какой еды, а также угля и дров, чтобы мы могли хоть немного натопить в своем доме. Они дали мне старые газеты, которые я, сложив в несколько раз, вложила в свои туфли. С такими стельками я уже могла ходить по снегу. А в дождь я сидела дома.

Через несколько дней снова появился Ковальчик. Он привез на своей телеге целый ворох одежды, которую мы оставили ему на хранение перед тем как нас заперли в гетто. Все эти годы он держал наши вещи у себя в сарае в деревне. Как ничтожно мало осталось из всего богатого имущества, которым мы владели перед войной!

И вот по прошествии короткого времени в городе откуда-то появился еще один еврей, а за ним еще двое. Это казалось настоящим чудом. Люди выходили из тайных укрытий, из лесов, возвращались из концлагерей, из России. И все они направлялись к нам, потому что больше идти было некуда, ведь только у нас одних было собственное жилье. Они тоже надеялись, что кто-то из их родных или близких остался в живых, но реальность была удручающей. Так потихоньку-полегоньку у нас собралось 13 человек.

Папа стал ходить по городу и спрашивать поляков о том, где убивали евреев. Ему помогал один из наших тогдашних «постояльцев». Найденные ими останки они хоронили на

еврейском кладбище, которое к концу войны оказалось почти полностью разрушенным. Останки нашей любимой бабушки Кайлы мы тоже захоронили там. Поляки помогли нам разобрать свинарник и мы поставили памятник сорока убитым евреям и отдельно нашей бабушке. На траурную церемонию мы пригласили учеников городской школы, а кроме того прибыла делегация из Варшавы во главе с равом Кахане.

На этой церемонии мой папа выразил нашу боль своим стихотворением «Книга поминовения»¹⁰.

Время шло и к нам прибывали все новые и новые евреи. Мы раздобыли еще соломы и постелили ее во всех комнатах, превратив наш дом в «пятизвездочную» гостиницу. У нас уже находилось в общей сложности сорок человек и обо всех нужно было заботиться. Мама исполняла функции шеф-повара. Очень помогал Ковальчик, доставлявший нам продукты, но все равно на всех еды не хватало.

Понемногу мы узнавали о том, что происходило в городе в то время, когда мы прятались. Оказалось, что поселившиеся в нашем доме полицаи пытались заработать на найденных ими векселях. Один из них обратился к папиному должнику, польскому крестьянину по имени Антош, и потребовал от него денег.

- Вам я ничего не должен, - ответил крестьянин. - Вот когда вернется Кучински, я все ему заплачу.

Этот человек был одним из немногих, кто обрадовался, услышав о том, что мы выжили и вернулись домой. Большинство горожан встретило нас без особого воодушевления.

Деревня Контно, в которой жил Антош, находилась достаточно далеко от города. До войны мы обычно снимали там на лето домик у одного из местных крестьян.

- Пришлите ко мне кого-нибудь, и я передам с ним продукты, чтобы вы всех могли накормить, - пообещал папин должник.

Никто из наших «постояльцев» не выразил желания отправиться в деревню. Как хозяйка, я чувствовала свою ответственность и решила сама взяться за дело, хотя путь в Контно был неблизким. Сосед дал мне свой велосипед:

- Иначе тебе туда не добраться.

На улице стоял мороз, а я, одетая не по погоде, с газетными стельками в стоптанных туфлях, проехав на велосипеде несколько километров, обнаружила, что на опушке леса тропинка кончилась. Дальше пришлось идти пешком, таща за собой велосипед или толкая его. Я чувствовала, как по мере продвижения вперед меня оставляют силы. Чем дальше, тем тяжелее было двигаться. При этом я отчетливо сознавала, что стоит мне хоть ненадолго остановиться и расслабиться, как я замерзну насмерть.

Но несмотря на это, увидев ствол поваленного дерева - кажется, это была ель - я все-таки решила «на одну секундочку» присесть. Прислонив к стволу велосипед, я опустила рядом. И тут я заметила, что из-за деревьев ко мне приближается волк. «Если я не умру от холода, то от его зубов...», - успела я подумать и потеряла сознание.

Я пришла в себя в доме крестьянина Антоша. Он и его жена Мария стояли напротив и обеспокоенно на меня смотрели. Мне снова несказанно повезло.

- А где же волк? - пробормотала я.

- Это не волк. Это наша собака-овчарка. Она охраняет моих коней и сообщает мне, если поблизости появляются волки или конокрады, - объяснил Антош.

На этот раз, увидев замерзающего человека, пес позвал хозяина. Антош, не зная, в чем дело, взял ружье, отправился вслед за собакой и обнаружил меня. Сначала он растер меня

¹⁰ Вот последние строки этого стихотворения:

*«... Они (нацисты) превратили наше счастье в скорбь,
О горе! Нам осталась только
книга поминовения».*

снегом, пытаюсь привести в чувства и активизировать кровообращение, а затем отнес домой.

Снова собака спала мне жизнь.

Когда я пришла в себя, Антош и его жена собрали продуктов на несколько недель: крупы, лука, картошки, моркови и немного муки. Они погрузили все это на большие сани, запряженные двумя лошадьми, положив туда также и мой велосипед. Я села рядом с Антошем, который правил санями, и вместе со всем этим богатством мы благополучно прибыли домой.

Однажды, примерно через неделю после нашего возвращения, случилось еще одно невероятное чудо. Наша любимая Мушка, по которой мы скучали до слез, и которая, как мы знали, тоже очень о нас скучает, вдруг появилась в нашем доме, весело виляя своим красивым хвостом. Эта мужественная собачка пробежала полтора километра по снегу от Анели до нашего дома, в котором не бывала ни разу в жизни. Нашему ликованию не было границ. Мушка плакала от радости и мы тоже плакали вместе с ней.

Мы спрашивали потом у кинологов, каким образом, несмотря на снег, ей удалось нас отыскать. Преданность собаки безгранична, нет слов, чтобы описать нашу любовь к Мушке, для всех нас она значила гораздо больше, чем просто собака.

Через некоторое время появилась и Анеля, повсюду искавшая Мушку. Услышав низкий грубый голос своей хозяйки, собачка зарылась в разложенную на полу солому. Мы знали, что если Анеля ее здесь найдет, то прибьет. Поэтому мы ей сказали:

- Мушки у нас нет. После того, как мы ушли из вашего дома, мы ее ни разу не видели.

С тех пор каждый день рано утром Мушка прибегала к нам, а вечером возвращалась к Анеле.

Мушка снова стала нашей лучшей подружкой. Она продолжала о нас заботиться и охранять, хотя в этом уже не было необходимости. Пока в доме еще было не топлено, она, обернувшись вокруг наших ног, согревала нас своим теплом. Однажды она приволокла маме живую курицу, вцепившись в нее зубами. Конечно, мы отпустили несчастную птицу, но Мушку все равно приласкали. Мушка любила нас облизывать, ворчала от удовольствия, когда мы ее гладили, ей нравилось, когда мы говорили с ней, как с человеком. Каждый день она веселила нас своими забавными проделками и, глядя на нее, мы смеялись, что случилось с нами в те нерадостные дни крайне редко.

С приходом Красной Армии в городе появились военные, среди которых было много офицеров и, в том числе, евреев. В нашем городе мы были единственной еврейской семьей, и тот, кто искал соответствующего общения, находил дорогу в наш дом. По праздникам и субботом у нас собиралось много народу. Некоторые гости приводили с собой друзей и знакомых - врачей и офицеров Красной Армии, причем не обязательно евреев. Мы принимали их у себя с прежней теплотой и радушием, наши попытки построить новую жизнь казались успешными.

Однажды у нас в доме появился высокий офицер, по имени Марк Шаубер, со своей женой Шевуней (Бат Шевой), оба родом из Ковеля. Когда они спросили, есть ли в городе евреи, им указали наш дом. Мы сразу подружились. Шаубер, адвокат по профессии, обладал удивительным голосом, который звучал лучше всего, когда он благословлял праздничную трапезу.

И начальник УБ¹¹ Горски тоже был евреем. В Скерневич он пришел солдатом Красной Армии. Горски являлся подданным Польши, и благодаря этому получил такую высокую должность. УБ была известна своими разоблачениями и сеяла ужас среди поляков. Каждый день Горски являлся к нам со своей великолепной собакой-овчаркой, чтобы узнать, не нужно ли нам чего. Увидев, что мы спим на соломе в пустом доме, он воскликнул:

- Какие проблемы, пани Кучинска! Я достану вам кровати.

¹¹ УБ - Польская тайная полиция, находившаяся под советским контролем

- Пан Горски! Нам не нужны никакие кровати, кроме наших собственных! - ответила мама.

И глядя ему в глаза, продолжила:

- Перед тем как нас отправили в Варшавское гетто, я передала нашу мебель Михалковой, которую считала своей подругой. Она обещала сохранить ее до конца войны. Я хотела оставить ей эту мебель насовсем, но из-за ее предательства, из-за того, что она хотела выдать нас немцам, я хочу вернуть эту мебель назад.

Мама описала Горскому свою роскошную спальню и рассказала ему о Михалковой.

Назавтра Горски приехал на грузовой машине в сопровождении двух полицейских.

- Поезжайте с нами, мы заберем все ваши вещи, - предложил он маме.

Мы вошли в дом к Михалковой. Наша дорогая утварь, поломанная и безнадежно запущенная, валялась на кухне. Михалкова просто не умела с ней обращаться. Скульптура «Озорник», этот дар любви, стояла в углу, чужая убогой обстановке этого дома. Увидев мою маму вместе с полицейскими УБ, Михалкова едва не лишилась чувств.

- Как? Ты жива? - произнесла она дрожащим голосом.

- Да, я жива. И пришла забрать свою спальню. Только ее, - холодно ответила мама.

Она по-прежнему оставалась гордой женщиной.

- Пани Кучинска, - сказал Горски, - какие из вещей здесь принадлежат вам?

- Вот это, это и это, - показала мама и снова обратилась к Михалковой:

- Если бы ты была человеком, я бы все тебе оставила, но теперь ты будешь спать на полу, а я на своей кровати.

Михалкова онемела от страха. Мама повернулась к Горскому, указала на спальный гарнитур и сказала:

- Вот единственное, что я хочу забрать.

Полицейские взяли кровать и шкаф и доставили их к нам домой.

Выходя из дома Михалковой, мама остановилась, посмотрела долгим взглядом на скульптуру «Озорник» и швырнула ее на пол. Скульптура разбилась на мелкие кусочки.

- Это была очень дорогая вещь, она стоила много денег. На эти деньги ты могла бы безбедно прожить несколько месяцев. Если бы ты была человеком... - процедила мама сквозь зубы и вышла.

Это было нашей единственной мезтью.

Роскошная спальня явно не соответствовала тогдашней атмосфере нашего дома. Мы вынесли солому из одной комнаты, нашли у Ковальчика кое-какие постельные принадлежности и подушки.

Снова пришел Пижак и предложил свою помощь.

Мы потихоньку строили новую жизнь. Ни у меня ни у брата не было кроватей. Позже мы получили их от одного поляка, и в спальне уже стояла одна двухспальная кровать и по обе стороны от нее - две одинарные.

В один прекрасный день к нам явился молодой человек по имени Срулик Гецер. Он выглядел примерно так, как выглядели мы после выхода из свинарника: ходячий скелет, обтянутый желтой кожей. Больной и слабый, он был не в состоянии усваивать пищу, которой мы пытались его накормить.

- Ты должна уступить ему свою кровать, - сказала мне мама.

Я отдала ему свою кровать, а сама вернулась спать на соломе. Долгое время мы кормили его с ложечки манной кашей, разведенной водой и молоком, пока он наконец не встал на ноги.

Примерно через пятьдесят лет после этих событий в Тель Авиве проходила торжественная церемония, посвященная памяти жертв Скерневича. И на этой церемонии ко мне подошел человек, представившийся сыном Гецера. Он рассказал, что его отец репатриировался в Израиль и создал семью. Это было самой лучшей мезтью нацистам.

Жена адвоката Вартхайма и ее дочь тоже пришли к нам в дом и рассказали, что происходило с ними во время войны. Они нашли убежище в одной крестьянской семье.

Однажды ночью хозяин, напившись пьяным, бросил им кастрюлю с кипящей едой и крикнул: «Грязные еврейки!» Мать со своей двенадцатилетней дочерью сбежали оттуда. Впоследствии они уехали из Польши, их дальнейшая судьба мне неизвестна.

Жена Дойчера тоже приходила к нам после войны с дочерьми Ией и Тамар. Они собирались уезжать в Париж. Позже мне сказали, что Ия и Тами вышли замуж, а их мама умерла. Они не хотели поддерживать отношений с евреями, и связь между нами оборвалась.

Однажды к нам пришел один знакомый, бежавший в свое время из Варшавского гетто. Он описал нам восстание, героическую оборону в бункерах - их славную борьбу и ужасный конец.

- Гетто было полностью ликвидировано, - заключил он с болью.

- Известно ли вам, что случилось с моим возлюбленным Моником? - спросила я его.

- Я жил недалеко от улицы Мила. Если бы Моник остался в живых, мне было бы об этом известно.

Я спросила еще одного нашего друга, который тоже участвовал в восстании, известно ли ему, что случилось с Моником, и он мне ответил:

- В тот день его послали из бункера повстанцев на Мила 18¹² с каким-то заданием, и назад он не вернулся. То ли его схватили немцы, то ли он погиб при взрыве. Во всяком случае, он не вышел на Умшлагплац¹³, хотя вся его семья была там...

Боль моей потери невозможно описать словами. После стольких лет я все еще продолжаю надеяться, что это ошибка и Моник вернется.

С окончанием войны появился в нашем городе и Хаим Френкель вместе со своей супругой пани Кригер. На Хаиме была форма советского капитана. Как он получил это звание, никому не известно.

- Вы думаете, я сделал хотя бы один выстрел? - с гордостью говорил он.

Он явился к нам, потому что у него не осталось других родственников. Мы боялись его, ведь он служил в Красной Армии и был достаточно влиятельной фигурой. Поэтому мы пустили его в дом. Увидев на стене портрет Ханели, Френкель прослезился: «О, моя любимая! Моя жизнь! Как был прав твой отец, когда не хотел, чтобы ты выходила за меня замуж...» Этот спектакль не произвел на нас ни малейшего впечатления. Он без зазрения совести потребовал себе Ханелину часть наследства. Мама пошла к адвокату, который в свое время занимался его разводом. Адвокат выдал ей копию свидетельства о разводе, подписанного Френкелем в тюремной камере. Но тот не унимался. Пользуясь своим служебным положением, он делал нам разные гадости. Один раз прислал сотрудников НКВД с обыском - якобы мы прячем у себя доллары.

Кстати, мы были не единственной семьей, чьим имуществом пытался завладеть Френкель... <.....>

**

Со временем беженцы оставляли наш дом, находили собственное жилье, а мы оставались на месте. Нам вернули наш обеденный стол, мы раздобыли к нему стулья и начали понемногу приходить в себя. Внутренне мы были совершенно сломлены и разбиты, но внешне старались казаться такими, какими были до войны. Любовь, тепло и ласка оставались с нами всегда и везде, даже в самых тяжелых обстоятельствах. Мы были и остались любящей семьей. Папа не мог вернуться к той деятельности, которой занимался до войны. Вместе со своим двоюродным братом, который был в этом деле профессионалом, они начали шить обувь, что приносило им скромный заработок.

Папа вспомнил адрес своего сводного брата, который владел в Детройте процветающим конфекционным бизнесом, под названием «Качин». Узнав о том, что мы живы, папин брат очень обрадовался: ведь он думал, что никто из его семьи не уцелел. Его мать стала присылать нам

¹² см. главу «Историческая справка»

¹³ Умшлагплац - место, где обреченных погружали в вагоны и увозили в концлагеря.

посылки с едой и одеждой. Наши семейные связи сохранялись до тех пор, пока она была жива, но после ее смерти жена брата прекратила всякое общение с нами.

Однажды вечером мы сидели за накрытым скатертью столом и ужинали. Мушка, свернувшись калачиком, лежала, у наших ног. Мы разговаривали, шутили и смеялись, как-будто бы жизнь действительно вернулась в нормальное русло. Внезапно раздался стук в дверь. На пороге стояли два солдата НКВД. Кусок застрял у нас в горле.

- Здесь проживает Ядвига Кучинска? - спросили они.

- Да.

- Следуйте за нами.

Родители впали в истерику:

- Но что мы сделали? В чем мы виноваты? После всех ужасов нацизма, которые мы пережили, нам предстоит еще иметь проблемы с НКВД?

Я обратилась к солдатам:

- Уже вечер, темнеет. Я лучше приду в отделение завтра утром. К кому мне там обратиться?

Я пыталась говорить спокойным, уверенным тоном, но сердце во мне бешено колотилось.

- Завтра утром вы должны явиться к коменданту, - сказали они и ушли.

-Мамэ, папа, успокойтесь, - говорила я родителям. - Если они разрешили мне прийти завтра утром, значит, волноваться не о чем. Вероятно, они просто хотят что-то выяснить. Ну смотрите, ведь они вежливо попрощались и пожелали нам спокойной ночи.

Не знаю, кого я хотела этим успокоить - их или себя.

Наутро я явилась в штаб-квартиру НКВД, в дом, который раньше принадлежал одной еврейской семье. Стоявший на карауле солдат спросил меня по-русски:

- Куда?

Польским языком я владела в совершенстве, что же касается русского, то тут я могла лишь догадываться. И я ответила громким голосом:

- К коменданту!

- Входить запрещено!

Но через несколько минут он добавил:

- Но раз уж вы пришли, подождите здесь.

Он завел меня в какую-то комнату. От страха меня била дрожь. Кто знает, что им от меня нужно? Слухи о жестоких допросах в НКВД уже распространились по всему городу.

И тут я увидела на лестнице Симона Ковальчика, испуганного и заросшего.

- Что с вами случилось? Что вы здесь делаете? - спросила я.

- Меня арестовали, как спекулянта, - прошептал он.

Спекулянтами называли тех, кто нарушал установленные властями правила торговли. За это давали большие сроки.

Было ясно, что его жизнь в опасности и мы обязаны сделать все возможное, чтобы его спасти, отплатить ему добром за добро.

- По крайней мере, мне известно, что вы здесь, - успокаивала я его. - Когда я вернусь домой, я расскажу об этом папе и мы посмотрим, что можно будет сделать.

- Отведи ее к коменданту! - сказал один из солдат, указывая на меня пальцем. - Скажи, что явилась Ядвига Кучинска.

Вслед за другим солдатом я поднялась на второй этаж. С каждым шагом мне становилось все страшнее и страшнее.

Солдат привел меня в просторную комнату с красным знаменем на стене. В глубине комнаты за большим конторским столом сидел комендант. Это был мужчина лет тридцати на вид, крепкого сложения и приятной наружности. Подойти к нему я не могла. Солдат, все время находившийся рядом, следил за каждым моим движением.

- Как ваша фамилия? - грозно спросил комендант по-русски.

- Кучинска, - пролепетала я.

- Выйди за дверь! - приказал комендант солдату.

Мы остались вдвоем.

- Подойдите сюда и сядьте рядом со мной, - распорядился он, показывая глазами на стул.

Сглотнув слюну, я подошла.

- Вы еврейка? - спросил он.

Его голос как-будто бы немного смягчился. Я кивнула. Мне уже не нужно было скрывать свою национальность и я ответила:

- Да, я еврейка.

Он продолжал смотреть на меня изучающим взглядом.

- Как вам удалось спастись? Кто вам помогал? - спросил он.

- Господин комендант, я была бы рада все вам рассказать, но я ведь не говорю по-русски, а вы не понимаете по-польски. Может, стоит пригласить переводчика? - предложила я.

- Не надо, - поспешно ответил он. - Я прекрасно понимаю все, что вы говорите. Я знаю украинский.

И прежде чем я успела отреагировать, добавил:

- Вы говорите на иврите?

Я утвердительно кивнула.

- Я тоже немного говорю на иврите, - сказал он и в уголках его глаз сверкнула улыбка.

- А идиш вы знаете? - ошеломил он меня следующим вопросом.

- Конечно, - ответила я.

- Я тоже немного знаю идиш. Я вам сейчас открою секрет. Дело в том, что я - еврей и мое настоящее имя - Ицхак. Мой дед был в Харькове раввином. Он даже успел подготовить меня к бар-мицве, но чтобы получить должность в НКВД, я скрыл свое происхождение. Иначе меня не взяли бы на эту работу.

И беседа потекла. Частично на идиш, частично на иврите я рассказала ему всю нашу историю.

- Когда я поднималась к вам, я увидела человека, благодаря которому мы остались в живых. Он находится под арестом. Поляки на него донесли, будто он спекулянт, но на самом деле это честный, порядочный человек, - решила я попытаться счастья.

- Не беспокойтесь, его отпустят домой, - пообещал мне комендант Ицхак.

Я вздохнула с облегчением. Мне уже было ясно, что этот человек станет нашим другом, и мы можем рассчитывать на его помощь. Во всяком случае, он в тот же день освободил Ковальчика.

Ицхак много нам помогал, в основном, в первые месяцы после окончания войны. В городе находился советский военный госпиталь, и по ночам многие раненые - перевязанные, хромые, на костылях - выходили на улицу в поисках водки и женщин. Все в городе их боялись, потому что они не останавливались перед насилием, особенно, когда напивались пьяными.

Однажды ночью нас разбудили крики:

- Девушки и водка, девушки и водка!

Мы в ужасе проснулись. Два пьяных русских солдата изо всех сил колотили в нашу дверь. Через секунду они ворвались в дом. У них было с собой оружие, они нетвердо держались на ногах.

- Где твоя дочка? Подавай нам водку! - орали они в бешенстве.

Мама обернулась ко мне:

- Как, ты до сих пор еще здесь? А ну-ка беги скорее и принеси водки этим доблестным воинам!

Я тот час же исчезла, и пока они не успели меня хватиться, помчалась к Ицхаку. Тот успокоил меня и велел возвращаться домой.

Когда я вернулась, два работника НКВД уже задержали пьяных солдат и отправили их под арест.

С тех пор советские солдаты к нашему дому не приближались.

- Когда началась война, я дал себе слово, что первая еврейская девушка, которую встречу после войны, станет моей женой - сказал мне однажды Ицхак. - Поэтому мы должны пожениться.

Я была бесконечно благодарна ему за все, что он для нас сделал, но выходить за него замуж мне совершенно не хотелось.

- Но пока мы с вами еще не женаты, вы можете найти себе другую еврейскую девушку, - ответила я.

Через несколько месяцев русские части получили приказ двигаться на запад, в Германию. Ицхак пришел ко мне прощаться.

- Я вернусь, и мы обязательно поженемся, - клялся он мне со слезами на глазах. С тех пор я его больше не видела.

Он был не единственным моим поклонником. В то время я была молодой красивой девушкой, и многие искали моего общества. В том числе и подрастающий Фишеле. Фишеле уехал в Лодзь учиться в еврейской школе, которую открыли в районе бывшего гетто на улице Килисего. Он уезжал поездом на исходе субботы, всю неделю жил у знакомых, и в пятницу вечером возвращался домой.

Одним из моих тогдашних поклонников был хирург, который, окончив учебу в Польше, уехал в Израиль, где живет до сегодняшнего дня, другой поклонник - врач, живущий сейчас в Соединенных Штатах.

К слову сказать, Ицхак также не был единственным офицером-евреем среди наших новых знакомых. Еще одним офицером, пришедшим вместе с русской армией, был некий Фридман, уроженец Днепропетровска. Он был зубным врачом в чине капитана. Когда он узнал, что в нашем городе живет еврейская семья, в нем проснулось любопытство и он поспешил явиться к нам с визитом. В первый же день он объявил, что влюблен в меня и хочет на мне жениться. Чтобы убедить нас в своем еврейском происхождении, он цитировал любимые изречения своей бабушки на идиш. Он читал мне вслух по-русски рассказы Чехова, вероятно, очень смешные, а я, не понимая ни слова, улыбалась всякий раз, когда видела на его лице улыбку.

- Как ты меня всегда понимаешь! - восклицал он со сверкающим взглядом.

Моей маме он тоже говорил:

- Только одна ваша дочь меня понимает.

Он очень старался ей угодить.

- Я хочу стать вашим сыном, - говорил он, пытаясь завоевать ее сердце.

- У меня уже есть сын, - отвечала мама, - другого мне не нужно...

По нашей просьбе Фридман сделал зубные протезы Пижаку и Симону Ковальчику, а также их друзьям - мы хотели отблагодарить их за помощь, оказанную нам во время войны. Разумеется, он сделал эти протезы за счет Красной Армии.

Еще за мной ухаживал один певец, известный тенор, солист прославленной Московской оперы. Он много для меня пел и поэтому мне знакомы чуть ли не все оперные арии. В то время в Скерневиче готовились к открытию детского дома для еврейских сирот. Когда стало известно, что в нашем городке находится знаменитый тенор, к нему обратились с просьбой дать благотворительный концерт в пользу этих сирот. Но он отказался. Тогда расстроенные организаторы пришли ко мне:

- Мы знаем, что он частый гость в вашем доме, что вы имеете на него влияние. Может, вам удастся его убедить?

В один из ближайших вечеров я его спросила:

- Вы готовы для меня петь?

- Для вас я готов на все. Если вы будете сидеть в первом ряду, я даже соглашусь выступать перед публикой.

И он дал великолепный концерт, который принес детскому дому значительную сумму.

- Я вас люблю, - сказал он мне однажды. - Мы должны пожениться

- Но я ведь еврейка, а вы нет, - ответила я ему. - К тому же я собираюсь уехать в Израиль, а вы хотите вернуться в Россию.

- Ну и что! Моя бабушка тоже была еврейка. Поедьте со мной в Москву. Это самый красивый город на свете. Вы сами увидите.

Но мама не советовала мне выходить замуж ни за одного из моих тогдашних поклонников. Она была мудрой женщиной и знала, что моя любовь ждет меня впереди.

**

Еще до наступления 1945 года семья Шаубер переехала из нашего городка в Катовице, где Марк получил должность главного армейского прокурора.

В то время Мордехай Либерзон жил в Варшаве и учился в университете, на четвертом курсе медицинского факультета. До этого он три года изучал медицину в Самарканде и Ташкенте. И вот однажды Мордехай встретил в Варшаве своего земляка из Ковеля. Земляки разговорились. Они рассказывали друг другу о том, что с каждым из них произошло, интересовались, кому еще из их общих знакомых удалось выжить.

- Почти никого не осталось, - печально сказал Мордехаю его приятель. - Но мне доподлинно известно, что жива Шевуня, она сейчас в Катовице.

Мордехай решил поехать в Катовице ее навестить. Дорога была неблизкой, но встреча принесла обоим огромную радость. Прощаясь с Мордехаем, Шевуня попросила:

- Когда будешь ехать в Варшаву, сделай мне, пожалуйста, доброе дело. Остановись в Скерневиче. Там живет семья моих друзей, зайди к ним и передай от меня несколько слов. Заодно познакомись с их дочерью, которую я хотела бы сосватать со своим братом.

Мордехай согласился. И вот в один из зимних дней 1945 года он явился к нам с письмом от Шевуни, но меня в это время не было дома. С одним из своих тогдашних поклонников я поехала в Варшаву подавать документы на медицинский факультет. Я еще не полностью пришла в себя после всего пережитого, но тем не менее, не отказалась от своей мечты возвращать людям здоровье.

Моего спутника записали на четвертый курс (он три года проучился в России). А я вместо школьного аттестата предъявила удостоверение, полученное от профессора Кешака в Варшавском гетто. Этого оказалось недостаточно. Меня попросили принести другие документы, которых у меня не было. Рассказы об ужасах, через которые мне довелось пройти, приемную комиссию не интересовали.

Когда я вернулась домой, папа с сияющим взглядом сообщил:

- Тебя искал какой-то русский офицер.

«Ты мог послать его подальше», - равнодушно подумала я.

- Он привез письмо от Шевуни, и настаивал на том, чтобы отдать его тебе в собственные руки, - добавила мама. - Сказал, что зайдет к нам снова.

Вскоре Мордехай опять появился в нашем доме, мы познакомились, и он остался у нас. После этого он стал часто приезжать ко мне из Варшавы. Сначала один-два раза в неделю, а потом каждый день. Постепенно у нас начался роман, мы стали ощущать ту особую близость, которая возникает у молодой пары на пороге влюбленности.

А мой прежний поклонник еще долгие годы продолжал сердиться на мою маму за то, что она настояла на моем знакомстве с Мордехаем.

На следующий год Мордехай перевелся в Лодзь, а я - из-за огромного количества требуемых в университете документов - решила записаться на курс физиотерапии. В Лодзи как раз открылся солидный институт соответствующего профиля. Курс обучения в нем был рассчитан на два года. Записывали туда только обладателей аттестата об окончании средней

школы. Но меня приняли без всяких проблем, и через два года я окончила курс с высокими оценками. Те профессора, которые преподавали на медицинском факультете у моего мужа, подписали также и мой диплом.

Новая жизнь

Через полгода после того как я познакомилась с Мордехаем, мы с ним обручились. Мама с самого начала поняла, что мне будет с ним хорошо, и оказалась права. Когда мы пришли подавать документы в раввинат Лодзи, один из раввинов, услышав о том, что мой будущий муж является потомком раби Ицхака из Бердичева, воскликнул: «О, ради такого случая я сам вас обвенчаю!»

Мы заключили брак в Лодзи, в дождливый день 18 августа 1946 года, почти что в день моего рождения. Старенький, не вполне уже адекватный, с трудом передвигавший ноги раввин освятил наш союз. Наша «сваха» Шевуня и ее муж подписали «ктубу»¹⁴. (Шевуня дожила до преклонных лет и в 2008 году скончалась в Израиле).

После брачной церемонии состоялся прием в доме у наших знакомых. Присутствовали мои родные, несколько земляков Мордехая и Шевуня с мужем.

Мы оба, Мордехай и я, учились в Лодзи. Ему дали комнату в общежитии - тесную и узкую, с двумя кроватями и шкафчиком между ними. Причем эту комнату мы делили с еще одной молодой парой. У нашего соседа, Стенека Таненбаума, были длинные руки, и ночью, разбрасывая их во сне, он часто задевал меня. «Клади руки на свою Симу, а меня оставь в покое!» - кричала я ему в темноте.

Часть времени мы жили в общежитии, часть - у моих родителей. Вскоре напротив их дома освободилась двухкомнатная квартира, и эту квартиру дали нам с Мордехаем. Оттуда мы уже стали каждый день ездить на занятия в Лодзь.

Как-то раз в Лодзи, ожидая трамвая на остановке, я вдруг почувствовала, что кто-то гладит меня по спине. Удивительно, но я совершенно не испугалась.

- Ты меня помнишь? - прошептал знакомый голос - это я, цыганка. Ты не забыла сон про змею?

И я тот час обо всем вспомнила.

Однажды, когда мы жили у Анели, в дверь дома постучалась цыганка. Мушка не отреагировала на ее стук и не показала нам, что нужно прятаться. Значит, эта женщина не представляла опасности. Но тем не менее, родители вместе с братишкой поспешили в укрытие, а я осталась на кухне. Цыганка протиснулась в дом. Ее одежда была в грязи и беспорядке, речь звучала сбивчиво и невнятно.

- Я - цыганка, я ищу одну вещь... одну вещь... Может, я найду ее у тебя... - бормотала она.

Мне нетерпелось поскорее от нее избавиться, и я поспешно спросила:

- Что вы ищите?

- Может быть, ты видела во сне змею? Не снилась ли тебе сегодня ночью тебе змея? - неожиданно спросила она.

Сердце во мне замерло. Действительно, накануне ночью мне приснилась большая змея. Как будто она обвинялась вокруг меня, а я боролась с ней, чтобы не дать ей подняться до уровня моего сердца, иначе она бы меня задушила. Но откуда цыганка могла это знать?

Я утвердительно кивнула.

- Слава Богу, что я тебя нашла! - воскликнула она и бросилась меня целовать. - Я всю войну тебя ищу.

Она рассказала мне о том, как много времени ходила из дома в дом, пока внутреннее чувство не привело ее к нам.

¹⁴ Ктуба - брачный договор

- Я искала человека, которому приснилась змея! Это знак того, что вы переживете войну. Еще немного терпения и все будет в порядке. Сейчас, благодаря тому, что мне удалось тебя найти, я тоже останусь в живых, - взволнованно заключила она и скрылась за дверью.

Последующие события нашей борьбы за выживание были настолько бурными, что я напрочь о ней забыла. И вот на трамвайной остановке в Лодзи эта женщина снова предстала передо мной, только на этот раз совсем не похожая на цыганку. Она сказала, что нашла свою семью, и что все ее родные живы.

- Ваше предсказание осуществилось, - ответила я.

Мне снова было трудно найти слова. Я была тогда на первых месяцах беременности, но никто об этом не догадывался, это было еще совершенно не заметно.

- У тебя родится девочка, - сказала цыганка. - Но это будет не здесь. Она родится далеко-далеко, за морем. И не волнуйся, у тебя все будет хорошо, - заключила она и исчезла.

Тот факт, что в Польше нас никто не хочет, был очевидным для всех. Выживших в Катастрофе и пытавшихся вернуться в свои дома евреев повсюду принимали враждебно. Поляки, завладевшие еврейским имуществом, отказывались возвращать его законным владельцам. Летом 1946 года мы услышали об убийстве еврейских беженцев в Кельце.

Однажды я ехала поездом в Лодзь, держа в руках ивритскую газету. Не помню, каким образом она ко мне попала. Из-за травмы позвоночника мне приходилось носить ортопедический пояс, достаточно примитивной конструкции, который не давал мне возможности сидеть, поэтому я стояла в конце вагона.

Вдруг один из пассажиров, поляк, обратился ко мне с вопросом:

- Почему вы стоите? Подойдите, сядьте рядом со мной. Разве вы не слышали, что сейчас делают с евреями? Не знаете, что их выбрасывают из вагонов?

По привычке, которая стала моей второй натурой, я ему ответила:

- С чего вы взяли, что я еврейка? Я не еврейка.

- Но ведь у вас в руках газета с их буквами... Подойдите, сядьте рядом со мной. Может, на вас не обратят внимания.

- Я не могу сидеть, - отказалась я.

- Извините за бестактность, - ответил он с улыбкой и представился мне.

Он оказался главным кондитером знаменитой на всю Польшу кондитерской «Гаевски».

- Не в пример другим полякам я очень люблю ваш народ и хочу сделать вам подарок, - продолжил он. - Этот секрет я собирался забрать с собой в могилу, но сейчас я вам его открою.

И он нацарапал на листке бумаги несколько предложений. Я сгорала от любопытства.

- Вот, - передал он мне листок, - это рецепт самых вкусных во всей Польше пончиков. Но обещайте, что никому не откроете мой секрет.

Естественно, я пообещала.

Я бережно хранила этот листок. До нашего прибытия в Израиль он находился среди книг в багаже. А когда мы уже поселились в Црифине, я перед Ханукой достала этот рецепт и с тех пор каждый год готовлю по нему отличные пончики-суфганиет, но верная данному обещанию, ни с кем этим рецептом не делюсь.

В моем родном Скерневиче мы тоже остро ощущали растущую ненависть к евреям. Поляки нас преследовали, подбрасывали письма со знаком черной руки вместо подписи. В этих письмах они принуждали нас покинуть город.

- Мы не хотим, чтобы вы здесь жили, но убивать вас мы тоже не хотим. Лучше вы сами уезжайте отсюда, - постоянно приходилось нам слышать.

Чтобы избавиться от нас, поляки не гнушались никакими средствами. Например, взрывали под нашими окнами взрывчатку. Однажды, когда у нас гостил Мордехай, еще до того, как мы с ним поженились, вдруг неожиданно распахнулась входная дверь, и два вооруженных молодых поляка выпустили над нашими головами по автоматной очереди, после чего исчезли так же внезапно, как появились. Вся верхняя часть дверной рамы была прошита пулями.

Еще до этого случая мы приобрели пистолет, папа получил разрешение на ношение оружия. И когда мы явились с жалобой в полицейский участок, то нас упрекнули в том, что мы не стреляли в этих нарушителей закона. Было ясно, что в Польше никто не станет на нашу защиту. Все с большей и большей силой мы стремились обрести для себя подлинную родину.

Мечта о земле Израиля пронизывала каждую клеточку нашего тела, каждый наш нерв. Мы лишь ожидали, когда Мордехай завершит учебу. В 1947 году он окончил медицинский факультет, и пока мы занимались оформлением необходимых для репатриации документов, он начал работать в Лодзи.

Мордехай уехал первым - за день до нас. Германия была тогда оккупирована войсками союзников. Американцы не позволяли еврейским мужчинам в возрасте до тридцати лет проезжать через свою оккупационную зону, боясь, как бы они не стали мстить немцам. Поэтому Мордехаю предстоял длинный и сложный маршрут, в то время как для нас был доступен более простой и короткий путь.

Мне было очень тяжело расставаться с мужем. На станции я так горько и безутешно рыдала, что эта сцена тронула даже сердца железнодорожников-поляков.

На другой день мы тоже отправились в путь. Провожая нас, собачка Мушка плакала горькими слезами, как будто понимая, что больше никогда нас не увидит. Из окна вагона мы смотрели на нашу любимицу, которая, стоя под снегопадом, глядела вслед уходящему поезду. Сначала она казалась темным пятнышком на белом снегу, затем превратилась в черную точку. Мы бежали через весь поезд до последнего вагона, чтобы поглядеть на нее еще хоть несколько секунд, пока она совсем не исчезла из виду.

Мордехай остановился в Праге, намереваясь пересесть на поезд, идущий через Австрию во Францию.

Мы тоже следовали в Париж. По прибытии в Прагу мы, к нашему великому удивлению, встретили там Мордехая.

- У меня украли заграничный паспорт и все документы, - сообщил он нам.

Он рассказал, что выйдя из поезда, направился в зал ожидания, выпил там чашку чая и задремал, повесив свое пальто на крючок. А проснувшись, обнаружил, что у него украден паспорт, железнодорожный билет и все эмиграционные документы.

Мордехай отправился в Польское консульство, где встретил Умека Вайнфельда и поведал ему о своих злоключениях. В консульстве ему сказали, что он обязан вернуться в Польшу и оформить все документы заново. Но это была ловушка. Если бы он действительно вернулся в Польшу, ему бы уже не разрешили выехать вторично. Дело в том, что он оформлял свои выездные документы еще будучи студентом, но к настоящему моменту успел уже стать врачом, а врачам покидать страну запрещалось. Вайнфельду удалось достать для Мордехая справку (лессе-пассе) для отплытия в Израиль на итальянском судне в качестве судового врача. Таким образом он отправился из Праги в Израиль раньше меня. Не успел он добраться до места, как его прямо с корабля забрали на полгода в армию. Поскольку в Израиле тогда не хватало врачей, то через полгода ему предложили подписать документ о продолжении службы, и он остался в армии еще на четыре года.

А наш путь проходил через Францию. Мамина сестра, жившая во Франции, оформила нам официальное приглашение. <.....>

**

Позже, уже находясь в Израиле, мы получили письмо от Криси, приемной дочери Анели Домбровской. Дело в том, что ее мать была неграмотной, не умела ни читать ни писать. Поэтому за нее писала Крися. Она сообщила нам, что ее мама больна, что у нее язвы на ногах, и помочь

ей может только пенициллин. Но в Польше достать пенициллин было невозможно, поэтому она обратилась к нам за помощью.

Мы сразу же отправили ей посылку с пенициллином. В следующем письме она благодарила нас за лекарство и просила прислать еще - для проведения следующего курса. В этом же письме она сообщила, что после того как мы уехали, наша любимая собачка Мушка, которой мы были обязаны жизнью, домой не вернулась. Крися искала ее по всему городу, но так и не смогла найти. В конце концов на станции ей сказали, что какая-то собака две недели сидела возле железнодорожных путей. По описанию это была Мушка. Она ничего не ела, не пила, не двигалась с места, и умерла от голода и холода. По сути наша верная Мушка покончила с собой от горя...

Приложения

День Катастрофы в Кфар Сабе

из записей Н. Виниковецкой, 2001 г.

...В День Катастрофы в Кфар Сабе проходила церемония поминовения. Мы собрались на площадке перед входом на городское кладбище возле памятника жертвам нацизма. В одиннадцать часов раздалась сирена, остановилось движение на улицах, все застыли в молчании...

Не буду описывать всю церемонию. Скажу только, что кадиш¹⁵ по убитым в Катастрофе читал Матвей Исаакович (доктор Мордехай Зив). Он поднялся на трибуну в сопровождении внука и внучки. Внучка была в солдатской форме, а внук армию уже отслужил. Молодые люди стояли по обе стороны от деда, готовые в любую минуту его поддержать, если того оставят силы. Матвей Исаакович заметно волновался, но говорил искренне и сильно. Он называл имена своих убитых близких - мамы, младшей сестры, отчима, теток, двоюродных братьев и сестер... Говорил о том, каким образом ему самому удалось спастись: как он бежал на восток, как он изучал медицину в Самарканде и потом вернулся в Польшу вместе с Советской армией, военным врачом; о том, как репатриировавшись в Израиль, пять лет прослужил в Израильской армии, и эта тяжелая служба была ему не в тягость, а в радость.

Факел Памяти зажигала Ядвига. И снова к трибуне вместе с бабушкой вышли внуки. Ядвига держалась уверенно и гордо – элегантная, с великолепным макияжем и прической, с четкой звонкою речью: «...Я - Ядвига Кучинска из Скерневича, - сказала она, - я пережила заключение в гетто своего родного городка, затем Варшавское гетто... Более двух лет наша семья пряталась...»

Ну, в общем-то, ее история Вам уже известна...

¹⁵ Кадиш - поминальная молитва

Младенец в поезде

Записано Н. Виниковецкой со слов Матвея Исааковича в октябре 2005 г.

Матвей Исаакович Либерзон (доктор Мордехай Зив) родился в 1919 году в городе Бердичеве, вырос в Ковеле, где в 1937 году окончил ивритскую гимназию «Тарбут». Мечтал стать врачом, но в Польше это было невозможно, потому что на медицинские факультеты евреев не принимали. Однако в те годы существовала возможность учиться в Италии, в одном из четырех крупных университетов. Матвей Исаакович начал зарабатывать деньги на учебу уроками польского языка и иврита. После раздела Польши в 1939 году Ковель оказался на советской территории.

Матвей Исаакович хорошо знал русский язык. По-русски говорила его мама, а также друзья детства, жившие по-соседству. В 1940 году Матвей Исаакович пытался поступить на медицинский факультет во Львове, однако не был принят: как выяснилось, из-за доноса, в котором сообщалось, что он учился в «сионистской» гимназии.

В конце июня 1941 года, за день до того, как в Ковель вошли немцы, Матвей Исаакович бежал на восток. Добрался до Ташкента, учился Самаркандском мединституте, на третьем курсе был арестован, провел полтора года в сталинских лагерях. Дело в том, что он, как и другие его товарищи-студенты, подрабатывал грузчиком в хлебном магазине. Благодаря этому, ему удавалось немного подкормиться и сэкономить часть своих продовольственных карточек. Товарищи посоветовали ему отоварить эти карточки бубликами, а бублики продать на базаре. Так делали многие – и ничего, а Матвей Исаакович попался. После освобождения из лагеря его мобилизовали в Красную армию - военным фельдшером, вместе с советскими войсками он вошел в Польшу и там встретил Ядвигу Кучинську, которая стала его женой. Продолжал медицинское образование в Варшавском университете, окончил его в Лодзи. В 1949 году вместе с семьей Ядвиги репатриировался в Израиль. Все его родные погибли в Катастрофе.

Когда Матвей Исаакович родился, его маме было всего двадцать лет. Своего родного отца он не знал: тот умер вскоре после его рождения. Через несколько лет мама вышла замуж вторично, он этого брака родилась девочка. Матвей Исаакович очень любил свою маму и младшую сестру. Он уговаривал их бежать вместе с ним из Ковеля, но отчим не захотел, мама сказала, что не оставит мужа, а младшая сестра, естественно, не могла оставить родителей...

Советская армия поспешно отступала, из Ковеля шли на восток переполненные воинские эшелоны. На железнодорожной станции Матвей Исаакович продолжал уговаривать свою маму. Та не соглашалась. Он уехал, но с дороги вернулся, и снова умолял своих родных бежать, но отчим был простужен и боялся сквозняков в вагоне...

Немцы расстреляли его в тот день, когда вошли в город. Мама погибла позже, сестре удалось спастись. Потом Матвей Исаакович узнал, что сестра каким-то образом раздобыла себе фальшивые документы (она была не похожа на еврейку). По этим документам она устроилась работать на фабрику, но однажды встретила на улице свою одноклассницу-польку, которой все о себе рассказала, и та донесла на нее в гестапо.

Матвей Исаакович уехал чуть ли не с последним эшелоном. Он вышел в Бердичеве, чтобы повидаться со своим дядей. За все эти годы он ни разу там не бывал. Дядя жил в том самом доме, где когда-то жили родители Матвея Исааковича, он показал племяннику комнату, в которой тот родился, и сказал: «Мотя, погости у нас хоть немного. Ты ведь еще не видел мою жену. Она поехала навестить нашу дочку, которая недавно родила. Подожди, она скоро вернется, увидишься с тетей, а потом поедешь!» «Нет, - ответил Матвей Исаакович, - если я оставил свою маму, то ради тети задерживаться не стану».

Из Бердичева Матвей Исаакович приехал в Харьков. Там он нашел Медицинский институт и обратился в приемную комиссию. Показал женщине-секретарю свой школьный

аттестат отличника. Та ответила: «С таким аттестатом мы можем принять вас хоть сейчас, но положение очень неустойчивое. Никто не знает - может быть, завтра нам всем придется отсюда бежать. Я советую вам, молодой человек, отправляйтесь в Воронеж». Матвей Исаакович решил последовать ее совету.

Эвакуация из Харькова уже шла полным ходом. Вагоны были забиты настолько, что ему с большим трудом удалось втиснуться на заднюю площадку - и то лишь благодаря тому, что он был крепким спортивным парнем. И вот, стоя на вагонной площадке, зажатый со всех сторон людьми, он вдруг увидел молоденькую женщину, лет восемнадцати на вид, совсем еще девочку, с грудным ребенком на руках. Она обратилась к нему: «Пожалуйста, помогите! Мой муж на фронте, я осталась одна. Мне нужно в Воронеж, но с ребенком я войти не могу! Возьмите его у меня! Пожалуйста! Встретимся в Воронеже!» Матвей Исаакович взял у нее младенца и простоял с ним на руках до самого Воронежа. Молодая мама сумела передать ему бутылку с молоком, и он поил ребенка из бутылки. В Воронеже на вокзале Матвей Исаакович долго искал эту юную женщину, но ее нигде не было. Кто-то из пассажиров посоветовал ему найти в Воронеже Дом Ребенка и сдать туда младенца. Но он совершенно не знал Воронежа, и потому обратился в вокзальную милицию. Он подумал, что если мама приедет каким-нибудь другим поездом, то она, прежде всего, обратится в милицию, и там ей помогут. Женщины-милиционеры плакали вместе с ним, когда он рассказал историю этого младенца. (О, эти добрые русские женщины!) Они говорили: «Поезжайте, не беспокойтесь! С ребенком все будет в порядке. Мы сделаем все, что нужно».

Тогда уже было понятно, что в Воронеже оставаться нельзя...

Скрипка Амати

Записано Н. Виниковецкой со слов Матвея Исааковича в октябре 2005 г

Отец доктора Мордехая (Матвея Исааковича) происходил из богатой семьи. К двадцати трем годам он успел окончить юридический факультет университета и одновременно консерваторию по классу скрипки. По словам матери, он был прекрасным музыкантом и в составе струнного трио выступал в концертах, ездил на гастроли. Мать вспоминала, как однажды дядя мужа принес к ним в дом целый мешок золотых монет и сказал: «Исаак, поезжай в Италию и купи себе там настоящий инструмент». Отец поехал в Италию и привез оттуда скрипку Амати.

Когда отец Матвея Исааковича умер, мама решила вернуться к своим родителям, из Бердичева в Ковель, причем, добиралась она туда не поездом, а на санях (это был март 1919 года). По дороге она зашла в трактир поесть и согреться, а там как раз обедали красные командиры. Их было несколько человек и все, как на подбор, молодые. Юная мама с младенцем на руках привлекла их внимание, они пригласили ее к своему столу и стали расспрашивать, кто она и откуда, и куда направляется. Мама Матвея Исааковича все им рассказала. Кроме завернутого в одеяло ребенка она держала в руках еще один небольшой сверток.

- А это у вас что? – спросили ее красные командиры.

Она развернула и показала скрипку. Один из командиров взял скрипку в руки и стал внимательно ее разглядывать. «Да ведь это же «Амати!»» - воскликнул он и на какое-то время потерял дар речи. Потом он взял смычок, провел им по струнам - вероятно, в прошлом он был музыкантом, после чего вынул откуда-то мешок (снова мешок!) с деньгами и сказал: «Продайте мне эту скрипку!». Откуда у него взялись эти деньги, можно только догадываться. Но мама Матвея Исааковича ответила командиру: «Нет. Я ни за что на свете не продам эту скрипку. Она для меня все равно, что второй ребенок. Разве можно продать ребенка?». Тогда командир выписал ей специальный пропуск, чтобы по дороге ее никто не задерживал. Таким она благополучно добралась до Ковеля. А в июне 41-го года, когда Матвей Исаакович собирался бежать на восток, мать сказала ему: «Возьми с собой скрипку!». Но он ответил: «Зачем? Если я оставляю здесь тебя и сестру, то зачем мне скрипка?»

Естественно, этой скрипки он больше никогда не увидел.

И вот однажды много лет спустя, в шестидесятые годы, уже здесь в Израиле, Матвей Исаакович шел к своей пациентке и по дороге увидел, что на улице сносят дом. «Я любопытный человек. Врач, вообще, должен быть любопытным, иначе, что это за врач!» Как был, в медицинском халате, он остановился, чтобы разузнать, зачем сносят этот дом и что собираются строить на его месте. Кроме него там собралось еще несколько прохожих, с одним из которых он разговорился. Тот оказался репатриантом из Черновиц. Он жил неподалеку и пригласил Матвея Исааковича к себе на чашечку кофе. Тот согласился. За кофе новый знакомец рассказал, что в его семье в Черновцах все занимались изготовлением скрипок. Это был неплохой бизнес. Их скрипки пользовались спросом не только среди местных евреев и украинцев, но также среди заезжих цыган. Сам он с детства участвовал в семейном производстве, а когда подрос, родители отправили его учиться в Италию, где он стал настоящим скрипичным мастером. У него на стене висел диплом, где было написано по-итальянски: «Профессоре такой-то...». Выслушав его историю, Матвей Исаакович рассказал ему про скрипку Амати. И тогда мастер подошел к шкафу, достал оттуда скрипку и протянул ее Матвею Исааковичу:

- Вот. Смотрите, что здесь написано. Видите? «Школа Амати. 1682 г.». Это, конечно, не сам Амати, это работа его учеников. Но поверьте мне, это прекрасный инструмент. Цена ему три тысячи долларов, но вам я продам его за две.

И Матвей Исаакович купил у него эту скрипку.

Матвей Исаакович и Ядвига хотели, чтобы их старший внук Хэзи научился играть на этой скрипке. Нашли хорошего преподавателя, мальчик начал брать уроки, но потом водить его стало некому. Скрипка много лет пролежала без применения в своем футляре. И тогда Матвей

Исаакович решил отдать ее в местный консерваторион – музыкальную школу Кфар Сабы:
«Пусть на ней играют в концертах самые лучшие ученики-репатрианты!»

Историческая справка

Из Интернета

Перевод с английского

30 января 1939 года Гитлер в своей речи обвинил еврейских финансистов в экономическом кризисе и предупредил, что результатом будущей войны будет «полное уничтожение еврейской расы в Европе».

Сентябрь 1939 года — Германия и Россия вторглись в Польшу. Один из самых жестоких нацистов Ганц Франк становится генерал-губернатором: нацистский лидер правит Польшей.

Из истории Варшавского гетто

Польский историк Бен Марк писал:

«Многие освободительные войны несли в себе зародыш неизбежного поражения, но ни на одной из них не лежала печать столь глубокого трагизма, как на последнем боевом порыве остатков обитателей Варшавского гетто, вспыхнувшем на могиле их близких, без тыла, почти без оружия, без ничтожного шанса на победу».

В конце 1942 года обитателям Варшавского гетто становится известным, что регулярные депортации являются частью процесса истребления евреев. Две организации еврейского сопротивления, ŻZW (Еврейский Военный Союз) и ŻOB (Боевая Еврейская Организация) берут гетто под свой контроль, сооружая сотни боевых пунктов. В спешном порядке различными способами строятся бункеры и убежища. Еврейское население уходит в подполье. 19 апреля 1943 года (вечером этого дня начинался праздник Песах) - когда полиция и вспомогательные силы СС вошли в гетто, чтобы очистить его от обитателей - началось восстание. В течение трех недель силам еврейского сопротивления удавалось сдерживать немецкие атаки. 19 апреля на крышу штаб-квартиры Еврейского Сопротивления Варшавы взобрались два мальчика и установили бело-голубой флаг Еврейского Военного Союза. Флаг был виден с городских улиц. Когда об этом доложили Гимmlеру, тот пришел в ярость и приказал генералу СС Юргену Штропу подавить сопротивление «жестoko и беспощадно». Штроп в свою очередь дал распоряжение предать все гетто огню: здание за зданием.

8 мая немцы обнаружили главный командный пункт ŻOB, находившийся на улице Мила 18. Большая часть руководства и десятки бойцов сопротивления были убиты, другие покончили жизнь самоубийством. 16 мая, согласно официальным сведениям, восстание было подавлено. В ходе восстания погибло тринадцать тысяч евреев. Оставшиеся были отправлены в лагеря смерти, в основном в Трeблинку. 2 июня Гимmlер распорядился «сравнять гетто с землей». Тем не менее до середины июля еще продолжались отдельные партизанские вылазки, с территории гетто слышались спорадические перестрелки - пока там все не сравняли с землей.

.....

Из книги: «Самая героическая битва: 28 дней Варшавского гетто».

Банда контрабандистов во главе с Шмуэлем Ашером вырыла гигантский бункер под тремя большими смежными зданиями на улице Мила. Впоследствии Ашер привел в этот бункер руководителя ŻOB Мордехая Анелевича.

Проникнуть в бункер можно было только через дом номер 18. Борьба в гетто продолжалась и после того, как этот бункер пал...

Атака на Мила 18 началась 8 мая 1943 года после почти трехнедельных боев между солдатами СС и восставшими евреями. В этих боях участвовали украинские и латвийские вспомогательные подразделения.

В течение двух часов украинские и латвийские эсэсовцы бомбардировали вход в дом, а затем пустили в бункер слезоточивый газ - чтобы заставить его обитателей выйти наружу. Не желая сдаваться врагу, многие бойцы сопротивления покончили с собой. В бункере на Мила 18 в тот день находился руководитель восстания Мордехай Анелевич. С ним было 120 его товарищей и еще около 80 человек, не состоявших в организации ŻOB

Почти за 2000 лет до описанных событий группа евреев в крепости Масада решила покончить с жизнью, чтобы не сдаваться римлянам. Подобно им бойцы из бункера на Мила 18 добровольно приняли такое же решение...

.....

Бункер на улице Мила 18 часто упоминается в качестве последнего павшего укрепления в Варшавском гетто, но это не соответствует историческим фактам (по утверждению Юргена Штроппа, только 12 мая его люди взяли 30 «бункеров»). Следует также отметить, что современная нумерация домов отличается от той, которая существовала во время войны: нынешний жилой дом на Мила 18 находится совершенно в другом месте¹⁶.

Варшавское восстание

1 августа 1944 года бойцы Варшавского сопротивления предприняли попытку освободить город от нацистской оккупации. Сражения продолжались 63 дня. Надежда восставших на помощь союзников оказалась тщетной. Они потерпели поражение. Тысячи людей были убиты.

¹⁶ Ядвига сказала, что на месте бункера возведен памятник героям еврейского сопротивления, на котором выбиты имена павших бойцов. На этом памятнике есть также имя Моника.

Оглавление

Повесть моей жизни	1
Вступление переводчика	3
Кто безумен?	6
Избалованный ребенок	11
Победители на час	19
«Капсула в гетто»	23
Бегство из Варшавского гетто	28
Рава-Мазовецка	35
В поисках пристанища	41
У Анели	51
У Анели. Продолжение	59
Домой?	72
Новая жизнь	82
Приложения	86
День Катастрофы в Кфар Сабе	87
Младенец в поезде	88
Скрипка Амати	90
Историческая справка	92
Из истории Варшавского гетто	92
Варшавское восстание	94